

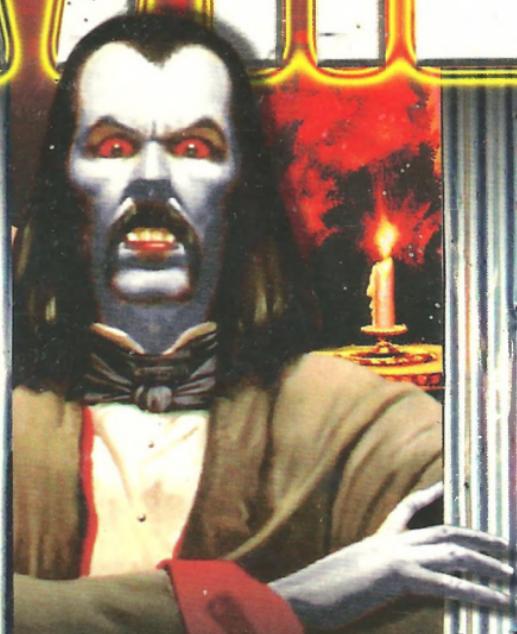
Путь из ада

ДИКИЙ КУНДА

БР

ДИКИЙ КУНДА

Путь из ада

DEAN R.
KOONTZ

Dark of the Woods

A Novel

**ДИКИЙ
КУНЦ**

Путь из ада

Роман

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2003

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
К91

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

*Иллюстрация на обложке печатается
с разрешения художника
и литературного агента А. Корженевского*

Перевод на русский язык
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

Художественное оформление серии
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

ISBN 5-227-01370-5

- Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Первая небольшая порция неприятностей настигла их сразу же, как только они покинули борт звездолета на поле космодрома планеты Димос, — своего рода предзнаменование грядущих нелегких времен.

Стэффер Дэйвис спускался по ступеням трапа, покрытым гофрированной резиной, бок о бок со своим роботом-охранником Протеем. После утомительного перелета из центральных миров Альянса он был так взвинчен, что даже тихое побулькивание пластиплазмы внутри сферического корпуса робота, увенчанного сверху конусом наподобие кепки, действовало ему на нервы чуть ли не до тошноты. Протей же находился в полном неведении о чувстве раздражения, охватившем его хозяина; каждая унция его бытия, каждая капля квазипло-

ти, циркулирующей по внутренним протокам, заменяющим кровеносную систему, была сконцентрирована на поддержании максимальной эффективности слежения за окружающим, чтобы не упустить ни малейшего признака проявления враждебности иных форм жизни, прежде чем те смогут причинить ущерб человеку, находящемуся под его опекой. Пока робот скользил по воздуху на гравитационных пластинах, напоминающих тарелки, его крошечные сенсорные датчики поблескивали в ярком солнце — некоторые из них и сами светились откуда-то изнутри Протея: янтарные, темно-красные и мягкие пульсирующие голубые огоньки. Два же его главных элемента визуального восприятия окружающего, прикрытые белыми экранами, похожими на катаракты, по зоркости ни в чем не уступали самой лучшей паре глаз, и даже во многом превосходили их.

Когда они находились уже на полпути к минибусу, который должен был доставить их в главное здание космодрома, с восточной стороны неба по воздуху бесшумно скользнула вниз летучая паукомышь; ее покрытые пухом кожистые крылья были широко раскинуты, когтистые лапы вытя-

нулись, чтобы одним рывком содрать скальп с головы человека...

В банке данных с индексом этой планеты в памяти Протея содержалась информация о том, что летучая паукомышь — наиболее злобный маленький хищник, известный тем, что, даже не будучи особенно голодным, способен наброситься на трехрогого быка, оставив после себя пожирателям падали почти нетронутую тушу огромного животного. Размах ее кожистых крыльев не превышал восемнадцати дюймов, а вес — двух фунтов; единственное примечательное чертами — исключая, конечно, маниакальную решимость и полное отсутствие страха — были зубы и длинные ломкие когти, которые маленькая тварь постоянно оттачивала на осыпающихся известняковых склонах холмов своей родной планеты. Эти когти могли выпустить кишку человеку в считанные мгновения.

Протей отреагировал без какого-либо промедления: козырек, прикрывающий ствол его главного орудия, словно растворился, когда робот развернулся в сторону цели. Из дула вылетело щупальце пласти-плазмы, обвилось вокруг туловища паукомыши и так сдавило его, что превратило

хищника в бесформенную полужидкую массу. Протей отшвырнул то, что осталось от животного, на бетон, где останки какое-то время еще содрогались, пока наконец не затихли и жизнь не покинула их окончательно.

Позже Дэйвис уже не мог вспомнить: услышал ли он шелест крыльев второй зверюги или же интуитивно понял, что в последнем вздохе убитой твари содержался призыв о помощи, но как бы то ни было у него возникло ощущение угрозы... Он отскочил, рухнул на колени и откатился в сторону, прикрыв руками голову, чтобы защититься от нападения второй летучей паукомыши. Всегда нелишне помнить, что боги, создавшие другие миры, ничем не отличались от нашего Бога, сотворившего Землю, а значит, везде в силе одно из основных правил — всякой твари по паре...

К счастью, Протей, видимо, также помнил об этом.

Самец убитой самки паукомыши камнем рухнул вниз и пополз по жесткому бетону космодрома. Он направлялся к Дэйвису, топорща крылья, скрежеща когтями по бетонному покрытию, с глазами, красными от бешенства. Зверь был уже в

шести футах от человека, когда Протею удалось сцепить его и задушить. Робот бросил труп второго животного рядом с останками первого.

Они забрались в транспорт.

Возле здания космодрома минибус вынужден был сделать короткую остановку перед небольшой кучкой людей, над головами которых красовался транспарант с надписью: «Добро пожаловать, Стэффер Дэйвис!» Он вздохнул, взглянул на Протея и пожелал, чтобы робот мог также думать, слушать и разговаривать, а не только защищать своего хозяина. Ему так хотелось высказаться на чистоту перед Протеем — эти фанаты исторических романов вызывали у него лишь одно чувство: бежать куда глаза глядят!

Они выходили последними, робот скользил по воздуху чуть впереди; его микроминиатюрных мозгов хватало только на то, чтобы отличить зло от добра и уничтожить первое. «Если бы мир глазам людей, — подумал Дэйвис, — представлялся только в черно-белом свете, то некоторые вещи воспринимались бы намного легче». Те насекомые, которых усердно уничтожал робот,

самому Дэйвису казались вполне безобидными, и он решил, что, возможно, не лучшим образом упорядочил данные по флоре и фауне Димоса в банке памяти машины. В запоминающих ячейках Протея хранились сотни единиц стертых и вновь перезаписанных данных — все это нуждалось в более совершенных методах сортировки, чистки и давно требовало наведения порядка. Обо всем этом следовало позаботиться сразу по возвращении в основные миры, сейчас же Дэйвису оставалось при первой представившейся возможности переориентировать отношение своего механического соотечественника к этой планете и питать надежду, что этого окажется достаточно.

— Мистер Дэйвис! — воскликнула рыжая, с вы ющимися волосами женщина, первой выбравшаяся из толпы «книжных червей». Она протянула ему руку в белой перчатке.

Писателя тревожила мысль: как долго придется выдерживать воздаваемую ему дань уважения? Проклятие, он ведь чертовски устал!

— Как трогательно! — тем не менее умудрился произнести он с улыбкой, подумав при этом о том, что хорошо еще,

что никто из них, по-видимому, не рас- слышал скрежет его зубов.

Протей тем временем пришел к выводу, что живой жук, которого женщина в белых перчатках использовала в качестве броши, представляет для его хозяина опасность. Он стремительно выпалил псевдощупальцем и размазал насекомое прямо на розовом отвороте блузки поклонницы.

— Мой робот еще не совсем точно настроен на Димос, — поспешил объяснить Дэйвис, еле сдерживаясь от смеха при виде сочного пятна.

Дама попыталась смахнуть раздавленное насекомое со своего костюма и добилась только того, что измазала еще и перчатку.

— Совсем безвредный жук, — уныло заявила она. — Здесь, на Димосе, не осталось почти ничего, что могло бы по-настоящему представлять опасность. Димос можно смело поставить на второе место после Рая, мистер Дэйвис!

Но разве не Ад находится на втором месте после Рая? Да, возможно, здесь и был подлинный Рай до прихода Альянса, заковавшего зеленые равнины в бетон, чтобы обеспечить посадку своих ги-

гантских кораблей. И это было бы еще не так плохо, если бы был разрушен один только ландшафт, но они также заодно уничтожили и обитателей Димоса. Совсем маленькая популяция крылатых людей, однако Альянс готов скорее истребить, чем пойти на уступки. К тому же димосиане оказались настолько дерзкими, что осмелились оказать сопротивление Альянсу, замыслившему аннексию их родной планеты! Поэтому их всех и истребили! Навечно... Вот девиз любого тоталитарного правительства: «Никогда не оглядываться, только вперед!» И конечно же эти крылатые люди были иного происхождения, «инородцами», а это слово по требованию правительства Альянса трактовалось только в одном понятии — «почти животные». А посему забудьте, что демосиане были разумными существами с культурой и традициями, уходящими в глубь веков! Для Альянса все это без разницы! Глубинка, питающая своими корнями администрацию и правительство, сосредоточившихся на древней планете Земля, считала все иные формы жизни низшей ступенью развития по сравнению с человечеством. Следовательно, если инородец ниже человека,

то он и не заслуживает человеческого обращения. Логика мегаманьяков, но именно такие типы и пришли к власти! Коалиция Превосходства Человека — самая крупная партия — давно уже заправляла Альянсом, а они признавали только язык оружия. Неужели эта ограниченная, самодовольная женщина не понимает, что его следующий исторический роман будет именно об истреблении, которое имело здесь место, истреблении ста семидесяти миллионов крылатых мужчин и женщин, перебитых в процессе колонизации Димоса Альянсом, с такими отягчающими преступления деталями, как использование в целях стерилизации территории горчичного газа и прочих средств массового уничтожения, которые черными буквами начертали на лбу человечества страшное слово: «ГЕНОЦИД»? Вот это *Рай...*

Дама прервала размышления Дэйвиса, потребовав, чтобы он подарил свою новую книгу их клубу, перед тем как покинуть Димос. Затем он подписал несколько — слава Богу, немного — своих книжек, которые они принесли с собой под дружный аккомпанемент благодарностей и славословий в свой адрес...

— Сейчас здесь необходимость в них почти отпала, — наставительно произнес полномочный представитель Альянса, указывая на парящего поблизости Протея, когда Дэйвис неловко расположился в кресле напротив массивного металлического стола.

— Он убил летучую паукомышь, едва мы успели выйти из корабля.

— О, не волнуйтесь, большинство этих тварей уже уничтожено. Они теперь стали очень редки.

— Мне бы хватило и одной.

Чинуша нахмурился:

— Думается, что вы будете обрадованы, узнав, что поселились прямо в их птичнике. Одно из немногих местечек, что еще остались. Этот поселок использовался в исследовательских целях экспедицией социологов несколько лет назад и более-менее приспособлен для нужд человека. Работая там, вам будет легче осознать то, как аборигены жили, вернее, существовали. — Последние слова были произнесены с явным отвращением, словно крылатые люди недалеко ушли от невообразимых варваров. — Заповедник всего лишь в полутора милях от того места, где вам предстоит жить, — продолжил полпред, нервно разглаживая кон-

чики усов обеими руками, словно приведение в порядок этой части растительности на лице могло соответственно навести порядок и в его смятном разуме. — Вас обеспечат едой и всем необходимым.

— Заповедник? — переспросил Дэйвис.

— Ну да, место, где держат последних крылатых людей.

— Держат?

— Ну да... До тех пор, пока они... не пепреррут. — Полпред явно чувствовал себя неловко и избегал пристального взгляда Дэйвиса. — У нас уже готова машина, чтобы отправить вас туда прямо сейчас. Если хотите, то следуйте за мной... Ваш багаж уже собрали и погрузили.

Они покинули офис через заднюю дверь, прошли длинным тусклым коридором к металлической, на случай пожара, двери и, открыв ее, ощутили на лицах приятное дуновение легкого послеполуденного осеннего бриза. Свежий воздух воспринимался с невыразимым облегчением после стерильной, пронизанной сквозняками от кондиционеров атмосферы похожей на усыпальницу штаб-квартиры Альянса. Черный, обтекаемой формы гравитационный автомобиль неподалеку покоялся на своем резиновом

ободе, его распахнутые двери напоминали разинутые рты.

— Да, кстати, — промямлил полпред после краткого замешательства, — жена просила насчет того, не могли бы вы... ну, у меня здесь первое издание вашей книги «Лиллианская девушка», и...

Дэйвис поставил свой автограф на книжке, забрался внутрь машины, дождался, когда Протей втиснется в нее с другой стороны, затем плотно сомкнул створки дверей, переключив соответствующий рычажок на консоли. Все это время представитель Альянса торчал рядом, терзаясь сомнениями по поводу того, на каких условиях они расстаются — дружеских или враждебных? Раз уж, как предполагалось, Дэйвис собрался написать проальянсный роман, чиновнику хотелось выглядеть любезным насколько это возможно. Писатели подобного рода в местной, только еще формируемой общине на планете были пока еще крайне редкими гостями. «Когда книга выйдет, — подумал Дэйвис, — этот жалкий бюрократ проклянет себя за то, что расшаркивался перед гостем». Они наверняка всучат Дэйвису счет за все услуги, которые сейчас оказывают ему бесплатно. Но пока было важно поддерживать

в них заблуждение, что геноцид в книге будет выведен во вполне благоприятном свете, хотя бы для того, чтобы получить доступ к жилищам крылатых людей и собрать сведения об их архитектуре и, возможно, быте и образе жизни из первых рук. Он включил автопилот, откинулся на спинку сиденья и расслабился уже в тот момент, когда машина оторвалась от грунта и, урча, понеслась прочь из города вокруг космопорта, подальше от полпреда и квадратного серого здания штаб-квартиры Альянса.

Вскоре их солидный робоавтомобиль покинул упакованное в бетон пустое огромное взлетно-посадочное поле и выбрался на ухабистую дорогу, потребовавшую дополнительной нагрузки на компенсаторы гидравлических тарелок, которым пришлось поработать на всю катушку. Их с Протеем мотало то вверх, то вниз среди крутых холмов вперемежку с ровными участками земли, покрытыми зеленовато-голубой травой. Однажды какая-то хищная птица, хотя и гораздо менее злобная, чем летучая паукомышь, спикировала на лобовой экран. Протей тут же влепил в стекло псевдококон и уже только потом уяснил для себя, что Дэйвис находится в укрытии

и надежно защищен от внешнего мира. Он втянул в себя весь свой арсенал из пластиплазмы и всю оставшуюся дорогу мирно предавался каким-то своим «размышлениям».

Дэйвис от всей души понадеялся, что ему не придется выслушивать из уст еще одного наймита Альянса всякую чушь о том, что на Димосе сплошь «тишь, гладь да Божья благодать». Что это с их стороны — все эти уверения о том, что здесь чуть ли не Рай земной, — просто психологический трюк, чтобы помочь убедить самих себя в правомерности истребления коренных димосиан, или же?..

Машина прорвалась через редкую дре-весную поросль у подножия холмов и оказалась перед первым из димосианских жилищ. Темные камни стен были плотно пригнаны один к другому без помощи известкового раствора; строение напоминало по форме башню высотой в девяносто футов, а в диаметре имело верных шестьдесят. Внизу находилось несколько круглых «дверей», расположенных, по-видимому, на равном расстоянии друг от друга. Крылатые люди, судя по всему, не все время проводили в полете, они явно не в меньшей мере пребы-

вали и на поверхности планеты. Дэйвис не мог оторвать пристального взгляда от искусственной постройки, пока их машина плавно проплывала мимо.

Возле тридцать шестой по счету башни машина опустилась в дорожную колею и остановилась, распахнув все двери, как только гравитационные тарелки прекратили свою работу, а корпус закачался на резиновых ободах. Протей первым выбрался наружу и незамедлительно приступил к патрулированию места высадки.

Но вокруг не нашлось ничего представляющего опасность и подлежащего уничтожению.

Дэйвис внес внутрь здания часть багажа; Протей неизменно находился впереди. Место и снаружи вызывало искренний интерес, внутри же производило поистине ошеломляющее впечатление. Сердцевина здания, куда они попали, миновав широкий проход, ведущий от самого входа, круто уходила ввысь и на высоте девяноста футов венчалась потолком, пропускающим дневной свет. Из этой сравнительно небольшой центральной части открывались похожие на амбразуры входы в комнаты, устроенные вдоль всего подно-

жия массивной каменной кладки, представляющей внутреннюю стену башни. Архитектура поражала воображение дерзким сочетанием круглых и овальных форм, напрочь отмечая традиционный, привычный глазу орнамент. Изображения аборигенов, парящих в воздухе, портили только аляповатые рисунки звезд, сделанные, судя по всему, совсем недавно. Он решил, что это наверняка художества тех самых социологов, занимавшихся здесь исследованиями, о которых говорил ему полпред. Зачем крылатым людям мечтать о звездах?..

Закончив с переноской багажа, Дэйвис приступил к осмотру внутренних помещений. Сначала ему попались комнаты отдыха, увешанные по стенам игровыми досками. Он снял несколько, будучи уверенным, что сможет разобраться в их назначении, чтобы потом использовать при написании книги. Следующие помещения представляли собой в димосианском варианте кухни, ванные комнаты, кабинеты и библиотеки. Спальни были почти сплошь увешаны гобеленами и сетками из травы ручной работы, волокна и стебли которых переплетались в причудливые узоры на манер вышивки; кро-

вати были широкими и очень низкими, матрасы толстыми и по людским меркам чересчур мягкими.

Обследовав едва ли половину из этих сорока комнат, он поспешил сделать первые записи на своем магнитофоне, пока еще не изгладился из памяти тот первоначальный страх, который он испытывал перед тем, как приступить к воплощению в жизнь столь сложного проекта. Теперь же он ощущал приятное чувство мира и покоя, навеянное сознанием того, что вряд ли с ним случится что-нибудь плохое в этом здании, построенном давно умершими людьми. Потом он испытал кухонную аппаратуру и нашел, что все в рабочем состоянии, как и обещал полпред. Давление было вполне нормальным — видимо, где-то рядом работал генератор гравитации, скрытый так, чтобы не бросаться в глаза и не нарушать подлинность окружающей обстановки. Не было только еды.

Пока не пришла она...

Дэйвис только-только плюхнулся на кровать, чтобы мысленно воссоздать картину столь поразившего его воображение искусства и зодчества коренных обитателей планеты. Ее голос прозвучал как мелодич-

ное эхо в тихом полуденном воздухе. Сначала он решил, что ему почудилось, так как был уже на грани сна. Затем понял, что его окликнули по имени. Он выбрался из кровати и прошел во внутренний портал, откуда стал вглядываться в стены центрального зала.

Она уже было собралась вновь окликнуть Дэйвиса, когда заметила его краем глаза, и тогда взглянула прямо вверх...

У него появилось такое ощущение, словно он рассматривает себя со стороны. Понимал, что с разинутым ртом выглядит довольно глупо. Однако никак не мог заставить себя закрыть рот.

Копна черных как смоль волос обрамляла ее ангельское лицо, красоту которого еще больше подчеркивали черные, как эбеновое дерево, глаза; густые пряди были затейливо уложены вдоль грациозной шейки. Волосы волнами падали на ее одеяние, похожее на тогу, и прикрывали маленькие груди.

— Я принесла еду, — сообщила она, показывая бумажную сумку и термос, — от надзирателей заповедника. Надо ли мне подниматься к вам?

— Да, — ответил он, наконец-то совладав с собой и закрыв рот.

Она сделала три маленьких шажка на носках, словно балерина перед тем, как закружиться, и, так как воздух был ее родной стихией, взмыла к нему на мягких голубых крыльях. Янтарный свет, проходя сквозь мембранные, как через фильтр, становился нежно-фиолетовым, делая каждую складку ее гибкого тела похожим на лепесток, вклеенный между изящными очертаниями позвонков. Затем раздался звучный хлопок, когда перепончатые крылья сложились, расправились, вновь сложились, — и вот она уже стояла перед ним в портале, протягивая еду и термос.

Рядом с хозяином озадаченно жужжал Протей, лихорадочно перебирая в своем банке данных всех представителей местной флоры и фауны, чтобы убедиться, что гостья не относится к смертельно опасным видам. Вот теперь Дэйвис порадовался тому, что не пожалел времени и по дороге перенастроил робота на Димос. Иначе Протей, весьма возможно, поприветствовал бы девушку на свой не слишком-то приятный манер.

— На сегодня этого хватит, — прощебетала она. — Экономка Солсбери хочет переправить со мной в гравитационной ма-

шине недельный запас провизии. Завтра утром, если это вас устроит?

— Да, вполне. — Он еще какой-то миг пристально вглядывался в нее, не в силах оторвать глаз, затем спросил: — Не хотите ли составить мне компанию?

— Нет, благодарю вас! Я уже поела, мистер Дэйвис. — Она улыбнулась, довольная его смущением.

— Мое имя Стэффер.

— Мне незнакомо это имя, — она нахмурилась, — хотя я думала, что довольно хорошо овладела вашим языком.

— Так оно и есть. Просто Дэйвис это не имя, а фамилия. Моя мать, садистка, была вне себя, что вышла замуж за моего отца. Она выместила на мне свою горечь, навязав свою девичью фамилию.

— Судя по вашим словам, эти люди не были счастливы.

— Как бы то ни было, они уже умерли, — ответил он. — Только не делайте вид, что это вас печалит.

Так они и стояли; ее черные глаза казались даже более темными в янтарном свете, а сложенные на спине крылья походили на кусок плюшевой ткани и так плотно облегали ее, что создавалось

впечатление, будто их вообще не существует.

— Ну, — наконец промолвила она, — я должна идти.

— Я совсем не знаком с Димосом, — импульсивно вырвалось у него. — Не могли бы вы попросить экономку Солсбери, если, конечно, сами не против, чтобы та разрешила вам стать моим гидом на несколько дней... пока я не привыкну?

Она смутилась:

— Я спрошу. Но сейчас мне пора идти, а не то она рассердится. — И гостья повернулась, шагнула в воздух, взмахнула крыльями и опустилась вниз. Спустя несколько секунд она уже покинула центральный зал, и слабый шелест ее крыльев затих в отдалении.

И, лишь избавившись от завораживающего присутствия девушки, здравый смысл, подобно приливной волне, затопляющей все побережье, хлынул в его голову, промывая мозги, — и он проклял себя за собственную глупость. Естественно, посетительница привлекла его, так как была вне всяких сомнений прекрасна. Но ему не следовало выставлять свой интерес к ней напоказ до такой степени. Вообразить ее своей любов-

ницей — а именно это он и сделал — дикая блажь или даже более того — смертельно опасное безумие. Верховный Совет Коалиции Человечества издал и неукоснительно следил за строгим исполнением ряда законов насчет всевозможных попыток вступить в связь с представителями иных форм жизни: любой землянин, влюбившийся в инопланетянку, подвергался наказанию — его делали стерильным и приговаривали, как минимум, к двадцати годам тюремного заключения. А оказавшись за решеткой даже на такой «минимальный» срок, шансов выйти живым на свободу почти не было.

Нанятые Верховным Советом и беззатратно преданные ему охранники и надзиратели не только ревностно, но и с видимым удовольствием выполняли свои обязанности и отличались садистской жестокостью.

Он не мог позволить себе даже в мыслях предаваться подобным мечтам. Для любого человека даже думать об этом было по меньшей мере глупо, не говоря уже о таком, как он, которому было что терять.

Он должен воспринимать аборигенку только как друга. Но как могло так быстро возникнуть влечение? Ведь он же не из тех,

кто верит в так называемую любовь с первого взгляда. То, что он ощутил, могло быть только вожделением. А вожделение можно преодолеть. Он будет думать о ней только как о друге и не позволит себе в нее влюбиться.

Он надеялся...

А позже, этой же ночью, пришли сны.

«Любовь — квинтэссенция духовной жизни». Сведенборг...

Стэффер Дэйвис мечется в языках пламени. Они лижут его, но не поглощают. Наоборот, они его восхищают, пронизывая его плоть очистительным огнем, превращая в живительный пепел, из которого подобно Фениксу возродится его древняя душа...

«Единственная победа над любовью — бегство». Наполеон...

Но он не имел в виду... Ладно, пусть будет все по Фрейду... Дэйвис убегает в своих запретных снах. И все же вокруг по-прежнему языки пламени, они становятся все выше, все шире и охватывают его полностью. И он летел сквозь них, танцуя в горячем воздухе, а она летела рядом...

«О моя любовь, ты как черная роза». Бернс и Стэффер Дэйвис...

Он летел сквозь языки пламени, бок о бок с ней, крылом к крылу, распевая песни любви в раскаленном воздухе...

Но все вдруг превратилось в ночной кошмар. Пламя внезапно стало обжигать. Его крылья охватил огонь, они вспыхнули белым пламенем. Он видел, что и ее крылья тоже...

Он видел, как она падает...

И он падал вместе с ней туда, где их ожидали тысячи крылатых мужчин и женщин, чтобы обвинить его. Они знали, что он не один из них. А дальше на горизонте маячили стражи Верховного Совета со стальными скальпелями и инструкциями по проведению операции стерилизации.

Он проснулся от собственного крика.

Протей врубил всю свою подсветку; пластиплазма чуть ли не выплескивалась из его серебристой упаковки, а линзы непрестанно обшаривали комнату.

Здесь и быть ничего не могло, кроме разве что призраков тысяч крылатых мужчин и женщин, давным-давно переселившихся в мир иной или куда-то там еще,

согласно их верованиям, а с тех пор уже немало воды утекло.

Дэйвис сел на край кровати и, обхватив голову руками, задумался о той глупости, которую совершил, если позволит этому безрассудному увлечению перерasti в нечто серьезное. Импотенция от рук хирургов Верховного Совета... тюремное заключение... смерть, почти наверняка...

Но ни одно из этих страшных видений, казалось, не могло вытеснить из памяти ее образ: черные как смоль волосы, совершенную геометрию ее крыльев и многое другое, что уже прочно укоренилось в его мозгу. «Боже, будь все проклято! — подумал он. — Неужели я совершу ошибку того художника, который влюбился в плод своего воображения? Бездумное увлечение. Ничего больше. Боже, пожалуйста!..»

Протей обшаривал дальние углы комнаты и все искал и искал...

Глава 2

В течение двух последующих дней положение, в котором оказался Дэйвис, лишь усугубилось, так как он нашел, что эта де-

вушка, Ли, представляет из себя нечто большее, чем просто пустую красавицу, с лицом, точно высеченным резцом скульптора, и прекрасными формами. Она также обладала острым умом и глубоко укоренившейся тягой к самоусовершенствованию, и обогащать ее новыми знаниями было подлинным удовольствием. Она сама обучилась культуре своих завоевателей и хорошо представляла их жизнь и образ мыслей, а посему могла почти на равных дебатировать с Дэйвисом, и притом весьма аргументированно, по темам, которые он выбирал сам. И его эмоциональный интерес невольно начал еще больше усиливаться и подогреваться, вместо того чтобы обрезать любые нити притяжения, которые связывали их. Когда он увидел Ли впервые, то был просто очарован. Теперь же он восхищался ею.

По ночам, лежа в кровати, которая была слишком велика, низка и непомерно мягка, он насилино заставлял себя думать о наказаниях за кровосмешение. Власти могут сделать так, что он больше никогда не ощутит сексуальный интерес ни к одной женщине. Его могут посадить в тюрьму и пытать. Они могут даже убить его...

Но всякий раз по утрам, когда Ли возвращалась, он, казалось, напрочь забывал о мрачных ночных раздумьях. Он не мог отпустить ее, так как был слишком восхищен ею. Он умышленно много раз провоцировал девушку, делая вид, что потерял от нее голову, и все только затем, чтобы убедиться, что она не преследует никаких тайных целей.

На третий день ее работы гидом связь между ними стала налицо; сначала он только догадывался об этом, но потом убедился окончательно. На третий день он стал преступником в глазах Альянса. Это началось с крысы и достигло кульминации в храме.

Крыса...

Он спросил ее в то утро, не осталось ли поблизости какого-нибудь убежища — если такие, конечно, были, — сооруженного крылатыми людьми для защиты от облаков горчичного газа, которыми окуливали их города войска Альянса? Он знал, что это отравляющее вещество разъедает даже резину и противогазы выходят из строя уже после второго употребления.

— Есть одно на тропинке в миле отсюда, — отзвалась она. — Мы можем до-

браться туда за пару минут, если, конечно, от него что-нибудь осталось.

— А может, поблизости есть какое-нибудь уцелевшее?

— Таких не осталось нигде, — ответила она. — Захватчики находили их одно за другим и уничтожали.

Он запнулся, болезненно поморщившись при этих упоминаниях о жестокостях войны. Девушка высказалась так прямолинейно не затем, чтобы смутить его, а просто констатируя факт. «В самом деле, — подумал он, — она даже в мыслях не отождествляет тех гражданских лиц-землян, которые поселились здесь после войны, с закованными в доспехи солдатами времен вооруженного конфликта».

— Ладно, ничего не остается, как отправиться туда, — заявил он.

Дэйвис повесил на плечо свой магнитофончик, и они отправились пешком, чтобы насладиться теплом и свежестью утра. По обе стороны от них раздавались всевозможные шорохи, когда животные, обитатели лесов, стремились взобраться на деревья или спрятаться в норе при их появлении. Он вспомнил, как читал воспоминания очевидцев о том, как выглядели улицы ди-

мосианских городов, когда на них вступили войска Альянса. Свидетели описывали огромные количества мертвых птиц и животных, пострадавших от горчичного газа, их были десятки тысяч, они лежали так плотно, что на больших участках из-за них не было видно и кусочка земли.

— А вот и убежище, — показала она. — По крайней мере то, что от него осталось.

Он обратил взгляд в том направлении, куда указывала ее тонкая загорелая рука, и увидел бетонные плиты, косо торчащие из грунта, куски ржавого и перекрученного железа и арматуры, нацелившейся в небо, словно пытаясь вцепиться в него и разодрать в клочья. Почва вокруг этих развалин была засыпана пеплом, а в нескольких местах ее сплошь покрывали лужи стекла, расплавившегося в результате мощного взрыва, разворотившего всю находящуюся внизу часть сооружения. Когда они подошли ближе, он смог разглядеть обломки мебели, металлических скамеек и кожаных диванов — все обугленное, разбитое, разбросанное в хаосе бетонных плит и железных балок. В изгибе стальной арматуры накрепко застрял димосианский череп, хрупкий, слегка вытянутый вперед, с оваль-

ными глазницами, в которых, возможно, когда-то находились глаза девушки, похожей на Ли. В груде булыжников в нескольких футах от него, как бы довершая картину, полевая мышь свила гнездо. Зверек устроил его из стеблей травы и обрывков веревок, и двое детенышей выглядывали из-под живота матери, наблюдая за пришельцами скорее с любопытством, чем со страхом. Жизнь и смерть бок о бок.

— Это не могло быть следствием предательства, — вырвалось у него. — Я уже достаточно много знаю о димосианах. Они никогда ничего не выдавали, даже под пыткой. Как же в Альянсе смогли узнать, куда бросать бомбы?

— Они и не знали, — ответила девушка. — Взрыв, как вы видите, произошел внутри и как бы вырвался наружу, а не распространился вглубь и вширь. У захватчиков была штуковина, которую они, как мы думаем, называли «кротом». Они расшвыривали их сотнями, а может, и тысячами.

— Да, — согласился он, — теперь я вспомнил.

Те «штуковины» были величиной с человеческую руку, до краев набитые супервзрывчаткой. Они вонзались в грунт, зары-

вались на тридцать футов, затем выравнивались и действовали как подземные субмарины, выискивая источники теплового излучения своими сверхчувствительными датчиками. Сброшенные в каком-нибудь районе, они рано или поздно находили свои цели, затем проникали сквозь щели в стенах убежищ и взрывались внутри.

Полевая мышь сердито заверещала на великанов, но так и не удосужилась обратиться в бегство.

Дэйвис вскарабкался на груду булыжников и двинулся дальше, останавливаясь то здесь, то там, высматривая относительно чистые места в хаосе обломков. Откуда-то снизу пробивался слабый свет, исходивший из заваленного, но довольно пологого прохода.

— Похоже на то, — заметил он, когда Ли возникла возле его плеча и глянула вниз, — что генераторы все еще работают.

— Прошло не так уж много лет, — ответила она.

— Эти обломки полностью загромождают вход. И кажется, больше никаких лазов нет и в помине. Попробую постараться и расчистить завал, чтобы можно было попасть внутрь.

— Вход завален слишком плотно, — возразила она, глядя на груду перемещанных обломков. — Вам не удастся пробиться.

— Еще как пробьюсь, — заявил он, ухмыляясь. — Протей!

Робот стремительно подлетел к нему почти вплотную; весь его арсенал находился в полной готовности, датчики и сенсоры ярко вспыхнули.

— Пушку влево!

Протей выпустил ствол из своего гладкого, без единого шва корпуса и развернул орудие влево.

— Пушку вниз! — скомандовал Дэйвис.

Угол наклона ствола стал увеличиваться до тех пор, пока не оказался направленным точно на оплавленные балки и покореженные бетонные блоки.

— Огоны!

Протей выпустил небольшую разрывную ракету, способную не оставить и мокрого места от любого животного величиной с лошадь. Она разметала обломки на пять ярдов во все стороны, пока Дэйвис и Ли прятались за грудой бетонных плит. Взрыв был настолько сильным, что секция, бывшая прежде частью перекрытия, на которой они стояли, подалась под их ногами и

сокользнула вниз в открывшийся проход. И потом еще целую долгую секунду гулкое эхо отдавалось от стен, сопровождаемое шумом падающих обломков и обвалами. Когда все успокоилось, Дэйвис пробрался вперед и осторожно осмотрел проделанный Протеем проход, чтобы убедиться, что стены, пол и потолок достаточно надежны и вполне заслуживают доверия.

— Постараюсь долго не задерживаться, — пообещал он.

— Я пойду с вами, — запротестовала Ли, надув губки.

— Со мной будет Протей. Это одно из не преимуществ, а скорее неудобств, пристекающее из наличия робота-охранника. Он повсюду с вами, хотите вы того или нет!

— Я пойду с вами, — повторила она.

Он прочел в лице девушки решимость, увидел, как напряглись мышцы подбородка, и понял, что спорить бесполезно.

— Пробираться будет трудновато, и, возможно, не хватит места, чтобы расправить крылья, если случится падать. Но раз вы так настаиваете...

— Да, настаиваю.

Путь оказался не столь загроможденным, как он предполагал. Там, наверху, загляды-

вая в выложенный плитами проход, он ожидал, что тот окажется гораздо длиннее. Но уже через какой-то десяток минут они оказались в самой глубине того, что когда-то было убежищем, расположенным на трех уровнях. Здесь димосиане, которые прятались от газа, были убиты даже не в результате взрыва, а погибли в море огня, который охватил подземелье. Останки почти двухсот крылатых людей — мужчин, женщин и детей — лежали навалом в основном вдоль стен, и, судя по всему, они задохнулись, даже не успев пошевельнуться. Взрывная волна и невыносимый жар, должно быть, в один момент вытеснили весь запас воздуха из их легких и наполнили их вместо этого пламенем. «По меньшей мере, — подумал Дэйвис, — конец был быстрым». Теперь же от бедняг почти ничего не осталось, кроме костей и гибких хрящей, на которых когда-то держались крылья. И еще сотни четыре пустых глазниц овальной формы, глазниц, которые, казалось, обвиняли...

Протей парил по всему периметру убежища, проникнувшись уверенностью, что в столь необычном помещении обязательно должен скрываться злоумышленник. Когда он достиг дальних углов зала, находящихся

в сорока ярдах от них, прямо над головой Дэйвиса, откуда-то сверху, и издала боевой клич местная крыса, брызгая слюной.

Он взглянул вверх и увидел большие красные глаза.

Крыса прыгнула, вцепилась в Ли и вонзила свои небольшие, но острые, как бритва, когти в ее ногу.

Для любого современного человека в Альянсе способность совершить насилие по отношению к кому бы то ни было — человеку или животному — является безнравственным, варварским актом, допустимым только со стороны солдат и стражей порядка, для которых это считается нормой. А так как большинство солдат Альянса создавалось искусственным путем, на базе роботехники, механических узлов и кибернетических систем, то во всех общепризнанных мирах, заселенных человечеством, имелось относительно небольшое количество людей, способных на насилие в прямом смысле этого слова. Роботы, такие, как Протей, именно и служили для защиты тех, кто сам сделать этого был не в состоянии.

Атрофия способности к насилию в данном случае почти означала смерть крылатой девушки, так как Дэйвис обнаружил,

что как зачарованный взирает на крысу, которая карабкается по ней, рвет ее тогу, пытаясь вцепиться когтями в плоть девушки и освободить место, куда могла бы еще вонзить свои острые желтоватые зубы. Казалось, он находится в каком-то трансе и движется в липком, густом сиропе, а то и вовсе окаменел, и это именно тогда, когда от быстроты зависело все. Но затем в сетчатке его глаз, как призрак недалекого будущего, возникло видение Ли, с искусанным лицом и глазом, напрочь вырванным когтями крысоподобной твари. В этот миг весь налет убеждений неприятия насилия, которые он культивировал в себе всю сознательную жизнь, испарился без следа и освободившееся место заняла маниакальная, неконтролируемая ярость.

Если бы он оглянулся через плечо, то увидел бы, что Протей уже вернулся и изготовился к схватке, но ему это даже не пришло в голову. Он ринулся вперед и, схватив зверюгу за шкирку, оторвал ее от Ли. Он увидел когти и подушечки лап, запачканные в крови. Тогда девушки была в сплошных алых пятнах там, где эта тварь вцепилась в жертву. Взвыв от гнева, не отдавая себе отчета, что эти вопли издает он

сам, и потому недоумевая, откуда они доносятся, Дэйвис схватил голову крысы другой рукой, одновременно пытаясь задушить ее и расплющить череп.

Зверюга вырвалась, прыгнула ему на грудь и, цепляясь когтями, стала карабкаться наверх, чтобы вцепиться зубами в шею мертвый хваткой...

Он снова схватил ее за голову и оторвал от себя как раз вовремя, хотя крыса все еще цеплялась за него задними лапами, глубоко вонзив ему в грудь свои когти. Он рванул ее изо всех сил, даже не думая, во что после этого превратится его грудь, оторвал и с размаху ударил о стену. Животное взвизгнуло и извернулось, пытаясь высвободиться. Но он продолжал плотно сжимать крысу, не обращая внимания на дюжины царапин на своих руках, наносимых острыми когтями. Он снова с размаху шмякнул тварь об стену, причем дважды, потом молотил еще и еще, пока не переломил ей хребет. Кровь хищника хлынула ему на пальцы и закапала на пол.

Он больше не кричал, но осознавал, что дышит тяжело и с хрипом, словно воздух с трудом входил и выходил из легких. И он глубоко всхлипывал, как ребенок. И все еще продолжал сжимать без-

жизненную крысу, словно желая выжить ее как мочалку и даже кости стереть в порошок...

Он взглянул на Ли, которая, казалось, не замечала собственной раны на плече. Девушка глядела на него широко раскрытыми глазами. Он обеспокоился, понимает ли она в полной мере то, что произошло, осознает ли всю важность его действий в последние несколько минут. Он рисковал своей жизнью, чтобы спасти ее, нарушил все условности своего воспитания и прибегнул к насилию. Он даже не подумал дождаться Протея, чтобы дать машине выполнить то, для чего она предназначена, так как жизнь Ли оказалась для него настолько драгоценной, что он не мог рисковать ее кровью, что перестал думать о себе и о ней в терминах «я» и «она» и стал отождествлять себя и ее как «мы». Ее кровь внезапно стала для него столь же дорогой, как и его собственная, и он действовал не отдавая себе отчета, чтобы незамедлительно защитить Ли как часть себя самого. А это значит, что он испытывает к ней не просто вожделение, как усиленно пытался убедить себя все последнее время.

Он выронил крысу.

Ли попыталась что-то сказать, ну хоть что-нибудь.

У него перехватило дыхание, и он рухнул, потеряв сознание...

Позже, когда Ли закончила натирать его быстродействующими мазями из аптечки и накладывать повязки, и затем, когда они покончили с легким завтраком, который она приготовила на кухне в башне, где он временно обосновался, девушка облокотилась локтями на стол, улыбнулась ему и сказала:

— А не отправиться ли нам теперь в те особые места, которые были намечены по моему плану? Это помогло бы скрасить впечатление от этого дня, после всех тех ужасных событий, которые случились с нами.

Но Дэйвис не испытывал большого желания возобновить изыскательские работы согласно графику, составленному им на этот день. Его нервы все еще трепетали при одном воспоминании о крысе, извивающейся и визжащей в его руках и пытающейся добраться до его горла. И его мысли были парализованы ужасом от сознания того, что дела с Ли у него зашли

далеко, даже слишком далеко. С этим надо было покончить раз и навсегда, прежде чем та, пока еще тайная привязанность, которую он ощущал к ней — и как догадывался, и она испытывала к нему, — не вырвалась наружу и не отрезала все пути к отступлению.

— Куда же ты (теперь они обращались друг к другу на «ты», даже не сговариваясь об этом) собираешься отвести меня? — спросил он.

— В храм.

— Храм?

— Сам увидишь.

А когда он забрался в гравитационный автомобиль, чтобы отправиться в поездку, она не удержалась:

— Как бы я хотела, чтобы ты мог летать!

— Мне бы тоже этого хотелось, Ли, — признался он, поднимая машину и направляя ее сквозь дождь кружащих в воздухе желтых листьев, опадавших с одетых в осеннее убранство деревьев на грубою грунтовую дорогу. — Поверь, очень хотелось бы!

Машина с тихим гулом опустилась на невидимую сверху под густым пологом деревьев тропку.

Протей находился в салоне сзади, поднявшись на несколько дюймов над сиденьем, явно озабоченный, если только подобный термин был приемлем для определения состояния робота с начинкой из пласти-плазмы.

Дэйвис понял, что это храм, уже по одному виду строения, как только они приблизились к нему. Два холма, похожие на женские груди, возвышались на фоне жгущих позади гор, и каждый из них венчало гигантское сооружение. На первом холме оно представляло собой девять огромных башен, соединенных по центру, создавая тем самым единый архитектурный ансамбль впечатляющих размеров. Большие, похожие на капли слез порталы виднелись то здесь, то там в массе серо-коричневого камня. Это и был храм. Вершину второго холма, похожую на бесстыдно выставленный на всеобщее обозрение женский сосок, венчали постройки Заповедника, рукотворные «творения» человечества из безобразного бетона. За обоими холмами, вплотную подступая к ним, тянулись густые заросли лесов, плотно покрывающих склоны гор и состоящих в основном из широколиственных деревьев.

Они остановили машину перед храмом, дождались, пока та опустится на свой резиновый обод, а затем уже выбрались наружу.

Над Заповедником, расположенным на другом холме в нескольких сотнях ярдах отсюда, с полдюжины похожих на ангелов женщин парили в осенних бризах. Прохладный ветерок доносил мелодичный смех до Дэйвиса и Ли; смех напоминал звон колокольчиков и журчание ручейка.

Одна из них полетела к толстым деревьям; ее крылья сверкали отраженным солнечным светом. В пятидесяти ярдах от кромки леса она отвернула и заскользила по воздуху обратно к остальным, которые хихикали и визжали от восторга.

Восхищенный Дэйвис наблюдал за ними, стоя возле Ли.

Еще одна из димосианских красавиц оторвалась от группы и приблизилась к деревьям на десять футов, зависла там на момент и вернулась обратно к остальным, радуясь как ребенок, который сумел пройти по темной аллее, не поддавшись страху.

Девушки восхищенно приветствовали ее.

Третья, приняв вызов, отделилась от группы, залетела за кромку леса, зависла

прямо над деревьями, нырнула вниз и покачала крыльями над самыми верхушками ветвей с яркой желтой листвой. Обратно она подлетала медленно и с гордостью. Когда она приблизилась, остальные пятеро похожих на херувимчиков девушек разразились восторженными возгласами и взрывами смеха.

— Что они делают? — спросил Дэйвис наконец у Ли, машинально беся крошечную ручку девушки в свою казавшуюся огромной и заскорузлой по сравнению с ее ладонь, в которой та почти полностью исчезла.

— Легенды гласят, что в лесах водятся призраки. Эти девушки играют в игру, уходящую корнями в глубь веков: «Подразнить лесных демонов».

— Ты веришь в духов?

— Если честно, то нет. — Ли внимательно наблюдала за девушками. — Просто это помогает иногда коротать время.

— Но ведь что-то послужило причиной подобной игры?

Ее ладошка пылала жаром в его кулаке.

— Вообще-то леса представляют несомненную опасность.

— Почему?

— Мы не можем там летать. Деревья стоят настолько плотно, что их ветви затрудняют полет. Если придется спасаться бегством от волка или еще какого-нибудь дикого зверя, то в лесу у нас почти нет никаких шансов. Мы слишком слабые создания, чтобы выдержать бег на длинные дистанции. Полет — наше единственное спасение, а деревья могут помешать. Вот поэтому мы и держимся подальше от лесов. С течением времени возникли и легенды о демонах. Нам свойственны, как и всем людям, суеверия, в частности, как и вам, землянам.

— Восхитительно, — не мог не улыбнуться Дэйвис. — Это обязательно должно попасть в книгу.

Ли по-прежнему наблюдала за игрой.

— А я попаду в твою книгу? — спросила она наконец.

— А то как же! Я представляю тебя даже как героиню.

Она засмеялась и пошевелила ручкой в его лапище.

Он привлек ее ближе, не давая себе времени подумать, что именно подобных жестов должен избегать пуще всего.

— Ну так что, будем осматривать храм?

— Конечно! — воскликнула она с энтузиазмом. — Тебе же все это понадобится для книги.

Они вошли через вход в подножие одной из этих величественных башен и по каменным коридорам попали в огромный центральный зал, объединяющий все девять башен. Голый пол, выложенный из черного и розового булыжника, тянулся на добрую сотню футов к гранитной плите, окруженной каменными канделябрами величиной в рост человека. Позади находился алтарь в виде огромного лица, занимавшего почти всю стену собора, выышавшегося на сто двадцать футов и протянувшегося на девяносто футов в поперечнике. Пустые черные глаза составляли тридцать футов в длину каждый и в высоту — шестнадцать футов. Нос представлял собой продолговатый валун с пробитыми в нем ноздрями — пещерами настолько огромными, что в них мог свободно заехать гравитационный автомобиль. Полногубый рот был высечен так, чтобы во всех деталях воспроизвести любящую улыбку, обнажая слегка поблескивающие широкие зубы.

— Что это? — вырвалось у него.

— Лик Бога, — ответила она. — Пошли!

Зайдем внутрь.

— Внутрь?

— Пошли же!

Она потянула его за руку ближе к Лику Бога. Возле подбородка они остановились, пока Ли не нашупала какой-то рычаг в граните и каменная плита не открылась. За ней находились ступени, высеченные в камне, — широкие грубые площадки, уходящие наверх в темноту. Они взбирались по ним, уходя из серого света, проникавшего сквозь открытую дверь, в почти полный мрак, а затем, выше, на другой участок, освещенный слабыми лучами, падавшими откуда-то сверху. Постепенно они преодолели мрачную каменную лестницу и оказались в проходе, достаточно широком, чтобы по нему можно было пройти втроем и в полный рост. Впереди в серой полутьме виднелись пятна более яркого света. Когда они добрались туда, Дэйвис обнаружил, что эти светлые круги — лучи света, падавшего через отверстия огромных глаз. Они стояли точно позади глазниц изваяния и могли через них свободно обозревать пустой храм.

— Разве не здорово? — спросила она.

Он ограничился кивком, слишком пораженный величием этого места, чтобы подобрать подходящие слова.

— Для чего предназначен этот проход?

— Прежде обычно здесь находился епископ в особые святые дни, когда его присутствие было необходимым.

— Расскажи мне об этом Боге, — попросил он, проводя руками по краям высеченных в камне глазниц. — Какой культ он представлял?

Ли резко отстранилась от него, повернулась и стала рассматривать пустые скамьи.

— В чем дело?

— Ни в чем.

— И все-таки? Быть может, я нарушил какой-нибудь запрет?

— Нет. Конечно нет!

— Тогда что?

— Он был Богом... — Девушка запнулась, словно у нее не хватило дыхания. Затем замолчала, собираясь с мыслями. — Мне не следовало приводить тебя сюда.

— Но почему?

— Он...

И тут он понял... Как большинство людей, которых трогают откровения древних

преданий и которые видят в них глубокий смысл, Дэйвис был глубоко взволнован, угадав то, что она пытается ему сказать, но не может. Он схватил Ли, прижал к своей груди и не отпускал. Девушка заплакала ему в плечо, когда он коснулся губами волос ее волос.

— Он был Богом... — начал Дэйвис, пытаясь доказать за нее. Но тут и его голос прервался, словно отказываясь закончить фразу.

Она опустилась на колени, и он последовал ее примеру. В такой позе они вновь прижались друг к другу.

Он обрел-таки голос, застрявший в горле, и вымолвил:

— Это был Бог плодородия и семейного очага, не так ли? От него зависела жизнь в будущем.

Истреблены...

Она кивнула, припав лицом к его груди.

— Не плачь, — сказал он, сознавая всю нелепость этих слов. Ее народ был уничтожен, последние оставшиеся обречены на вымирание. Черт подери, как же ей не плакать?

Будь проклят Альянс! Будь проклят культ Превосходства Человеческой Расы.

Будь они все прокляты и днесь, и присно, и вовеки!

Проклятия срывались с его языка, как молитва, вперемежку с ее рыданиями и эхом отдавались в каменном коридоре внутри Лика Бога. Он прижимал Ли к себе, слившись с ней в единое целое. Дэйвис поднял в ладонях ее лицо и поцеловал ее нос. Он был крошечным и теплым в его губах. Он целовал ее щеки, шейку, губы... И она с жаром отвечала на его поцелуи. Он ощущал, как ее язык проник к нему в рот и коснулся его языка.

Здесь, в коридорах Лика Бога, ведомо было, что такое любовь...

Ему говорили, что Димос — это планета, где нет никаких опасностей. Однако едва он высадился на космодроме, как встретил павукомышь с крыльями. Потом птица, которая набросилась на лобовой экран гравитационной машины, когда он следовал по дороге из порта... Крыса в разрушенном убежище... А вот теперь он любит димосианку. Да, это самая наибольшая опасность из всех. И хотя Протей плавал совсем рядом в этом древнем храме, будучи роботом, он не мог защитить человека от подобной грозящей ему беды.

Глава 3

Дни проходили так же быстро, как с деревьев опадала листва. Один сменял другой с такой скоростью, что казалось, будто осень поспешно отступает под на- тиском зимы, и в воздухе уже ощущался холодок приближающегося первого снега. Обычно они не замечали холода, так как согревались теплом плотно прижатых тел и жаром сердец, питаемых близостью, возникшей между ними. Иногда, когда сумрак поселялся в порталах поселка и ей необходимо было вернуться на террито- рию Заповедника, оставшись один, он начинал размышлять над безнадежностью создавшейся ситуации, и вот тогда холо- док пробирался под его кожу и как паук полз по всему телу. Только на пятую не- делю их занятий любовью время, которо- го они не замечали, внезапно замедлило свой бег и заставило его задуматься о бу- дущем с позиций здравого смысла.

— Когда ты должен уехать? — спроси- ла Ли, положив голову ему на грудь, и он ощутил на своей коже трепет ее губ, пока она произносила эти слова.

— Мои заметки уже достаточно полные.

- Значит, скоро?
- Я не могу больше тянуть время. Попаду под подозрения.
- Что же мы сможем сделать?

Он сделал глубокий вдох, наполняя воздухом легкие, стараясь очистить голову, чтобы вернуть ясность мыслей.

— Полагаю, есть две возможности. Первая — могу оспорить правомерность законов, запрещающих смешанные браки, через суд. Это будет стоить почти всех денег, что у меня есть. И все же остается опасность проиграть тяжбу — причем весьма большая — и в результате оказаться в тюрьме. Вторая — это контрабандой вывезти тебя с Димоса в какой-нибудь другой мир — на самых задворках Вселенной — и купить там место в самой глуши, где не придется опасаться соседей. И там уже жить втайне от всех. Этот вариант влечет за собой немало опасностей, связанных с тем, чтобы вывезти тебя отсюда так, чтобы таможенники ничего не заметили...

— Первый способ не столь криминален. Может, они примут это во внимание?

Он ничего не ответил, внезапно почувствовав, что его охватывает паника, угрожая лишить возможности контролировать

себя. Хорошо было строить теории о том, что они могут сделать, перебирать в мыслях всевозможные варианты, но вот обсуждать их так, чтобы прийти к окончательному решению, — это было выше его сил. Он зажег сигарету, жадно вдохнул наркотический дымок, надеясь с его помощью быстрее, чем обычно, расслабиться. Затем попытался заговорить, обсудить проблему, но слова не шли с языка. Когда же девушка спросила его, в чем дело, он понял, что не может даже взглянуть ей в глаза. Холод, страх, намеренное безразличие просочились в его мозг и боролись, чтобы взять бразды правления в свои руки над его действиями и поступками.

Потом они долго лежали вместе, ничего не говоря, прислушиваясь к шорохам зверьков снаружи, на деревьях, и к далекому меланхолическому крику зимовестника — птицы с пушистым белым оперением, обычной в холодные месяцы в этой части континента.

— Ты женат? — наконец спросила она.

Неожиданно для себя он ответил «да» — и отзвуки его ответа зависли в воздухе как пары горячего свинца. Это был единственный путь к отступлению, возможность избе-

жать потери всего, что он приобрел за предыдущую жизнь, не говоря уже об угрозе смерти. На самом деле он не был женат. Но раз он смог солгать, заявив, что несвободен, если смог с такой легкостью одним словом отмести все, что между ними было, то разве это не доказывает, что он ошибается, думая, что это любовь? Да, похоже что так. Он все это время следовал опасной стезе, в конце которой его ожидала неминуемая катастрофа, охваченный вожделением и ошибочно принимая похоть за любовь. Если бы он испытывал к ней подлинную любовь, то не мешкая ни секунды пошел бы на любой риск, лишь бы не потерять ее. Он был бы не в состоянии тогда солгать так беззастенчиво и с такой легкостью. Надо же, чуть не поставил на карту все ради какого-то увлечения — вожделения, смешанного с любопытством, и это почти привело к непоправимой глупости.

Какое-то время они молчали.

— Это, пожалуй, к лучшему, — проговорила Ли наконец. Она смеялась, затем покраснела впервые за все время, что он знал ее. — Потому что и я — тоже.

— Ты замужем? — натянуто осведомился он.

— Ты что, против?

— Ну...

— Если против... — Не досказав фразы, она начала собираться.

— Нет, вовсе нет. Но... не уходи!

Вновь молчание. Время шло. Мрачное будущее маячило на горизонте настоящего, и только прошлому можно было доверять, да и то с оглядкой.

— Он... крылатый мужчина?

— Один из наших... разумеется, да.

— Тогда почему?..

— Что?

— Зачем было бросать его, чтобы любить меня. У меня же несовместимость с... — Он был в такой ярости, что слова застревали в горле и на губах, не находя себе выхода. Он чувствовал, что она сделала из него дурака. Естественно, любить мужчину, свободного как птица, радостно летать с ним крылом к крылу — намного лучше и приятнее, чем нежить такого неуклюжего мужланы, навечно прикованного к земле, как он. Его, Дэйвиса, даже самые нежные ласки должны были казаться ей грубыми и нелепыми.

— Он не импотент, — пояснила она, — но стерильный, как и я. Ты же — нет.

А мне хотелось полноценного мужчину, пусть даже я и не могу рожать детей.

— Тогда дело было не во мне... просто тебе нужны были мои соки?

Она отодвинулась, затем встала.

— Мне лучше сейчас удалиться, — произнесла она мелодичным, как у эльфа, голосом, затем облачилась в свою более тяжелую зимнюю тогу и поспешно направилась к порталу.

Он услышал шелест ее крыльев.

Протей тут же насторожился при новых звуках и начал выискивать неприятеля.

Дэйвис перевернулся лицом вниз; его обуревали гнев, чувство утраты — но, наряду с этим, он испытывал и облегчение.

Настал следующий день, и она не появилась, как появлялась чуть ли не каждый день — а их было много — в совсем недавнем прошлом. Он попытался было сделать вид, будто вносит поправки в свои заметки, но его мысли непрестанно возвращались к Ли, воскрешая в памяти ее улыбку и черты лица. Он пытался убедить себя, что это только плотское желание — тяга к ее телу, и его можно легко преодолеть, стоит только захотеть. Второй день без нее оказался еще хуже. Дэйвис плонул на все попытки заняться пи-

саниной и слонялся в лесах возле димосиан, словно патрулируя их, сунув руки в карманы и подставив голову холодному ветру рано наступившей зимы. Почему он сказал ей, что женат? И почему сначала почувствовал переполнившее душу облегчение, когда следил за тем, как она уходит, зная, что это навсегда? И почему, испытав тогда облегчение, он сейчас ощущает такое ноющее ощущение пустоты, как та консервная банка из-под фруктов, выброшенная ржаветь в кювет, в которой не осталось ничего, кроме кусочков мякоти, приставших к оцинкованному металлу? Было ли облегчение вызвано только осознанием того, что он больше не преступник, а боль, испытываемая им сейчас, — лишь следствие пережитых недавних страхов, или же подо всем этим, как он подозревал, таится другая, более глубокая причина?

На третий день он забрался в свой гравитационный автомобиль и набрал координаты космопорта, так как на сегодня у него была назначена встреча в читательском клубе миссис Бантер. Она звонила предыдущим вечером, и он принял приглашение, обрадовавшись возможности сбежать из поселкаaborигенов хотя бы на время. Он

сидел на переднем сиденье и, размышляя, наблюдал, как падающие с деревьев мокрые листья липнут к лобовому экрану и как небо заволакивается облаками, готовыми разразиться первым снегом.

Встреча с членами читательского клуба должна была состояться в добротном доме этой женщины, особняке, чем-то похожем на дворец, с большой гостиной, где был сооружен подиум перед пятью рядами стульев, по десять в каждом ряду. К тому времени, когда он начал свою лекцию, дом уже был полон. Слушатели сгорали от нетерпения, и он вскоре с головой погрузился в повествование о перипетиях, которые ему довелось испытать при работе над «Лиллианской девушки», «Мрачным речным дозором» и другими не менее известными романами Стэффера Дэйвиса.

Затем последовал перерыв с традиционными слегка алкогольным пуншем и печеньем домашнего изготовления. Миссис Бантер завладела гостем и повела показывать свои апартаменты. Протей неотрывно следовал за ним, находясь чуть слева и пребывая все время настороже.

— Надеюсь, что вы его перенастроили, — заметила миссис Бантер (которая упорно

требовала от Дэйвиса, чтобы тот называл ее попросту Алиса), настороженно наблюдавая за роботом. — На мне сегодня новая брошь. — И она, как бы защищаясь, поднесла руку к новому живому жуку, который полз по отвороту ее блузки, то натягивая, то отпуская золотую цепочку, к концу которой и было прикреплено насекомое.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Дэйвис, — он перенастроен.

Все же они оба не могли не заметить, как булькает пластиплазма внутри корпуса робота всякий раз, когда тот оказывался ближе к жуку.

Они осмотрели весь дом, затем вернулись в гостиную и прогуливались по ней, пока он не перезнакомился со всеми присутствующими. Он держал Алису Бантер под руку, пока она выставляла его всем напоказ, как мать представляет сына, только что закончившего колледж. Слегка хмельной пунш в конце концов подействовал на него, и Дэйвис разговорился. Эти люди совсем не так уж и плохи, решил он. Разве это не его обычный вывод, к которому он всегда приходит спустя какое-то время? Разве они не милы, когда он сейчас вот так вот запросто беседует с ними после лек-

ции? Он испытывал к ним любовь, похожую на отеческую, которая заставляла его желать их компаний.

Они как раз подошли к усатому представителю Альянса, который обеспечил доступ Дэйвису в поселок, предоставил ему гравитационный автомобиль и приказал экономке Солсбери снабдить гостя провизией на неделю.

— Моя жена благодарит вас за автограф, — произнес чиновник ровным, довольно холодным тоном, держась с ним намного увереннее, чем при предыдущей встрече.

Голова Дэйвиса кружилась от чрезмерно выпитого пунша. Он принял такую дозу напитка, что комната плясала у него перед глазами, а полпред чуть ли не двоился.

— Пустяки, — великодушно отозвался он.

— Несомненно, — подтвердил полпред, холодно улыбаясь. — Я тоже так думаю. Завтра вам предстоит перебраться сюда, в город. Будьте готовы, когда утром придет транспорт, чтобы забрать гравитационный автомобиль и остальное оборудование.

Дэйвис застыл ошеломленный, несмотря на выпитый пунш.

— Но почему?

— Вам не следует так напиваться на людях, мистер Дэйвис, — сказал он как отрезал. — Вы слишком много говорите лишнего.

— Лишнего?

— Вот именно, о философских аспектах новой книги, о той блестящей манере, с которой вы подвергли осуждению политику геноцида, проводимую Альянсом.

Разве он говорил так? И почему? Как он мог сболтнуть такое о своей работе, после всех принятых им мер предосторожности, направленных на то, чтобы попасть сюда и добиться столь необходимого ему содействия со стороны властей?

— Мы не намерены оказывать помощь тем, кто относится к нам враждебно, — пояснил полпред. — Вам будет предъявлен счет за оказанные услуги со стороны администрации. И я бы посоветовал вам вести себя более достойно, если вы претендуете на роль Бога или нашего судьи. — После этих слов он удалился.

— Не обращайте на него внимания, — проворковала Алиса Бантер, волоча Дэйви-са за рукав через всю комнату к новому гостю, которого уже успела высмотреть. Ее больше волновал тот факт, что она держит

знаменитость за руку, чем его откровения по поводу новой книги со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но он остановил хозяйку салона, слегка покачиваясь на ногах после выпитого. Был ли полпред прав? И если да, то в чем? В том, что Дэйвис как автор любит, чтобы его богоотворили члены этого или других читательских клубов? Да! Да, он любит это! Все его пренебрежение к ним — только кажущееся — своего рода фасад, воздвигнутый им, чтобы обмануть самого себя, дань снобизму, с помощью которого он пытался придать этому фасаду подлинность, в то время как голые, суровые факты говорят о том, что он принимал приглашения читать лекции более чем охотно, а после них с удовольствием встречался с читателями и беседовал с любым, кто только изъявлял желание слушать самого Дэйвида. Он хвастун! Старый благополучный нобелевский лауреат, обладатель премии по литературе Альянса, он, Стэффер Дэйвис, ищет одобрения людей, хотя с пеной у рта и доказывает обратное, любые крохи зависти к себе, поклонения и одобрения, какие только можно найти в сердцах и мыслях своих почитателей, стремясь вывести из этого дока-

зательства, что он пользуется подлинной любовью широкой публики. Да, представитель Альянса был прав.

— А вот мистер Алсейк, — прорицала миссис Бантер. Живая брошь переползла ей на грудь.

Внезапно все эти люди, с помощью которых он пытался заполнить образовавшийся в душе вакуум, перестали для него существовать. Он вновь ощутил боль и опустошенность. Не в этом ли причина, что он сказал Ли, что женат? Если бы он довел дело до суда или если бы его попытка вывезти ее контрабандой с Димоса была обнаружена, то толпа отвернулась бы от него и осудила бы подобный брак, противоречащий их расистским воззрениям. Женившись на девушке с крыльями, он лишился бы почета и уважения во всех читательских клубах во всех мирах, входящих в Альянс. Поэтому он и солгал Ли, судорожно цепляясь за ниточку, на которой держалось уважение к нему и восторг перед ним. Он предпочел преклонение фанатов своих исторических романов подлинной любви этой девушки.

Казалось, потолок готов был вот-вот обрушиться ему на голову.

Тошнота подступила к горлу. Он подавил спазмы и вырвался из рук Алисы Бантер.

— Мистер Дэйвис! Стэффер!

Но он, все еще пошатываясь, уже выскочил из двери, оставив их обсуждать странное поведение нобелевского лауреата и обладателя литературной премии Альянса.

Протей плыл в воздухе рядом с ним.

Робот раньше его успел к машине. Дверцы, к счастью для Дэйвида, оказались открытыми, а то бы он в нетерпении приказал Протею выбить их вибрационным лучом. Дэйвис выгнал машину на шоссе, не теряя времени на то, чтобы задать координаты, и перешел на ручное управление. Город возле космопорта вскоре исчез из виду и сменился холмами, заросшими травой. Мимо поплыли деревья, все еще ронявшие листву. Начал падать снег...

Как же долго он дурил сам себя? Годами. Во всяком случае, много лет. Он играл роль ко всему равнодушного, отстранившегося от общества индивидуалиста. «Дайте мне мою пишущую машинку, — воскликнул он, — и оставьте меня наедине с душой! Для меня этого вполне достаточно», — взывал он к публике. Но это ни на грамм не соответствовало действительности. Он упи-

вался лестью своих поклонников, принимая ее за чистую монету. Она превратилась в единственное средство его контакта с людьми, и без нее он ощущал в душе пустоту и неуверенность в себе. Сейчас он понимал, что постоянно искал любви, занимался поисками того, что ему не могли дать оба умерших родителя, лишившие Дэйвиса этого чувства тем, что изливали на него всю горечь совместной несложившейся жизни и пытавшиеся любой ценой опровергнуть друг друга в его глазах. Стэффер, Стэффер, Стэффер... Жена против мужа, и оба они против собственного сына. Когда он вырос и их не стало, чтобы увидеть, каких успехов он добился наперекор всему, то он обратился к массам, открыл им свое сердце и стал писать для их удовольствия, в одной лишь погоне за славой. Это стало для него настолько важным, что заслонило подлинную любовь крылатой девушки и потопило его чувство к ней в страхе лишиться славословий в свой адрес. Но только не теперь...

Он прибавил скорости.

Рядом шумно булькал Протей.

Снежинки бились в лобовой экран, плясали над капотом. Они уже начали покры-

вать опавшие листья и одевать деревья в белый саван...

Что же он может ей сказать? Сможет ли заставить ее отвергнуть своего крылатого ангела и уйти с ним? Сможет ли убедить ее, что будет любить и нежить ее больше, чем димосианский поклонник? Он должен ее убедить! Ничего другого просто не приходило на ум. Ни о каком возврате к читательским клубам в поисках хотя бы намека на их любовь и преклонение перед ним теперь не могло быть и речи! Он понял наконец всю фальшь, что за этим скрывается, и больше не желал обманываться на этот счет и продолжать жить прежней жизнью.

Гирокопы с визгом пытались сделать все возможное, чтобы удержать машину в устойчивом положении, когда он увеличил до максимума давление на гравитационные тарелки, чтобы заставить быстрее вращаться пропеллеры.

Они пролетели над башнями поселка и понеслись в направлении Заповедника. Холмы, покрытые снегом, походили сейчас не просто на женские груди, а на груди сказочной феи. Он вывернулся к уродливому зданию привратницкой и выжал газ. Дэйвис

теперь страшился, что она ответит ему категорическим отказом... что она пожелает остаться со своим крылатым юношем, а у него не останется ничего, кроме тоски и одиночества. Он придумывал самые убедительные аргументы, способные открыть адские или райские врата, повторял их про себя, чтобы выучить наизусть. И все равно любые слова казались ему похожими на битые стекляшки, больно резали язык, когда он пытался произнести их вслух.

Он развернул машину прямо напротив ступеней главного входа с огромными двойными дверьми, ведущими в Заповедник. Дэйвис выскочил из машины, ринулся вверх по ступеням, миновал двери и ворвался в хорошо освещенный вестибюль.

Позади него следовал Протей.

Дэйвис пересек покрытый ковром пол, спеша туда, где за столом сидела седовлая матрона с огромными обвисшими грудями.

— Я ищу экономку Солсбери, — сообщил он, даже не переведя дух.

— Считайте, что вы ее нашли, — ответила она, улыбаясь. — Это я и есть. А вы, должно быть, мистер Стэффер Дэйвис. — Она встала, дрожа от возбуждения.

Не будь этой стычки с полпредом в доме Алисы Бантер, Дэйвис пожал бы руку экономки Солсбери, заговорил бы о своих книгах, очаровал бы ее рассказнями о том, как пишутся и издаются книги. Отныне это все осталось позади. Сейчас даже мысль о подобном привела бы его в бешенство. Не теряя времени он спросил ее прямо в лоб:

— Эта девушка, Ли. Ну та, которая была моим гидом. Пожалуйста, могу ли я ее увидеть?

— Сожалею, но в данный момент ее здесь нет.

Действие алкоголя прошло, но сейчас он был как пьяный от страха, что она отпросилась, чтобы на день-другой предаться идиллии со своим молодым ангелом с нежной кожей, и, может быть, прямо сейчас они занимаются любовью.

— А ее муж? — спросил Дэйвис. — Мог бы я поговорить с ним?

Женщина недоуменно посмотрела на него:

— Что?

Дэйвиса привела в ярость ее неспособность вникнуть в столь простой вопрос, весьма актуальный для него сию минуту.

— Ее муж, женщина! Я хочу поговорить с ее мужем!

— Не понимаю. — Похоже, она немногого испугалась. — У нее нет никакого мужа. Осталось всего лишь шестнадцать крылатых людей. И все они женщины.

Он почувствовал, как у него отвисла челюсть.

Истреблены...

Он закрыл рот и облизал губы сухим и, как ему показалось, потрескавшимся языком. Итак, она знала, что он чувствует! И чтобы спасти его от неприятностей и потери уважения публики, сознательно солгала, чтобы облегчить ему жизнь. Если они оба несвободны, то лучше держаться врозь. И каждый лгал другому. Она-то, правда, знала, как обстоит дело в действительности, а вот он оставался в неведении. С ее стороны это был шаг, направленный на то, чтобы спасти ему карьеру и веру в себя. «К чертовой матери как то, так и другое!» — подумал он.

— Куда же она делась?

Экономка пришла в замешательство.

— Право же, не знаю. Два дня она просидела здесь, в вестибюле. Даже ела тут и спала. Она не отрывала взгляда от дверей,

словно кого-то ждала или... — Она оборвала фразу, словно какая-то мысль как молния сверкнула в ее голове. — А затем, час или два тому назад, она ушла и даже не сказала куда.

Женщина все еще говорила, когда он опрометью бросился к дверям и сбежал по ступенькам. Протей ринулся следом, булькая пластиплазмой, и забрался на заднее сиденье как раз перед тем, как Дэйвис врубил гравитационный движок на всю катушку, выжал акселератор и погнал машину по полю напрямик между холмами, не заботясь о том, чтобы выехать на проложенную невдалеке дорогу. За сотню футов от храма гравитационные тарелки отказали, перестав реагировать на изменение расстояния до грунта, и бросили машину вверх. Автомобиль врезался в подножие второго холма и с шумом остановился, грузно плюхнувшись вниз, даже не выпустив полностью резиновый обод. Дэйвис открыл дверь и выбежал.

И едва он ворвался под своды главного зала храма, как послышалось хлопанье крыльев. Ли отделилась от одного из похожих на каплю порталов, проделанных в стенах величественного сооружения. Дверь в подбородке Лика Бога была открыта. Значит, Ли

находилась внутри головы идола, выглядывая из его глазниц, поджиная Стэффера Дэйвиса, знаменитого романиста, искателя любви и — тут он выругался и добавил еще одно — глупейшего мужика во всем Альянсе. Но он опоздал на целую секунду со своим приходом, и она улетела, не успев заметить его.

Он повернулся и бросился бежать по гулкому залу, сопровождаемый эхом своих шагов. Затем выскочил на покрытый снегом склон холма, похожего на женскую грудь, оставляя повсюду на свежевыпавшем снеге следы своих ног. Он искал ее, обшаривая взглядом небо.

Летунья удалялась в сторону желтеющих вдали гор.

Он окликнул Ли, но она была слишком далеко и не могла его услышать.

А тут еще и автомобиль вышел из строя. Он мог только бежать.

И он побежал.

А она улетала.

Расстояние между ними увеличивалось.

Перед деревьями девушка опустилась, миновала кромку леса и удалилась из виду.

Он снова закричал, но Ли была на таком расстоянии, что его крик не был услышан.

Он вновь пустился бежать.

Его грудь ныла от боли. Легким не хватало воздуха, он испытывал такое ощущение, будто в них разожгли костер. Дэйвис жадно глотал холодный воздух, его дыхание вырывалось, как пар, со свистом. И все же он еще и еще ускорял свой бег, так как ему казалось, что можно бежать еще быстрее. Он перевалил через гребень холма, на котором возвышался храм, и уже мчался по полю, направляясь к деревьям. Но прошли минуты, прежде чем он добрался до опушки.

Он окликнул девушку по имени.

Она опередила его слишком сильно. Стена деревьев поглощала любые крики. Не было даже эха. Вокруг тихо падал снег, просачиваясь сквозь плотную паутину ветвей и ложась на лесную почву.

Протей следовал сзади.

Куда идти? Пошла ли она напрямую или свернула налево? А может, направо? Он с хрипом продирался вперед, перепрыгивая через поваленные стволы, разгребая ногами вороха опавшей листвы, возвышавшиеся повсюду. Один раз поскользнулся на снегу, упал лицом вниз и ободрал щеку. Так и пролежал какое-то мгновение, ощущая на губах привкус крови и грязи. Затем

заставил себя подняться и брести дальше, сознавая, что даже секундная отсрочка может обернуться для него крушением всех надежд.

Он вновь окликнул ее по имени.

Молчание.

Он пустился дальше.

Затем неподалеку раздался крик и вой волков. Крик!

Он остановился и прислушался, наклонив голову, чтобы лучше определить, откуда донесся шум. Раздался второй крик и тут же смялся, словно унесенный вдаль. Звуки приходили откуда-то слева. Он бросился в том направлении. Спустя миг в холодном воздухе прозвучал какой-то стон — и снег осыпался с ветвей, а затем опять все стихло.

Протей неотрывно следовал позади хозяина.

Во тьме впереди вспыхнули два горящих красным светом глаза величиной с грецкие орехи и уставились на Дэйвиса между толстых стволов одетых в желтую листву деревьев. Волк подобрался ближе, замер, изголовившись к прыжку и пристально рассматривая то, что сулило ему добычу. Челюсти хищника были раскрыты, с клыков на

мерзлую землю капала слюна. Он глухо рычал, оскалив зубы.

Протей выпустил свое оружие, испускающее вибрационные лучи. Темнота взорвалась от голубого пламени.

Волк встал на задние лапы, покружился немного и рухнул мордой в снег. Кровь выступила из его располосованного тела, окрасив снежную белизну.

Дэйвис перешагнул через труп и двинулся дальше.

— Пожалуйста! — молил он. — Дай ей остаться в живых!..

Глава 4

Снег повалил еще сильнее, просачиваясь сквозь деревья там, где листва была сорвана неустанными руками осени; снежинки налипали на ресницы Дэйвида, и ему приходилось непрестанно тереть глаза, чтобы лучше видеть.

Впереди послышалось завывание, низкое, исходящее из самых глубин зверя, под стать глухим порывам ветра.

Он вскарабкался на груду камней, преодолел ее, споткнулся о небольшой ствол

упавшего дерева, невидимого под снегом и опавшими листьями, и наконец выбрался на открытое место, где и лежала Ли, распростервшись на земле и прислонившись головой к стволу дерева. Вокруг нее кружил волк, оскалив зубы и рыча время от времени.

На ее запястье виднелись следы зубов там, где зверь куснул для начала, по руке струилась кровь.

Дэйвис крикнул, чтобы привлечь внимание волка. Зверь отвернулся от девушки и стал пристально разглядывать новую жертву горящими, как уголь, глазами; пасть хищника оскалилась так, что стали видны розовые десны. Дэйвис вновь закричал на волка; его крик разబился на ряд одиночных несвязных звуков. Хищник взглянул на него, зарычал и вновь оскалил свои сильные челюсти, обнажив желтоватые клыки, затем повернулся к девушке и начал подбираться к ее горлу.

Дэйвис схватил пригоршню листьев впремешку со снегом и запустил липкий ком в зверя. Комок угодил волку в бок — и зверь снова повернулся к Дэйвису, отступая от девушки и готовясь к прыжку. Затем прыгнул...

Протей выстрелил в животное, полыхнув вибролучом, и накрыл зверя еще в воздухе в момент прыжка. К ногам Дэйвиса рухнул уже обуглившийся труп с застывшей в предсмертном оскале пастью.

— Уходи! — простонала Ли, пытаясь встать, чтобы убежать от Дэйвиса.

— Я не женат! — выпалил он. — Во всяком случае, ни на ком, кроме тебя.

Она прекратила попытки встать и вновь опустилась на покрытую снегом землю, както странно посмотрела на него и заплакала, и он знал, что плач вызван не болью.

Протей, жужжа как шмель, носился вокруг деревьев, настороженный, весь в поиске; его датчики пытались уловить малейшие признаки теплового излучения, подозрительные звуки и зафиксировать любую активность, способную таить в себе угрозу.

Дэйвис подошел к девушке, опустился на колени и взял раненую руку. Укус был не очень глубоким, но запястье в этом месте распухло и посинело. Образовались тромбы, но дело было поправимым: следы укусов надо было быстро продезинфицировать, обработать средствами из быстродействующей аптечки и наложить целительную, заживляющую повязку. Он попытался

подсунуть под Ли свои руки, но она оказалася сопротивление.

— Что ты хочешь этим доказать? — сердито поинтересовался Дэйвис, не давая ей вырваться.

— Они посадят тебя в тюрьму, — услышал он в ответ.

— У меня есть деньги, чтобы воспрепятствовать этому.

— Но ты все потеряешь. — Она укусила его в руку.

— Смотри, — взмолился он, указывая на черные тени, которые приближались к ним, бесшумно скользя между стволов деревьев. — Видишь?

— Волки?

— Верно. Ну так вот! Позволь мне сейчас кое-что тебе сказать. Я собираюсь остаться здесь, если ты не согласишься, чтобы я вынес тебя из леса. Буду дожидаться волков и убивать их одного за другим с помощью Протея, пока их не окажется так много, что работу с ними будет уже не справиться. Затем я позволю им убить нас обоих, если не смогу остановить зверей вот этими руками. Ты знаешь, что возможности Протея не безграничны. Он не предназначен для работы в особо экстремаль-

ных ситуациях, а сейчас возникла именно такая.

Как бы в подтверждение его слов пластиплазма в корпусе робота громко забурлила. Протей мог, конечно, управиться с волками и нагнать на них достаточно страха, чтобы хищники держались поодаль, но сейчас вряд ли стоило говорить ей об этом.

— Но ты потеряешь все!

— Деньги? Обожание кучки фанатов?
Мы будем бороться и победим!

Ли взглянула на него, как-то поникнув, уже почти не в силах спорить и держаться настороже, что удавалось ей только за счет чрезмерного напряжения сил. Она обмякла и пожаловалась, что укушенная рука сильно болит, и он поднял ее на руки так, как поднимают ребенка, беспокоясь, сложены ли ее крылья, чтобы не погнуть или не порвать их неосторожным движением. Но когда он повернулся определить, в какую сторону идти, чтобы выбраться из леса, волки оказались совсем близко.

Справа от него один из этих здоровенных, истекающих слюной монстров вздыбил загривок, пригнул шею и начал скрести лапами землю. Его задние ноги напряглись, и

даже через густую шерсть было видно, как играют мускулы.

— Пушку вправо! — приказал Дэйвис роботу.

Протей повиновался.

Волк, сделав для разбега пару скачков, в прыжке взвился в воздух...

...и вспыхнул, как спичечная головка, попав в зону действия вибролуча, успев только коротко взывть напоследок.

Другие звери немного отступили, пригнув морды и издавая странные звуки, похожие на глубокие стоны; подхваченные и унесенные ветром, по мере удаления они прозвучали сначала как детский плач, затем как жужжение пчел и наконец совсем стихли.

Дэйвис на обратном пути перенес Ли через заваленный опавшими листьями рухнувший ствол дерева, осторожно обогнул нагромождение камней, зацепив несколько раз при этом ее тогой за выступающие острые каменные обломки, тревожно оглядываясь при каждой возможности, чтобы убедиться, что Протей по-прежнему начеку. Волки следовали параллельно их курсу, скрываясь за деревьями, ярко-красные глаза вспыхивали то здесь, то там в густой тьме — единственные признаки, выдавав-

шие присутствие хищников, если не считать случайного рычания.

Наконец впереди смутно вырисовалась кромка леса, забрезжили покрытые снежным одеялом поля, и — несмотря на свой ледяной наряд — на них повеяло теплом скорого возвращения к людям. Он слегка приподнял девушку, так, чтобы она смогла обхватить его за шею здоровой рукой, и оглянулся на несколько пар поблескивающих кроваво-красных точек, указывавших местонахождение волков. Восемь из них подобрались, по его расчетам, слишком близко, чтобы не вызывать опасений. Но делать ничего не оставалось, кроме как идти вперед и положиться на Протея. Дэйвис отступил от дерева, к которому прислонился, прижал Ли плотнее к груди и поспешно зашагал к свету.

Позади него раздавался шорох и шелест движений, и он подсознательно заметил, как Протей изогнулся у него над головой, нацеливая вниз весь свой арсенал. Посыпался треск виброоружия, в нос ударил запах паленой шерсти и горелого мяса. Дэйвис даже не остановился, чтобы оглянуться, и продолжал идти, выдерживая заданный темп.

Слева от них пара волков ринулась вдогонку, делая огромные прыжки. Протей обдал обоих струями смертоносного голубого пламени и вывел из строя еще до того, как они в очередной раз успели оторваться от земли. Опавшая листва под тонким слоем снежного покрывала вокруг них ярко вспыхнула и вмиг сгорела, не оставив даже золы, ничего, кроме крошечной струйки дыма.

Вскоре Дэйвис выбрался из чащи на опушку, где к нему нельзя было подобраться незаметно. Волки, последние пятеро, которые еще остались, выбежали следом, обогнали, развернулись и начали теснить его обратно к лесу, пытаясь отрезать от открытого места. Они были огромными, похожими на демонов, с покрытыми пеной мордами, и казались на фоне снежной белизны даже еще более огромными, и он прекрасно знал, пусть звери и казались выходцами из страшных сказок, насколько сильны их зубы и когти, способные разорвать человека на части.

Протей отреагировал на вызов без промедления, встретив этих тварей так же, как и их предшественников. Он оборвал прыжки сразу двух, накрыв зверей из виброору-

жия, и заставил их откатиться назад, дрыгая лапами, пока они не покрылись снегом и льдом так, что стали походить на экспонаты из парижского музея пластиковых фигур. Три оставшихся зверя решили, что с них хватит, повернули влево и помчались под защиту спасительных деревьев, поджав хвосты и делая огромные прыжки, вздыхая после каждого облачко снега.

Дэйвис пошел медленнее, переводя дыхание. Автомобиль ничем не мог ему помочь, так как его гравитационные тарелки вышли из строя. Он хорошо видел его на склоне холма, на котором возвышался храм; корпус машины накренился вбок, резиновый обод выполз из-под другого бока как свившийся змей. Дэйвис глянул в сторону Заповедника. Экономка Солсбери наверняка должна иметь другой гравимобиль, которым он мог бы воспользоваться, чтобы доставить девушку к себе в поселок, где хранилась его быстродействующая аптечка.

Он опустил взгляд на Ли, чтобы сообщить ей о своих планах, и увидел, что девушка без сознания. Ее головка лежала на его груди, а дыхание было неровным. Осмотрев следы волчьих зубов, Дэйвис отметил, что запястье еще более распухло, чем

прежде, а вена, отходящая от ранок, почернела и вздулась. Либо укус вызвал в ее крови какой-то естественный процесс, связанный с реакцией организма на инфекцию, либо волчьи клыки выделяли при укусе, подобно змеиным зубам, какое-то химическое вещество, которое могло быть — а скорее всего, и было — смертельно опасным для жертв.

Он поспешил огляделся по сторонам, словно поблизости мог оказаться кто-то, способный оказать помощь, затем повернулся в сторону Заповедника и, прижимая Ли к себе еще плотнее, чем раньше, побежал по свежевыпавшему, уже с дюйм толщиной, снегу; его ноги заплетались и скользили, но он каким-то чудом ухитрялся не терять равновесия. Уши Дэйвиса ныли от холода, и он мог только представлять себе, насколько должна была замерзнуть девушка, укрытая только тогой, пусть даже и из плотной ткани. Ее ноги оставались совсем голыми до самых колен, где ее одеяние разделялось на полы, и он уже было совсем остановился, чтобы укутать их хорошенько для тепла, затем спохватился, поняв, что любая задержка приведет к напраснойтрате тех крох жизни, которые в ней еще теплились.

Он побежал еще быстрее, один раз даже упал на спину, хотя и умудрился при этом не выронить девушки и не причинить ей никакого вреда. Потребовалось немало усилий, чтобы из такого положения встать на ноги, не уронив ее в снег; он не хотел выпускать свою драгоценную ношу из рук.

Через считанные минуты Дэйвис достиг Заповедника и, пошатываясь, вместе с Ли на руках поднялся по ступеням; горло пересохло и горело как в огне, язык прилипал к нёбу. Добравшись до двери, он помедлил и уже собрался было толчком открыть створку, когда та сама распахнулась, как бы приглашая войти. Он так и сделал и остановился в вестибюле, запыхавшийся и не способный вымолвить ни единого слова. Он поднял глаза, ожидая увидеть экономку Солсбери, но вместо нее узрел физиономию самого представителя Альянса.

Полпред пригладил усы одной рукой, взглянул на девушку, затем перевел взгляд на Дэйвиса. В другой руке он держал пистолет.

— Она была искусана волком, — еле промолвил Дэйвис. Его голос прозвучал хрипло, чтобы слова были разборчивыми, ему пришлось взять на октаву выше.

— Бросьте ее! — приказал полпред.

— Быстрей окажите ей помощь! — взмолился Дэйвис.

— Бросьте ее, — повторил полпред, указывая пистолетом на Ли. — Должен предупредить вас, что я был солдатом Альянса, перед тем как перейти в дипломатический корпус. В силу своей профессиональной подготовки у меня нет отвращения к насилию. Я способен на... ну, скажем так, почти на все — и это не пустые слова. Бросьте ее!

В недрах Протея что-то угрожающее забулькало.

— А робот-охранник не предназначен для того, чтобы причинить вред другому человеческому существу, Дэйвис. Так что забудьте об этом.

Дэйвис наклонился, чтобы положить Ли на ковер.

— Я же не сказал вам положить ее. Я приказал бросить. Разожмите руки — и пусть падает!

Он пропустил слова полпреда мимо ушей и бережно опустил девушку на ковер.

— Это был плохой ход, — заявил бывший солдат. — Еще одно обвинение в ваш адрес: неповинование офицеру Альянса. Одно это уже влечет за собой два года тюрьмы. Да-

маю, вам следует быть более почтительным, это в ваших же интересах.

— Как вы смогли так быстро здесь оказаться? — не удержался от вопроса Дэйвис.

— Прибыл сюда с визитом к экономке Солсбери, чтобы навести у нее справки о вас и выяснить, не известно ли ей о каком-нибудь предосудительном поступке с вашей стороны — например, нарушении правил Заповедника или нечто в этом роде, — чтобы мы могли надеть на вас узду и поумерить вашу прыть. Она только что рассказала мне о ваших отношениях с этим животным, которое вы так нежно только что прижимали к груди. Вот к чему привело потворство с нашей стороны вашим прихотям. — Он злорадно улыбнулся.

Дэйвис опустил глаза на девушку, лежавшую у его ног:

— Собираетесь ли вы оказать ей помощь? Она умирает. Самое простое быстродействующее лекарство из...

— Пусть себе умирает, — отмахнулся полпред, по-прежнему улыбаясь.

Дэйвис не мог скрыть своего изумления.

— Дэйвис, вы совсем упустили из виду, что не имеет никакого значения то, каким инородец кажется, например, сообразитель-

ным, — это все постольку поскольку. Главное — он не человек! Человек — вот высшая ступень жизни. Почему, как вы думаете, вышло так, что за все годы освоения космоса мы так и не встретили ни одной расы, способной конкурировать с нашей? Да потому, что нам предначертано быть высшими разумными существами, — понимаете ли вы это, человек! И в ближайшие миллионы лет мы не собираемся мириться со всем тем, чем не сможем управлять. Вы позволили себе увлечься этим маленьким животным. Вам бы следовало быть более благоразумным. А за то, что вы одурачили меня и свели на нет все мои шансы добиться повышения в ближайшие пять лет, введя в заблуждение по поводу того, о чем собираетесь написать в своей новой книге, думаю, что я вправе воспользоваться предоставившейся мне возможностью и отплатить вам если не сполна, то хоть в какой-то мере за ту подлянку, что вы мне подкинули. К тому же, возможно, если вы проследите за тем, как она будет умирать, то поймете, что это создание — просто животное, зверь, а то и хуже. Она будет умирать отнюдь не в сопровождении хора ангелов, напутствующих ее к месту последнего успокоения.

— Вы сумасшедший!

— Нет, — возразил полпред. — Это вы безумны! — Он сделал шаг вперед и пнул носком сапога девушку в бок, с тем чтобы перевернуть ее на живот. — Смотрите, Дэйвис, безумие наказуемо, если оно угрожает стандартам, принятым в обществе. Всякий, кто в угоду себе нарушает важнейшие запреты, зачастую провозглашается душевнобольным со всеми вытекающими отсюда последствиями. А любовь к инородке — в высшей степени ненормальное явление. Поэтому вас наверняка объяют сумасшедшим и предателем.

Быстрым, едва уловимым движением Дэйвис сжал кулаки, свел их вместе и нанес удар снизу вверх, угодив полпреду в подбородок с такой силой, что голова того резко запрокинулась назад. Глаза бывшего солдата закатились, блеснув белками, и он, покачнувшись назад, упал, грохнувшись затылком об пол со всей силы. Он меньше всего ожидал, что какой-то штатский может обладать способностью совершить столь дерзкий акт насилия по отношению к другому человеческому существу, и эта его самоуверенность и позволила Дэйвису с такой легкостью и убедительно-

стью лишить его столь пагубного задолжения.

Дэйвис поднял глаза и увидел экономку Солсбери, отпрыгнувшую к пульте внутреннего и внешнего оповещения рядом с ее столом за защитным экраном. Он ринулся следом и оттащил ее от пульта уже после того, как она успела нажать две из девяти цифр, затем очистил память, нажав клавишу «Отмена», и поволок экономку туда, где лежал еще не пришедший в себя полпред.

— Что вы собираетесь с нами делать? — спросила она.

— Сядьте! — приказал Дэйвис, подтащив ее к бессознательному церберу Альянса. Женщина плюхнулась на пол рядом с полпредом, вплотную прижавшись к нему своим дородным телом. — Не шевелитесь — и вам не причинят вреда!

— Он был прав! — выкрикнула экономка на грани истерики. — Вы сумасшедший!

Дэйвис проигнорировал ее слова, будучи полностью уверенным, что никакие факты, никакая логика не в силах поколебать убеждения людей, подобных ей, как и заставить таких, как полпред, расстаться хотя бы с одним из своих предрассудков. Вся их жизнь строилась на базе уверенно-

сти в своем превосходстве над... ну хотя бы инородцами. Более того, если бы их даже удалось убедить, что представители многих иных форм жизни превосходят их по интеллекту, то бедняг тут же хватила бы кондравашка. Это были недалекие люди, прислужники тех, кто находился у власти, и без правительства, которое стояло за их спиной, они ничего собой не представляли — так, медузы своего рода.

Он сорвал драпировки с высокого окна, разодрал каждую полосу вдоль на две части и пустил ленты на то, чтобы связать полпреда и смотрительницу Заповедника по возможности крепче, пока они с Ли не выберутся из этой передряги. Скрутив обоих, он вернулся к девушки, перевернул ее на спину и осмотрел, насколько почернела ее рука за это время. Полоска черноты уже подступала к самому сгибу локтевого сустава. Через пятнадцать минут, вполне вероятно, она уже могла расстаться с жизнью. А то и раньше. Ее дыхание было слабым, как у птички, зато биение большого сердца слишком частым, даже для димосианки.

— У вас здесь есть запас быстродействующих медицинских препаратов? — спросил он у экономки Солсбери.

— Нет, — отрезала она.

Он опустился на колени и дважды ударили ее по лицу.

— Полпред тоже думал, что я не смогу причинить ему вреда. Не делайте ту же самую ошибку. — Он поднес пистолет чиновника к ее шее. Дэйвис еще не настолько преуспел в своей способности совершать насилие, чтобы хладнокровно убить человека, но пока ей это неизвестно, угроза выглядела вполне реальной.

— В цоколе здания устроен лазарет, — сдалась она. — Туда ведет вон та зеленая дверь. Там должны быть лекарства и медицинское оборудование общего пользования.

Он похлопал женщину по щеке, улыбнулся и опрометью бросился в лазарет, где быстро нашел полностью укомплектованную аптечку, и уже через две минуты вернулся обратно. По возвращении он заметил, что экономка Солсбери что-то нашептывает полпреду, пытаясь заставить того очнуться. Тот застонал, но полностью в себя еще не пришел.

— Поберегите дыхание, — посоветовал женщина Дэйвис, с удовольствием заметив, как она чуть не свернула себе шею, когда резко повернула голову, чтобы

взглянуть на него, испуганная и смущенная. После того как он сам неделями терзался страхом перед тем, что сделает с ним Альянс, если станет известно о его неблаговидном поведении, то как было не порадоваться тому, что люди Альянса боятся при нем даже шептаться.

Он поднял Ли и уложил ее на один из комфортабельных диванов, которых в вестибюле хватало с избытком, затем осторожно перевернул на спину так, чтобы можно было все время следить за ее дыханием и биением сердца. Открыв аптечку, он быстро извлек препараты, которые могли ему понадобиться, и вскоре с головой ушел в работу над тем, чтобы остановить проникновение яда дальше, нейтрализовать его действие и извлечь из организма до того, как будет слишком поздно. Какое-то время Дэйвису казалось, что он не поспевает за распространением инфекции, но затем ему удалось найти противоядие, уничтожить чужеродный элемент, попавший в кровь, и сжать размер пораженного участка до первоначальных границ. Наконец Дэйвис наложил целительные повязки, подключил капельницу, проверил, достаточен ли заряд в миниатюрной батарейке,

подсоединенной к желтой медицинской ткани, плотно наложенной на руку для измерения давления, и откинулся на спину, чувствуя себя так, словно гора свалилась с плеч. С Ли теперь все должно быть нормально.

— Весьма трогательно, — прохрипел пол-пред позади него. Дэйвис резко повернулся, но человек Альянса по-прежнему был крепко связан. — Очень трогательно, но глупо. Теперь вас можно обвинить и в третьем преступлении — нападении на офицера Альянса. Проклятие, уверен, что подобное обвинение еще никому не было предъявлено в этом столетии! Как вам удалось подобное, Дэйвис? Каким образом получилось так, что вы оказались в состоянии поднять на меня руку?

Он не хотел объяснять, что табу на свершение актов насилия было сперва поколеблено, а затем и окончательно нарушено там, в газоубежище, когда насилие показалось для него единственным средством, чтобы спасти любимую девушку от зубов и когтей крысы, — или же оказаться свидетелем того, как она умрет, разорванная на клочки. Ему не хотелось объяснять, что подобное вряд ли могло оказаться достаточным стимулом для

любого гражданина Альянса, чтобы прибегнуть к насилию, но этого хватило, и даже с избытком, для человека, искавшего любовь всю жизнь и так и не нашедшего до тех пор, пока он не встретил эту девушку, димосианку. Поэтому он и не стал ничего объяснять. И этот отказ от каких-либо объяснений офицеру Альянса позволил Дэйвису ощутить в себе большую решимость и почувствовать уверенность, что он стал по-настоящему мужчиной, каким не был до сих пор, — в этот момент он переживал доныне неведомый ему подъем.

— Видите ли, — обратился он к усатому полпреду, оставив его вопрос без ответа, — я намерен продержать вас в заложниках до тех пор, пока мое дело не получит широкую огласку. В противном случае Альянс, вполне возможно, упрячет меня в такое место, где обо мне никто и не услышит. Если мне предоставят подлинные гарантии, что все пройдет по-честному, то я соглашусь предстать перед судом. Если случившееся со мной попадет в выпуски ближайших новостей, то Альянс не осмелится бросить меня в тюрьму без суда и следствия. Все, что я хочу, — это получить возможность оспорить правомочность дискри-

минационных законов против смешанных браков.

— Идите к черту! — огрызнулся полпред.
— Вы отзовете своих ребят, если они...
— Я скорее, — злобно прошипел чиновник, — прикажу стрелять им на поражение, независимо от того, убьют ли меня при этом или нет. Вы загубили мою карьеру, на которую я потратил столько лет. Они мне не разрешат далее оставаться в дипломатическом корпусе. И вернуться обратно в армию тоже не позволят. Все, что мне светит, — это какой-нибудь гражданский пост, а я этого не выдержу. Скорее умру!

— Верю, — искренне ответил Дэйвис. — Без власти, военной или административной, подобные вам просто не выживут.

Полпред плонул в его сторону.
— Это в мой или в свой адрес?
— Идите к черту!
— Повторяетесь! Вы уже отправили меня в этом направлении, и притом совсем недавно.

— Все, что вам остается, — это бежать, — заявил бывший вояка, снова изобразив улыбку. — А так как зима уже наступила, то далеко ли вам удастся уйти? С инородкой вам эту планету не покинуть. И я думаю, что

вы достаточно глупы, чтобы оставаться с ней, вместо того чтобы бросить ее на произвол судьбы.

Дэйвис вместо ответа содрал с окон еще две драпировки и разодрал их на полосы, чтобы покрепче связать пленников. Он закончил эту работу, запихав им во рты тугие добротные кляпсы, затем волоком оттащил в кладовку, находившуюся за столом экономки. Там он пристроил полпреда поудобнее, затем решил, что не мешает получить как можно больше информации, чтобы обеспечить себе и Ли побег. Дэйвис вынул кляп изо рта экономки Солсбери:

— Когда вас хватятся?

— После ужина. А уж до завтрака — это точно. Я теперь не всегда по ночам проверяю помещения.

— А где другие девушки?

— Наверху, в комнате для игр.

Он снова всунул ей в рот кляп и прихватил его полосой ткани, обернув ту вокруг лица экономки и завязав узел на затылке. Возни с ней было больше, чем с полпредом, она находилась на грани истерики. Уложив женщину в кладовке лицом к чиновнику, он закрыл дверь и поспешил обратно к Ли. Девушка все еще спала, но он

не мог позволить себе дожидаться, пока она проснется. Дэйвис поднял ее, вышел наружу, спустился по ступеням и пересек ровную стоянку для парковки, направляясь к гравимобилю, доставившему полпреда из космопорта.

Там он осторожно уложил Ли на сиденье для пассажиров, пристегнул ремень безопасности, дождался, пока Протей устроится позади, затем сам уселся за руль и потянулся к панели управления. Только тогда он впервые заметил пульсирующий янтарный свет индикатора над радио, говорящий о том, что кто-то сделал вызов. Дэйвис подумал было, не ответить ли, чтобы отвязаться от абонента, но тут же понял, что это неизбежно кончится полным провалом. Пусть уж лучше мигает. В конце концов они начнут беспокоиться, но, возможно, не раньше чем через час, а то и два. А к тому времени они с Ли, если повезет, будут достаточно далеко, чтобы это могло помешать их побегу.

Побег...

Он взглянул на горы, на тяжелые облака, цеплявшиеся за вершины, полосы снега, гонимые легким ветром, который обещал к ночи усилиться и превратиться в снежную

бурю. Их побег мог состояться только в том направлении — в горы и дикие равнины Димоса. С таким полпредом, у которого в подчинении вся полиция планеты, не могло быть и речи, чтобы легально покинуть Димос, с тем чтобы затем обратиться в суд. Никаких шансов! Если они не смогут бежать от полиции, то им конец. Возможно, что гибель ждет беглецов и в том случае, если им удастся ускользнуть в горы, где, учитывая наступление холодов, они попросту замерзнут, но ничего другого уже не оставалось. Полпред другого выхода им не оставил.

Пожалуй, впервые Дэйвис спохватился, что даже не знает имя представителя Альянса. Тот был для него просто марионеткой в руках правительства. Они так и не представились друг другу. Дейвису даже и в голову не пришло спросить, как того зовут, а человек Альянса не привык сообщать свое имя по собственной инициативе. Это было вполне убедительным доказательством обезличивания человека бюрократической машиной. Маленький бывший солдат с усами больше не был индивидуален, он превратился в крошечный штрих в составном коррумпированном имидже правительства Альянса и со своими амбициями на главенство челове-

ческой расы стал очередной пешкой, приверженной доктринам и движимой догмами, не думающей и не заботящейся ни о чем, кроме власти и способов ее достижения.

Индикатор продолжал мигать.

Дэйвис тронул с места гравимобиль и направил его прочь от Заповедника, выжимая акселератор все время, пока мчал по дороге, ведущей к поселку, где остались его вещи и запасы продовольствия, необходимые им для долгого предстоящего пути или же...

Глава 5

Ли все еще не пришла в сознание к тому времени, когда они добрались до башен поселка, и хотя ему была не по душе мысль прервать ее сон, Дэйвис ввел девушке подкожный стимулятор и начал энергично растягивать ей щеки и руки. Оставалось так мало времени, а сделать предстояло так много, что нельзя было тратить ни секунды.

Она пошевелилась, что-то пробормотала спросонья и приподнялась, по-прежнему не открывая свои овальные глаза. Ее крылья слегка дрогнули, раскрылись, затем сложились и убрались на место. Она потрясла го-

ловой, всхлипнула и наконец взглянула на него. Даже темные круги под глазами не портили ее красоту, а придавали ей какой-то интригующий вид.

— Где мы? — спросила она.

— В поселке, где остались мои вещи.

— А волки...

— Расскажу, пока будем собираться, — оборвал он расспросы, поднимая ее на ноги. — У тебя хватит сил, чтобы немногого поработать?

— Я чувствую себя такой усталой. Но попробую собраться с силами, — ответила она.

— Как рука?

— Почти не болит.

— Тогда давай поспешим!

Тем не менее Ли нашла время, чтобы поцеловать его пылко и самозабвенно, затем они торопливо стали собирать продукты, концентраты, термосы-кувшины для воды, портативные электрофакелы и даже те вещи, которые вряд ли могли им пригодиться, — словом, все, что только могли унести. Однажды она сделала паузу, чтобы попытаться убедить Дэйвиса, что он должен сдать ее властям и тем самым заслужить себе прощение. Но он заявил, что такое предложение не только оскорбитель-

но для него и говорит о том, что она недооценивает искренность и глубину его любви, но и полностью относится к области фантастики, так как представитель Альянса теперь охвачен жаждой крови и мести и ничем меньшим не удовольствуется. После чего сбор и упаковка вещей возобновились с еще большей спешкой.

— Куда мы отправимся? — поинтересовалась девушка, когда они собрали последние из вещей, что, по мнению Дэйвиса, могли им понадобиться, и распихивали их в рюкзаки и единственный оказавшийся у него чемодан.

Он хотел было ответить, но вместо этого вернулся к осмотру оставшихся вещей и в темпе выбрал те из них, которые можно было еще втиснуть в рюкзаки и чемодан. И лишь через несколько минут сказал:

— Если мы сможем добраться до лесов и продержаться там некоторое время, то, возможно, они подумают, что мы зимой погибли в горах. Может, мы и погибнем. Но мы чертовски постараемся, чтобы остаться в живых. И если нам это удастся, тогда весной попробуем пробраться в город, чтобы неизвестными попасть на космодром.

— Это вряд ли, — заметила Ли.

Дэйвис пожал плечами, так как не хуже ее знал, что подобный вариант маловероятен. Но других попросту не было. Сейчас они походили на пару мечущихся из стороны в сторону существ, попавших в паутину мегаманьяков, одержимых жаждой власти, они были мышками, оказавшимися в стенах огромного, уму непостижимого сооружения, именуемого общественным порядком. Их единственный шанс выжить заключался в том, чтобы и действовать как мыши, живя вне этого порядка, на грани невозможного, чтобы остаться незамеченными и тем самым избежать уничтожения. Жизнь далеко не из приятных! Но все же лучше, чем смерть.

— Я могла бы кое-что предложить, — вдруг произнесла девушка.

Он покончил наконец со сборами и с трудом затянул раздувшийся рюкзак.

— Что именно?

— Крепость.

Дэйвис озадаченно взглянул на нее, пока закрывал клапан кармана рюкзака, не вполне уяснив смысл сказанного.

— Что?

— Крепость. Помнишь, я рассказывала о том, как предполагалось переломить ход войны в пользу моего народа?

Теперь он вспомнил, и все заметки, сделанные им в результате детального выяснения всего, что было связано с этой темой, возникли в его мозгу с исчерпывающей ясностью. Исходя из того, что рассказывала Ли, димосиансское правительство построило в конце войны, когда применение стерилизующих газов возымело эффект и ряды их бойцов существенно поредели, четыре крепости глубоко под землей, разбросанные по всему континенту в местах, где в основном находились поселения крылатых людей. Крепости находились очень глубоко, могли послужить неуязвимыми укрытиями в случае любого вида атаки и были оснащены, если верить слухам, экспериментальными лабораториями для разработки новых видов оружия, а также генетическими лабораториями, предназначенными найти способ создания димосиан искусственно, не используя для этого ни мужчин, ни женщин. Крупнейший написк вооруженных сил Альянса пришелся как раз на то время, когда сооружение крепостей было завершено, и все строители, кто находился в них, были призваны для отражения страшной атаки землян — это была последняя отчаянная попытка димосиан сдержать захватчиков, и

она закончилась полным поражением. Крепости, если они вообще существовали, так и не были обнаружены. Дед Ли был инженером, руководившим группой строителей по возведению оборонительных сооружений, и участвовал в строительстве ближайшей крепости; ему предстояло вместе с семьей поселиться там, чтобы впоследствии возглавить работы по поддержанию сооружений в порядке. Но он тоже погиб в последнем сражении.

— А вдруг эти крепости всего лишь миф? — спросил Дэйвис. — Отчаявшиеся люди часто прибегают к помощи фантазии, чтобы поддержать в себе надежду.

— Мой дедушка был закоренелый прагматик, — возразила она. — Нет, это не миф!

— И ты знаешь место?

— Не совсем точно. Но из рассказов деда и анализируя то, что помню, могу сделать вывод, что крепость где-то внутри горы, которую мы называем Зуб, а она хоть и далеко отсюда, но не настолько, чтобы мы не могли добраться до нее, учитывая наши запасы продовольствия и снаряжение.

Он подумал момент, затем встал и схватил рюкзак.

— Стоит попытаться. Все равно ничего лучшего пока на ум не приходит. Только не слишком обольщайся, любимая! Даже если крепость действительно там, она, возможно, разрушена и непригодна для жилья.

— Их сооружали не для того, чтобы они развалились.

— Возможно, — согласился он, улыбаясь. — Я отнесу эти рюкзаки к машине и вернусь за чемоданом. Как думаешь, сможешь ли ты надеть это пальто, не повредив крылья?

Девушка посмотрела на два пальто, которые он отложил для них, огромные, меховые, типа «аляска», ему такое пальто было ниже колен на дюйм или два, а ей пришлось бы до самых пяток.

— В самый раз, — заверила она.

Дэйвис загрузил машину, помог Ли выбраться наружу, так как в пальто летать она не могла, и усадил на сиденье. Сам он надел осенний плащ и вдобавок к нему несколько курток — и ему совсем не было холодно, хотя он и сомневался, что после одного или двух дней, проведенных на открытом воздухе, этого вряд ли хватит для того, чтобы не мерзнуть.

— Опасность! — вырвалось у него, когда гравимобиль вырулил на дорогу, едва заметную под снегом.

— Что такое? — спросила Ли.

Он указал на радио:

— Индикатор перестал мигать. Это означает, что они решили, что их полпред попал в беду.

Снег клубился вокруг них, поднятый в воздух гравитационными тарелками, скрывая из видимости лес по обе стороны машины. Дэйвис гнал автомобиль по дороге обратно к Заповеднику, пока Ли не указала ему на якобы самое лучшее место въезда в лес для путешествия к горе под названием Зуб, где находилась — а может, и нет — крепость. Он развернулся под острым углом и по ее настоянию рванул напрямик по чистому полю, а это означало, что скорость гравитационного автомобиля придется снизить. Дэйвис продолжал с беспокойством наблюдать в зеркало заднего обзора, в любой момент ожидая увидеть темные силуэты полицейских фургонов. Им пришлось преодолеть добрых четыре мили вдоль круtyх, покрытых редкой древесной порослью подножий холмов, а потом забираться все выше по их склонам, то исчезая из виду, то вновь

попадая в поле зрения с шоссе, когда машина выползала к вершине следующего холма, еще выше предыдущего. Через десяток минут они достигли кромки лесов, где он повел машину осторожнее, проскальзывая между стволов, сдирая с корпуса краску, царапая блестящую полоску хрома, но тем самым надежно маскируясь, чтобы кто-нибудь с дороги не смог, случайно подняв глаза, заметить тусклый блеск металла среди деревьев.

— Дальше придется идти на своих двоих, — объявил он наконец. — Я собираюсь сделать тебе инъекцию адреналина и ввести несколько кубиков стимулирующего.

Ли пришлось повозиться со своим тяжелым одеянием, чтобы засучить рукав, и она безропотно терпела, когда две иголки впились в ее тонкую руку. Остались два красных пятнышка, но она достаточно видела крови последнее время, чтобы встревожиться из-за такого пустяка.

— Я понесу по рюкзаку на каждом плече, а чемодан буду перекладывать из одной руки в другую, пока ты не наберешься сил после принятия лекарств и не сможешь мне помочь.

— Я уже и сейчас в состоянии это сделать, — запротестовала она.

— Да? Может быть, минуты на полторы тебя и хватит. Пошли, любимая! Знаю, что ты храбрая девочка и сильная, но не стоит себя обманывать. Когда мы устанем, то отдохнем. Если не будем придерживаться этого правила, то рухнем, не проделав и трети пути к этой самой вашей крепости.

Они выстроились в цепочку — Протей в хвосте и Дэйвис, навьюченный поклажей. Когда он подбирал чемодан, после того как поправил рюкзаки на плечах, Ли охнула и воскликнула:

— Смотри! Туда, вниз, на Заповедник!

Он взглянул вниз на холмы, на храм и на Заповедник, который виден был только частично, заслоненный величественным культовым сооружением. На самой вершине вокруг видимой части уродливого здания прилепились четыре гравитационных экипажа, слишком больших, чтобы быть чем-либо иным, кроме полицейских фургонов. Пока беглецы смотрели на них, машины начали медленно отъезжать от Заповедника, спускаясь вниз по дороге, ведущей к поселку, где Дэйвис обосновал свою временную резиденцию. Свет их фар казался фосфорес-

цирующими глазами огромных мотыльков, пронизывающих начинаяющую сгущаться темноту. Создавалось впечатление, что через считанные минуты они найдут свою добычу и налетят на нее. И Дэйвис беспомощно подумал о том, что их гравимобиль оставил отличный след на всем пути через холмы до леса, такой отчетливый, что следовать по нему сможет даже слепая и лишенная чутья ищейка. Единственное, что могло их спасти, — это ночь, которая быстро вступала в права.

— Пошли, — позвал он Ли, — я запутаю след. — И он зашагал в гущу деревьев, стараясь не казаться таким испуганным, каким был на самом деле...

Глава 6

Если бы не снег и не лютый холод, Дэйвис возблагодарил бы свою удачу и всех богов, каких только знал. Они карабкались наверх в самые темные часы, никем не потревоженные, полагаясь, где это было возможно, только на слабый отблеск снега, и пользовались фонариком лишь в тех местах, где деревья росли так густо, что свет не

проникал сквозь толщу ветвей, — таких участков, к счастью, было не очень много, — и где они не могли и шагу ступить без опасения споткнуться или упасть в какую-нибудь яму, так как тьма была хоть глаз коли. До них не доносилось никаких звуков, говорящих о преследовании: голосов ниже по склону, шума от лопастей вертолета сверху. Горный склон зачастую круто уходил вверх, но не настолько, чтобы могло понадобиться специальное снаряжение. Это были старые горы, за тысячи лет основательно подвергшиеся эрозии. Восхождение скорее напоминало экскурсию, правда трудную и изматывающую. Все было бы хорошо, если бы не все усиливающийся ветер, грозящий с каждым часом перерасти в настоящий ураган.

Ветер ревел в кронах деревьев, трещал в развиликах ветвей так, что вокруг стоял непрерывный гул, и им приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. Часто ему казалось, что он стоит вблизи мощного водопада, где река в падении обрушивается на скалы. Пока деревья стояли плотной стеной, они прикрывали их от леденящего пронизывающего холода. Но несколько раз, когда им пришлось преодолевать длин-

ные участки, где лес был реже, потоки холодного воздуха с ураганным воем обрушивались на них, заставляя пригибаться, чтобы удержаться на ногах. Однажды на более крутом участке склона ветер, вырвавшись из-за горы и почти не встречая преграды, так как деревьев здесь было очень мало, задул вниз с такой силой, что им пришлось лавировать от дерева к дереву и выжидать, крепко держась за ствол. Дэйвис обхватывал девушку ногами изо всех сил, чтобы ее не сорвало. В короткие минуты затишья они стремительно бросались к заранее намеченному месту, где было за что ухватиться, чтобы устоять перед следующим натиском своего незримого врага.

К середине ночи снег повалил с такой силой, что было невозможно разглядеть что-либо на расстоянии вытянутой руки даже с помощью электрофакела. Дэйвис за всю свою жизнь никогда еще не видел такого урагана и ловил себя на том, что иногда, остановившись на момент, с изумлением взирает на этот снежный потоп, хлынувший с небес на Димос. В такие минуты Ли, следившая за ним по пятам, тоже останавливалась и сжимала его свободную руку, за которую цеплялась, чтобы заставить его идти

далъше. Иногда он даже жалел, что не воспользовался быстродействующими стимуляторами из аптечки и сам, так как чувствовал, что его хваленая энергия явно на исходе.

Они достигли горной вершины незадолго до рассвета и пересекли относительно ровный гребень, обрадовавшись возможности просто идти, ни за что не цепляясь, чтобы не сорваться и не покатиться вниз по склону. Им было хорошо на ровном месте, несмотря на сугробы, в которых ноги вязли как в болоте, и скрытые препятствия, которые Дэйвис находил постоянно, а натыкаясь на них, зачастую падал вместе со всей своей поклажей. Ли какое-то время помогала нести чемодан, но и веса двух рюкзаков хватало, чтобы он чувствовал себя так, словно его ноги проваливаются не только в снег, но и глубже в почву, что под снегом, на дюйм или два.

Когда первые рассветные лучи пробились сквозь плотную пелену облаков и заставили серый горизонт слегка посветлеть, они добрались до дальнего склона горы и нашли место, где можно было начинать спуск. Преодолевая первую сотню ярдов обрыва ущелья, которое лежало между этим склоном и

следующим, вновь уходящим в высоту, он дважды упал, причем второй раз едва не расшибся после того, как поднялся, чтобы продолжить путь. А тут еще и Ли повисла у него на руке и заявила, что совсем выбилась из сил.

Когда он обернулся в уверенности, что она настаивает на остановке только из-за него и, щадя его гордость, притворяется, что это по ее вине, то заметил, что глаза девушки ввалились, щеки осунулись, а лицо мертвенно побледнело под тяжелым капюшоном утепленной «аляски». Дэйвис совсем забыл, что наркотики, которые он ей ввел, не останавливают усталость и физическое изнеможение организма, а лишь дают возможность какое-то время не ощущать этого. После всего перенесенного Ли должна была находиться на пределе своих физических возможностей. Поэтому он кивнул и поднялся обратно на вершину к небольшой рощице, где снег был не так глубок, как на открытом месте; девушка все это время следовала за ним, вцепившись в его руку и с трудом переставляя ноги. Он очистил багаж от налипшего снега и грязи, достал из чемодана квадратное полотнище прочного пластика, раз-

вернул его и привязал за края к веткам над головой, чтобы сделать навес, под которым они могли бы укрыться.

Усевшись под тентом, они плотно прижались друг к другу, чтобы и то немногое тепло, что просачивалось через их плотную и толстую одежду, не пропадало впустую. Теперь, когда свирепые порывы ветра уже не хлестали как плетьью, казалось, что холод не столь ощутим, как ночью, — тогда их пробирало до костей, и даже то тепло, которое они выделяли, находясь в постоянном движении, не могло согреть в полной мере. Они не разговаривали, просто из-за того, что слишком устали, чтобы думать о том, что сказать, неспособные найти нужные слова. Однако в словах не было необходимости — все и так было ясно. Они открыли две банки тушеники с автоматическим подогревом в днищах жестянок и с удовольствием поели горячего. После выпили воды из бутылки, которую затем наполнили снегом. Покончив со всем этим, они легли, вновь прижавшись друг к другу, и накрылись одеялом, сотканным из пряжи, в нити которой были вмонтированы теплоэлементы, — Дэйвис мысленно порадовался тому, что догадался взять его с собой.

«Безумие, — думал он. — Безумие, безумие, безумие... У нас ничего не выйдет. Мы даже точно не знаем, куда идем. Возможно, уже заблудились, хотя Ли и думает, что знает, куда и как... Безумие...»

Он взглянул на Протея, покачивавшегося под самым пологом в дальнем углу навеса, и попытался представить, о чем думает робот, — конечно, если в его сложной системе, предназначенной для защиты человека, заложена способность хотя бы примитивного мышления. Холод, например, не фигурировал в списке опасностей, которые могли угрожать его хозяину. Дэйвис мог замерзнуть насмерть, не вспомни он про это одеяло с подогревом, но Протей был бы не в состоянии сделать ничего такого, чтобы замедлить этот процесс хотя бы на долю секунды.

Его вдруг поразила мысль: а ведь Протей теперь тоже изгой! Протей сбежал вместе с ними, он сделает все, чтобы они смогли благополучно скрыться от правительства Альянса. Это делало робота изменником и беглецом от лап правосудия. Дэйвис хотел было рассмеяться, но сил на это не осталось, и он заснул прежде, чем успел подумать о чем-нибудь еще...

И беспамятство не было спокойным сном.

Не то время было для этого.

Зато чередой шли сны.

Он в доме, сделанном изо льда, все комнаты — холодные спаленки, разделенные перегородками, и все они одинаковые. Он — голый, и его кожа синеет от холода, покрываясь полосками блестящего инея...

Он пытается найти дверь...

По-видимому, дверей здесь нет.

Становится все холоднее и холоднее, пока с мелодичным звоном, возникнув из ничего, в комнате не образуются сталактиты и сталагмиты — чистый лед надежно заслоняет ему путь, делая узником в этой конуре.

Он корчится на полу, чувствуя, как силы покидают его. Но вот одно пятнышко на стене начинает таять, вода стекает вниз и плещется вокруг него, теплая, приятная, возвращающая к жизни. В стене возникает портал — и там стоит, улыбаясь, Ли. Она направляется к нему, скользя по воде, лед вокруг нее тает, и холодный воздух делается теплым. Он цепляется за нее, и его плоть вновь обретает чувствительность.

И как раз в то время, когда они целуются, какой-то человек без лица, одетый в голубую форму с медными пуговицами, хлопает Дэйвиса по плечу, отрывает его от Ли и уводит ее прочь.

Вокруг вновь смерзается лед.

Тело, только что согревшееся, вновь начинает замерзать.

Он яростно бросается вдогонку за мужчиной в форме и девушкой, чтобы вернуть ее, но ноги примерзают к полу, он отрывается их с трудом — и это задерживает его, в то время как они двигаются с легкостью, лед перед ними тает, а после них замерзает вновь...

Он не поймает ее.

Никогда...

Когда-либо...

Открыв рот, чтобы закричать, размысляя о том, рассыплются ли от крика ледяные стены его тюрьмы...

...он проснулся от грохота пистолетного выстрела, раздавшегося совсем рядом...

Он потянулся за своим оружием и хлопнул рукой по пустой кобуре. Дэйвис конфисковал пистолет у представителя Альянса тогда, в Заповеднике, а теперь в свою очередь оружие конфисковали у него. Он

осмотрел навес и увидел Протея, все сенсоры и датчики робота вспыхивали разными огнями, пока он сам раздраженно порхал под самым пластиком, покачиваясь из стороны в сторону и пытаясь определить свою роль в разыгравшейся сцене. Ли была слева, рядом со входом в укрытие, и это именно она достала пистолет из кобуры и пустила его в ход. Девушка держала оружие двумя руками, так как пистолет был слишком тяжел для нее, и целилась куда-то вниз, в снега.

— Что все это значит? — спросил Дэйвис. Внезапно ему показалось, что они сошли с ума, раз остановились на ночевку в таком месте.

— Волки, — коротко ответила она.

Он слегка расслабился. Волки, конечно, достаточно сообразительные и сильные твари, чтобы представлять опасность, но они не могли идти ни в какое сравнение с человеком с ружьем или виброоружием — иными словами, наемным солдатом Альянса. Он пододвинулся ближе к Ли и выглянул наружу. Не далее чем в шести футах большой серо-коричневый волк, весьма похожий на тех, с которыми сражался Протей за день до этого, растянулся на толстом снежном ков-

ре, белизну которого портили большие алые пятна крови. Пасть зверя была открыта, язык вывалился на сторону.

— Не хотелось будить тебя, — объяснила Ли. — Думала, что пистолет с глушителем. Оказалось, что нет.

— Вот уж не знал, что ты умеешь пользоваться оружием, — удивился он.

— В последние дни войны все были солдатами.

— Не сомневаюсь, во всяком случае, теперь.

— Здесь есть и другие, — произнесла она спокойно, пристально глядываясь в плотные заросли кустарника, выбивавшиеся из-под снега.

— Где?

— Разбежались после выстрела. Но они где-то недалеко. Можешь не сомневаться.

— Протей...

— Я нашла неувязочку в твоем Протее, — прервала его Ли, оглядываясь на ощетинившуюся оружием кибернетическую систему на гравитационных тарелках, парившую в воздухе позади них в полном молчании.

— Какую же?

— А такую, что он твой робот-охранник, а не мой. Волки начинали подбираться все

ближе и ближе. Протей пристально наблюдал за ними, но я поняла, что он и не собирается стрелять ни в одного из них, пока звери не набросятся на тебя. А если нападут на меня, то что ж, ничего страшного.

Дэйвис кивнул, его пронзила дрожь от ужаса, когда до него дошло, какой серьезный просчет он допустил, занимаясь приготовлениями к бегству. Он-то думал о Протее как об их общем телохранителе, напрочь позабыв, что тот только его личный солдат. Дэйвис ошибочно распространил свою новую концепцию «мы» на все, где прежде превалировала его старая концепция «я». Но для Протея эмоциональная эволюция, случившаяся с хозяином, осталась незамеченной, и робот мог спокойно оставаться в стороне, когда жизни Ли угрожала смертельная опасность, если в этот момент та же опасность не угрожала Дэйвису.

Затянутые защитной белой пленкой, как катарактой, глаза его сферического защитника пристально вглядывались в обширное белое пространство; белое глядело на белое.

— Отныне, — решил Дэйвис, — мы будем крепить пластик на манер палатки, чтобы был только один вход, а не два. Если бы я не был таким усталым сегодня утром, то так бы

и сделал. Впредь я буду спать возле самого входа, а Протей будет рядом. — Он закатал наверх рукав своего пальто и свитеров, что были пододеты снизу. — Мы спали около пяти часов. Близок полдень. Если хотим идти при свете дня, то лучше не мешкать.

Они выпили по глотку воды и поели шоколаду, затем бережно сложили одеяло, чтобы разомкнуть термоэлементы и дать им остыть, упаковали все прочее, потом сняли пластиковое полотнище, служившее им убежищем, и убрали его. Через пятнадцать минут они уже были готовы тронуться в путь. Ли взяла себе чемодан, а Дэйвис — оба рюкзака. Они отправились вниз по склону с гораздо большей легкостью, чем тогда, когда пытались спуститься по нему сонные и вымотанные, пять или шесть часов назад.

Ужасный ветер стих, хотя то здесь, то там их и настигали отдельные порывы, заставляя оступаться и падать в сугробы. Снег все еще падал, довольно густой, но уже не стеной, как прежде. Они могли видеть спуск впереди, и путь повсюду казался одинаково нетрудным, по крайней мере дорога в ущелье и подъем на противоположную сторону. В некоторых местах пришлось преодолевать снежные заносы высо-

той по пояс, хотя по большей части этого можно было избежать, если бы у них хватало времени и терпения выбирать путь более тщательно. В остальных местах глубина снежного покрова была Дэйвису по щиколотку, а Ли иногда достигала до колен, что, конечно, выматывало беглецов и замедляло движение, заставляя беспокоиться, хватит ли у них времени, чтобы побольше опередить ищеек Альянса, если те с рассветом пустились на их поиски.

Когда они достигли дна ущелья и начали подниматься на противоположный склон, то обнаружили, что проридаться через снежные заносы при спуске намного легче, чем преодолевать их при подъеме. Теперь от них потребовались дополнительные усилия, чтобы не только одолеть меняющуюся крутизну склона, но и для того, чтобы удержаться на осыпях, невидимых под снегом, а также чтобы преодолеть сопротивление рыхлого, в фут глубиной снега. Почти добравшись до цели, они столкнулись с новым препятствием: последние двадцать футов пути были скрыты под сплошной нависшей массой снега, что делало подъем на вершину второй горы трудным, если не невозможным делом. По предложению Дэйвиса они взяли вправ-

во, в обход по склону, выискивая проход в толще снега, через который могли бы добраться до вожделенной вершины. Но преодолев еще триста футов, обнаружили, что ущелье переходит в отвесный утес, где даже не на что поставить ногу, а нависшая масса снега простирается гораздо дальше. Им пришлось возвращаться обратно по собственным следам, туда, откуда и пришли. Тогда они взяли влево и вскоре убедились, что и там ситуация та же самая. Не нашлось ни одной трещинки в монолитной снежной стене, которая преграждала им путь к заветной вершине.

— И что теперь? — спросила Ли, поставив чемодан и вытирая пот со лба. Ей пришлось преодолеть искушение — скинуть тяжелое пальто, чтобы остудить разгоряченное тело. Тот самый жар, от которого она сейчас страдала, был крайне необходим, чтобы поддерживать жизнь, и она знала, что порыв холодного ветра, который охватит ее, если она разделется, весьма вероятно, кончится пневмонией, чего они оба вполне справедливо опасались.

— Два выхода, — ответил он.

— И оба стоящие, не так ли?

— Воздержись от поздравлений, пока не услышишь, насколько они оба неприятны.

— Не более неприятны, чем ожидать здесь, пока не замерзнем или пока нас не схватят.

— Ну, — начал он, мечтая сбросить оба рюкзака и не думать о том, что тут же придется взваливать их опять, — мы можем либо повернуть обратно, вновь подняться на ту сторону ущелья, спуститься другим путем с вершины первой горы и попытаться обойти ее, а там уж решать, как двигаться дальше. Загвоздка в том, что мы можем наткнуться на то же самое, если не хуже, каким бы путем мы ни пошли. К тому же снег все еще идет, а это значит, что каждый час задержки приведет к тому, что нам придется брести по сугробам, которые вырастут еще больше.

— Звучит не очень впечатляюще.

— Мне самому это не нравится.

— Тогда какой второй выход?

— Мы, — тут он нахмурился, — проложим путь прямо через козырек, нависший над нами, и продолжим путь дальше.

— На взгляд здесь семь или восемь футов. У нас нет лопаты, а если бы даже и

была, мы не смогли бы управиться с нею на таком склоне, как этот.

— Зато у нас есть Протей, — выразительно ответил Дэйвис.

— Точно! — Она вся расцвела. — Оружие.

— Погоди радоваться, любовь моя! Есть риск. Протей наотрез воспротивится тому, чтобы удалиться от меня более чем на несколько футов, а это значит, что мы должны быть рядом с ним, когда он будет работать. А раз радиус огня недостаточен, чтобы вести его со дна ущелья или с противоположного склона, то выходит, что нам придется находиться здесь, где мы сейчас находимся, а то и выше, пока он будет пробивать снежную стену. Если случится обвал, то мы окажемся прямо на пути схода снежной лавины.

Они оба взглянули на снежный козырек, нависший над ними.

— А если использовать вибролуч вместо реактивных ракет? — спросила девушка.

— Здесь я не могу ему указывать. Выбор оружия заложен в его системе и полностью находится в распоряжении робота. Правда, на Протея можно воздействовать с помощью команд. Но это все, что мы можем.

— Будь что будет, — решилась она, — ничего другого нам не остается.

— Пушку влево! — скомандовал он работу.

Тот выпустил ствол из гладкого блестящего корпуса.

— Пушку вверх! — уточнил Дэйвис.

Робот подчинился.

— Чуть левее! Еще немного влево!
Приготовься!

Он вновь взглянул на снежный полог, распостершийся над их головами.

Где-то позади завыл волк.

— Огоны! — приказал Дэйвис.

Снаряд взорвался в самом центре снежного шельфа, разметая снег во всех направлениях, заволакивая красивым белым туманом склон, где они стояли, и дно ущелья. Когда воздух очистился, то третья пути была свободна.

— Пушку чуть выше! — продолжал он командровать. — Еще выше! Огонь!

Снаряд взорвался — и откуда-то сверху раздался ужасающий пронзительный гул. В массе снега появились трещины. Она зернулась и вся целиком, казалось, сползла на дюйм или чуть больше. Затем, уже ничем не удерживаемая на склоне, вновь

пришла в движение и со страшным ревом устремилась вниз, прямо на них, со скоростью локомотива.

Дэйвис подхватил Ли и прыжками устремился вверх по склону навстречу снежной лавине, намереваясь достичь открытого места, где после первого выстрела Протея осталось мало снега, чтобы там залечь. Но прежде чем он смог добраться туда, волна нахлынула на них, вырвала девушку из его рук и увлекла за собой, устремляясь на дно ущелья...

Глава 7

Он ухитрился уцепиться за тонкий, но прочный ствол какого-то лиственного дерева как раз в тот момент, когда его несло мимо потоком стремящегося вниз снега, — ему удалось крепко обхватить его руками. Дерево угрожающе низко склонилось под напором лавины, но все же устояло. Мгновение спустя рев, казалось, стал гуще, словно раздавалось многочисленное, хотя и затухающее эхо отзвуков недавних событий, затем вдруг стало тихо. Он встал, хотя ноги подкашивались, пытаясь перевести

дыхание и унять гулкое биение сердца. Воздух был так запорошен снежной крошкой, что трудно было дышать, и Дэйвис подумал, что человеку со слабыми легкими или страдающему от насморка тут хватило бы нескольких секунд, чтобы задохнуться.

Он вытер залепленное снегом лицо, прищурил глаза и попытался хоть что-то разглядеть через капли воды на ресницах. Его взору предстало плотное облако снега, клубящееся в воздушных потоках на дне ущелья, ниже его на пару сотен футов из-за этого облака ничего толком нельзя было разглядеть.

Вытерев лицо еще раз, он побрел вперед, цепляясь за деревья и кусты, чтобы удержаться на ногах, скользя, обдирая ноги о нагромождения камней и обломки стволов и как-то умудряясь не падать. Дышать стало легче, по мере того как оседала снежная крошка, но сердце в груди все еще бешено колотилось. Ему припомнился сон, увиденный всего лишь два часа назад, в котором он оказался узником в ледяном доме и Ли пришла освободить его, растопив стены, и как она затем была уведена прочь, предположительно солдатом Альянса, у которого не было лица...

Если она погибла в лавине, то это произошло по вине Альянса, как и в том случае, если бы одетый в голубую форму с медными пуговицами офицер настиг ее, забрал и застрелил...

Нет, нет, он должен посмотреть правде в глаза и признать, что и на нем лежит доля вины. Он мог бы привязать ее к дереву и привязаться сам, чтобы защититься против возможного схода лавины. Никогда еще прежде в его жизни не было человеческого существа, за которое он нес бы ответственность. Раньше таким существом был он сам, один во всем мире, и все раны, нанесенные ему, и шрамы, оставшиеся от них, были следствием его гордыни и садистским желанием не дать уязвить свое самолюбие. Теперь же, как он постоянно себе напоминал, его «я» сменилось на «мы», начиная с того дня в храме, когда они блуждали в коридорах и закоулках Лика Бога, и невозможность жить прежней жизнью предстала перед ним с полной ясностью, и понимание этого усиливалось день ото дня со страшной быстротой. Но если одна половинка его «мы» была достаточно крепкой и даже по-животному грубой, чтобы суметь постоять за себя, то

другая — хрупкой, светлой и нуждалась в помощи, когда на них ополчились все силы расизма и произвола.

Он проклял вновь свою мать и в меньшей степени, но все же со злобой — отца. Если бы они были более разумными людьми с открытыми сердцами, а не эгоистами, кусающими друг друга исподтишка, то, возможно, он усвоил бы эту концепцию «мы» тогда, когда следовало, еще в раннем детстве. Но с самых первых дней, когда он видел, как один из родителей принимает его сторону только для того, чтобы очернить другого, который ему не потворствует, он понял, что против них выступает он сам, Стэффер, как и то, что он полностью одинок. Из-за них и из-за того опоздания, с которым он пришел к открытию для себя любви и всей той ответственности, что она влечет за собой, весьма возможно, он и допустил ошибку в своих суждениях, которая стоила ему утраты другой половины теперешнего своего «мы». И это произошло слишком быстро, еще до того, как ему удалось использовать возможности своей новой углубленной сущности и изменившегося бытия, которые ему предоставила крылатая димосианская девушка...

— Ли! — выкрикнул он, когда добрался до края снежной стены.

Молчание. Если не считать похожего на вздох дуновения ветра.

— Ли!

— Здесь! — откликнулась она как бы нехотя, откуда-то правее футов на тридцать и выше по склону футов на сорок. Ее вынесло к корням огромного дерева с черной корой, где она и удержалась, и благодаря этому ей удалось избежать удушья во время стремительного спуска лавины на дно ущелья. Она барахталась, пытаясь выбраться из навалившегося на нее снега, но без особого успеха.

Дэйвис бегом ринулся к ней, упал, ударившись лбом о выступавший из-под снега камень, и с трудом поднялся, чувствуя, как кружится голова. Когда он добрался до Ли, она уже была почти на ногах, и он за считанные секунды освободил девушку из снежной западни. Дэйвис притянул ее к себе и чуть не задушил в мощных объятиях, несмотря на жесткое меховое пальто, которое сидело на ней как колокол. Он хотел так много сказать, но нужные слова, как назло, не находились. Одни эмоции, обрывки счастливых мыслей, бессвязные и

безотчетные. Так и не найдя нужных фраз, он просто поцеловал девушку и отступил, чтобы хорошенько рассмотреть ее.

— Все цело?

— Обошлось без переломов. Хотя думаю, что завтра все будет болеть.

— Боль можно перетерпеть. Не знаю, что бы мы делали, окажись у тебя сломана нога или что-нибудь еще. Быстродействующая аптечка здесь уже не поможет.

Она повернулась и взглянула на гребень горы:

— Здорово нас оттащило, зато теперь путь свободен.

— И если кто-нибудь нас преследует, им придется побегать. Пойдем, лучше не терять времени.

— А чемодан, — запротестовала она, — в нем же пластик и одеяло.

Он посмотрел на тонны снега, засыпавшие дно ущелья.

— Нам никогда его не найти, даже если будем искать целыми днями. Придется довольствоваться тем, что есть в рюкзаках.

— Нет, он не внизу, — возразила она, — я не выпускала его из рук, пока не врезалась в дерево. Чемодан должен быть где-то здесь, в этих сугробах.

Дэйвис поднял глаза на то место, где они стояли тогда, когда их настигла лавина.

— Так ты держала этот тяжеленный чемодан все время, пока тебя несло вниз?

— Я же знала, что если мы его потеряем, то ночью останемся без тепла, когда будем спать, а это означает конец обоим. Так ведь? — Она выглядела такой серьезной и вместе с тем такой наивной, что он не мог удержаться от смеха. — Что здесь смешного? — недоуменно спросила она.

— Не здесь, а ты сама. У меня на плечах были рюкзаки, но мне и в голову бы не пришло пытаться их удержать, если бы их сорвало, когда я летел по склону вверх тормашками. У тебя же хватило силы воли на то, чтобы вцепиться в этот проклятый чемодан мертвой хваткой и тащить его за собой. Леди, напомните мне при случае об этом, когда я полезу на тебя с кулаками, — в схватке с такой, как ты, мне ничего не светит!

Чемодан оказался почти на самом верху под снегом, и они нашли его через несколько минут. На нем была вмятина от удара о дерево, но в целом он почти не пострадал. Когда Дэйвис взял его, чтобы затащить наверх, Ли стала настаивать на

том, чтобы нести чемодан самой. Он попытался было спорить, но убедился, что это бесполезно, и наконец сдался.

— Ну а теперь, будь он проклят, может, все-таки пойдем? — недовольно спросил Дэйвис, беря ее под руку и помогая подниматься по склону к вершине горы, путь к которой наконец-то был свободен.

Протей следовал за ними, булькая пластилазмой, и его окуляры, закрытые защитными экранами, закатывались вверх и вниз и вращались во все стороны, словно ожидая, что на них вновь обрушится лавина или что-то в этом роде.

Но произошло гораздо более худшее.

— Что это за штуки? — спросила Ли, когда они выбрались на ровное место и стали пересекать похожую на крышку стола небольшую площадку, которую представляла собой вершина горы.

Параллельно их пути, справа, следовали три голубые сферы, каждая размером с летательный аппарат для одного человека, выкрашенные светлой, поглощающей лучи краской и поэтому не блестевшие на солнце и не светившиеся слабым отраженным светом. Пока Дэйвис смотрел на них, штуковины описали дугу в воздухе и измени-

ли курс, направляясь в сторону его и Ли. Внутри этих летательных аппаратов не было людей — это он знал, — но для них ситуация не стала менее опасной.

— Роботы-сыщики, — пояснил он, с восхищением наблюдая за приближающимися голубыми, похожими на яйца предметами. — Их, должно быть, доставили сюда и запустили на рассвете. Вот уж не думал, что здесь, на периферии Галактики, у них найдутся такие штуковины. Скорее всего, их запустили с трех сторон. Они искали нас всю ночь, сближаясь по мере того, как собранные ими данные обрабатывались, корректировались и сообщались постам Альянса. Внутри их оболочек размещена уменьшенная до микроминиатюрных размеров самая совершенная аппаратура для слежки и обнаружения, имеющаяся в распоряжении Альянса. От подобной штуковины, даже одной, ускользнуть невозможно, а здесь их целых три.

— Как они убивают? — мрачно спросила Ли, вглядываясь своими большими овальными глазами в три приближившихся глобуса.

— Они не убивают. Но пусть тебе легче от этого не становится. Для нас они не ме-

нее опасны, чем несущие смерть иные устройства. Со своими тепловыми сенсорами, аппаратурой визуального наблюдения, инфракрасными сканерами, самонастраивающимися поисковыми голографическими устройствами, передающими изображение постам контроля, и полным банком данных, где зафиксирован каждый шаг, сделанный мной и тобой, там просто нет места, чтобы установить еще и оружие, ведь его нельзя довести до микроминиатюрных размеров. Но они уже наверняка сообщили о нас постам Альянса и передали точные координаты. С минуты на минуту можно ожидать выброски десанта полиции, если, конечно, позволит погода.

Сыщики замедлили полет.

Снег продолжал идти.

— Что же нам теперь делать? — спросила Ли. — Ждать, пока нас схватят?

Глава 8

Он понимал, стоя на вершине горы, пока ветер плотно прижимал полы тяжелого пальто к ногам, — его плечи тяжко ныли от рюкзаков, а нервы все еще не успокои-

лись после чуть было не случившейся с ними трагедии на горном склоне во время схода снежной лавины, — что ничего другого не остается, как дожидаться неизбежного конца, наблюдая за приближавшимися сыщиками, и вести себя так, как от них и ожидают, короче говоря, не рыпаться. Но Дэйвис напомнил себе, что подобные мысли — эгоизм с его стороны, так как он думает только о себе, и что его новая концепция «мы» не допускает скидку на то, что у него смертельно ломит все кости и ему хочется на все махнуть рукой, следуя прежней изжившей себя концепции «я». С учетом того, сколько им еще осталось пройти до горы Зуб, их шансы на то, чтобы выжить, были весьма скучными. Хотя насколько более легким и менее мучительным казалось погибнуть под ружьями солдат Альянса, чем сгинуть от пронизывающих ветров и холодов димосианской зимы.

Он отдавал себе отчет, что это подсознательное желание умереть укоренилось в нем еще с тех далеких дней и мрачных часов, проведенных в далеком детстве, когда он, встретив непонимание и отпор со стороны родителей, обратился к книгам, что-

бы найти в них утешение, которое не могли дать ему окружающие. Он читал книги с рассказами о сверхъестественном: о демонах и дьяволах, ангелах и духах. В те дни ему казалось, что умереть намного лучше, чем жить, чтобы оказаться в пределах потустороннего мира, где обитают загадочные существа и происходят таинственные превращения, где нет эмоциональных стрессов, от которых сосет под ложечкой, нет склок и борьбы за существование, от которых бросает в дрожь, как старика от лихорадки.

Но он больше не был ребенком.

Нет и не могло быть утешения в этом мире вражды и произвола. Если он сможет сохранить жизнь себе и ей достаточно долго, чтобы успеть вкусить радость бытия и укрепить возникшую между ними связь, то, возможно, со временем научится и без малейших колебаний вступать в борьбу с любым противником, вместо того чтобы видеть в смерти самый легкий выход из трудного положения.

— Пушку вперед! — скомандовал он Протею. — Огонь по первому из шаров!

Реактивный снаряд ударили в среднего сыщика, разнесся сложную машину — шедевр

инженерной мысли — вдребезги. Отныне Дэйвис добавил к списку своих преступлений еще одно: преднамеренное уничтожение собственности, принадлежащей Альянсу. Он прикинул, сколько лет тюремного заключения полагается за такое, и ощутил в себе душевный подъем, какого не испытывал с тех пор, как еще подростком тайком нарушал то или иное правило, установленное для него отцом либо матерью.

Два других робота-ищейки отвернули в сторону, чтобы избежать той же участи, но Дэйвис крикнул Протею, чтобы тот взял на мушку сыщика, который был справа, и сразу же открывал огонь, как только мишень окажется под прицелом. Он был весьма обрадован, когда всплеск зеленовато-голубого огня настиг цель — и в воздух фонтаном взлетели напичканные электроникой потроха соглядатая.

Дэйвис обернулся, чтобы взглянуть на третье и последнее устройство, но оно успело-таки скрыться с глаз.

— Проклятие! — вырвалось у него.

— Сыщик исчез вон за теми деревьями, что впереди, — подсказала Ли.

— Ладно, пошли! Он все равно должен следовать за нами. Может быть, заставив

его двигаться, мы сможем засечь эту штуковину чуть позже.

Они направились к деревьям, двигаясь со всей быстротой, которую допускали погода и рельеф. Протей скользил по воздуху впереди, внимательно просматривая все места, по которым им предстояло пройти. Теперь, когда сыщики были идентифицированы Дэйвисом как враги, робот-охранник будет постоянно настороже, пока не уничтожит последнее устройство. Он так и не втянул в свой блестящий корпус пушку, стреляющую реактивными снарядами, и водил ею, пока прочесывал местность с помощью всех своих сенсоров. Казалось гораздо более вероятным, что им удастся скорее обнаружить робота-сыщика, чем тому определить их местонахождение и передать постам координаты с учетом того, что система их поиска Альянсом потерпела существенный урон, плюс к тому же передача данных с единственного уцелевшего робота была затруднена для последнего опасностью приблизиться к объекту поиска. По счастью для них, те же самые приборы, которые использовал сырщик для выслеживания, применялись и Протеем для обнаружения устройства-ищейки.

Они углубились в рощу, следя по тропе между гладкими стволами деревьев, проложенной стадом горных оленей, прошедших здесь незадолго перед ними и обеспечивших им гораздо более легкий путь, нежели по глубокому снегу, в котором они барахтались последние несколько часов.

— У них остался теперь только один, не так ли? — спросила Ли, следовавшая по пятам за Дэйвисом и слегка сгибающаяся под тяжестью чемодана.

— Ты о чём? — переспросил он не оглядываясь, сейчас даже смотреть назад не было времени.

— Об ищайке. У них ведь остался только один, чтобы следить за нами?

— Это так.

— Но ты говорил, что и одного вполне достаточно. Тогда не имеет значения, как быстро мы идем и как далеко окажемся до того, как они выбросят на гору полицейских, раз им все равно известно, где мы находимся.

— Протей найдет оставшегося сыщика и уничтожит его.

— Но прежде чем ему это удастся, почему бы нам не свернуть по одной из тропинок, что пересекают нашу? Тогда, если мы

двинемся в ложном направлении и пройдем несколько тысяч футов, прежде чем Протей сможет уничтожить сыщика, они окажутся не там, где нужно, получив последние данные от робота-ищейки. А как только с сыщиком будет покончено, мы вернемся по своим следам обратно, выйдем снова на эту тропу и пойдем туда, куда нам надо.

Дэйвис остановился так резко, что она почти наткнулась на его спину, и когда повернулся, ее лицо чуть ли не оказалось приплюснутым к его груди. Он поцеловал девушку в нос и сказал:

— Как так вышло, что ты оказалась сообразительнее меня?

— Вовсе нет.

— Ты доказала это уже дважды.

— Просто ты еще никогда не был на войне. Поэтому и не понимаешь некоторые вещи так, как я. Погоди, ты и сам научишься. — У нее это прозвучало с такой непосредственностью, что он не мог снова не засмеяться, хотя ситуация была далеко не из веселых.

— Вон там впереди как раз какой-то след пересекает нашу тропу, — показал он, кончив смеяться. — Куда двинем — налево или направо?

— Какая разница? Пожалуй, направо, раз мы слегка отклонились влево, когда начали спускаться по склону горы.

— Ну что ж, пошли! — согласился он, пройдя немного вперед, чтобы свернуть направо и пойти по ложному следу. Ему оставалось только надеяться, что Протей сможет обнаружить сыщика и уничтожить того во время, чтобы им успеть вернуться обратно на тропу и пройти по ней в нужном направлении достаточно далеко, прежде чем пожалуют ребята в голубых мундирах.

Протей монотонно булькал пласти-плазмой.

Пока они шли, время, казалось, тянулось бесконечно долго, хотя он и знал, что на самом деле прошло не более трех или четырех минут с тех пор, как они свернули. Но каждый лишний шаг в сторону от намеченного маршрута представлялся им шагом в трясину, из которой нет возврата, — своего рода зыбучими песками, которые скрываются под обманчивой пленкой солоноватой воды. На миг им овладела фантазия, что сыщик разгадал их замысел и до прибытия солдат не тронется с места и не даст себя обнаружить. Конечно, это был форменный бред, так как сыщик не мог мыслить даже так

примитивно, как Протей. Просто сферическая оболочка, битком набитая внутри аппаратурой, — и ничего больше! Игровой автомат, только с огромными возможностями, но до человека ему далеко.

И все же сыщик мог и не показаться. По крайней мере так, чтобы дать себя застечь визуально. Дэйвису хотелось хоть как-то быть в курсе того, обнаружил ли Протей робота-ищейку или нет и занимается ли его поисками. Он вспомнил, как часто размышлял над тем, как просто быть машиной, с ее видением окружающего только в черно-белых тонах без малейших оттенков серого, и использовать эти тона в качестве мерок для добра и зла — безо всяких нюансов. Сейчас он обнаружил в машинах и другие, присущие только им свойства. Они не ведали ни страха, ни тревоги. И не испытывали никакой беспокойства, а следовательно, и осознанной необходимости. Как ему хотелось заставить Протея проникнуться всей важностью этих быстротечных секунд, которые для них так много значили.

Пушка выплюнула реактивный снаряд с гулким кашлем, и Протей вдребезги разнес что-то прямо по курсу между деревьями.

Раздался взрыв, вспышка, взметнулось облако дыма — и все стихло.

— Он достал его! — воскликнула Ли.

— Давай посмотрим, прежде чем праздновать победу, — охладил он восторг девушки, ринувшись вперед, к тому месту, где разорвался снаряд. Там, поблескивая на снегу, который быстро таял, образуя черные дыры, были разбросаны останки голубого корпуса сыщика. Ли уронила чемодан на снег и захлопала себя руками по облаченным в толстое одеяние бедрам, смеясь также вволю, как те другие димосианские девушки, которых он видел, когда те играли в мифических демонов леса, летая в воздухе позади Заповедника. Он был поражен тем, как они могут совмещать радость и юмор с серьезными вещами, и их способностью не упустить из виду главного, как бы далеко оно ни было скрыто под грудой второстепенного и зачастую бросающегося в глаза барахла.

— А теперь — быстро назад! — настоятельно потребовал он, поворачиваясь и устремляясь мимо нее обратно к прежней тропе. — Они будут здесь через считанные минуты, если представится хоть малейший шанс поднять в воздух геликоптер в такой ветер.

Они преодолели первые две трети пути чуть ли не бегом. Вернувшись на тропу, Дэйвис настоял на том, чтобы забрать у нее чемодан хотя бы на короткое время — сейчас это было самое разумное, — так как он мог бежать с ним быстрее, а без чемодана девушка вполне могла поспевать за ним. На этот раз она не спорила, понимая, какую роль для них теперь играет быстрота передвижения. Ли не зря говорила, что была хорошим солдатом. Если для пользы дела было бы лучше, чтобы чемодан тащила она, то ему пришлось бы выслушать ее категорический отказ, но раз он был прав, то Ли не мешкая подчинилась.

Время шло слишком быстро, чтобы тратить его попусту.

Вокруг не раздавалось никаких иных звуков, кроме шума ветра, шелеста веток над их головами и хруста снега под ногами.

Дэйвис оценивал время, оставшееся до прибытия отрядов, самое большее минут в пять, а то и меньше. Он пытался считать секунды, пока они бежали, но так часто сбивался со счету, что бросил это занятие и сосредоточился на том, чтобы каждую минуту увеличивать скорость бега хотя бы на несколько футов.

Со стороны могло показаться, что они единственные живые существа в этом мире, две движущиеся фигурки на фоне ландшафта, лишенного смысла и содержания. Все другие предметы были неодушевленными: холод, снег, небо, земля, обнаженные деревья, странный, загадочный ветер.

Планета-кладбище, мир мертвых, а они — жалкие создания, мечущиеся по его закоулкам и коридорам в попытках найти выход обратно к живым.

И суетиться с такой быстротой их заставляло четкое осознание того, что они могут очень скоро из жалких, но живых созданий превратиться в пару новых трупов — единственных обитателей этой планеты-кладбища.

И вот с быстротой пробуждения лунатика, наступившего на гвоздь, окружающий мир проснулся от спячки, взорвав тишину громкими звуками. Небо наполнилось гулом вращающихся лопастей винтов вертолета, находящегося на высоте, недоступной для гравитационных тарелок Протея. Гул, с которым он барражировал, напоминал стрельбу из пулеметов — оружия давно минувших дней человеческой истории. Леса не замедлили откликнуться эхом и отрази-

ли гул моторов обратно в небо, точнее, в низко нависшее облако.

— Поспешим, — кратко сказал Дэйвис, когда они достигли края небольшого плато и начали спуск по обманчивому склону к похожей на чашу долине, по которой им предстояло следовать в ближайшие четыре или пять часов, если Ли, конечно, правильно определила маршрут на гору Зуб.

— Отдай мне чемодан! — потребовала она.

— Даже и не мечтай!

— Ты не сможешь удержаться с двумя рюкзаками и чемоданом на такой крутизне. Тебе это ясно не меньше, чем мне. Кончай спорить и отдай мне чемодан побыстрей!

Он опустил чемодан на снег, даже не останавливаясь, просто на момент замедлив ход, чтобы дать девушке время подхватить его. Дэйвис пробирался от дерева к дереву, спускаясь туда, где за кромкой леса блестела под снежным покровом открытая глазу низина, поглядывая при этом на клочки неба, видимые в просветах ветвей, гораздо чаще, чем себе под ноги.

Ли по пятам следовала за ним.

Когда они уже наполовину спустились, полицейский вертолет сверху стремительно

нырнул вниз, но не на них, а к тому месту, где беглецов в последний раз засек сыщик. На его брюхе красовалась буква «А» — знак Альянса в окружении зеленых миров — официальная правительственные символика. Затем геликоптер скрылся из глаз и хриплый рев моторов стал затихать по мере удаления от них — тех самых беглецов, на которых и шла охота.

— Сколько пройдет времени, пока они разберутся, что их надули? — поинтересовалась Ли, когда они спустились в долину.

— Не очень много.

— Я тоже так думаю.

— Ну, — выдохнул он, — наконец-то мы на ровном месте. Можно опять выиграть время, так как идти теперь будет намного легче.

— Но если они обнаружат, что мы направились к долине, и решат, что мы все еще здесь, то для них не составит труда обложить нас со всех сторон, а затем начать прочесывать местность.

Он прислонился к выступающему куску гранита, похожего на небольшую башню и покрытого льдом, положил в рот немного снега и подождал, пока тот растает, чтобы утолить жажду.

— Да, это верно. Но ведь другого маршрута у нас нет, не так ли?

— Пожалуй, он единственный, которого мы должны придерживаться.

— Можно похоронить эту идею — найти крепость.

— И куда тогда идти?

Он только пожал плечами.

— Можешь взять чемодан на время, — сказала она. — Мы сейчас на ровном месте, и тебя это особенно не затруднит. А у меня все руки ломит.

Он без комментариев взял чемодан и вновь быстро зашагал вперед. Через несколько часов они, быть может, увидят на другом конце долины проход, по которому придется пробраться, чтобы в конце концов достичь горы Зуб и крепости — если только таковая там есть. Если Альянс проявил беспечность до такой степени, что вместе с полицейскими не отправил еще несколько сыщиков, то тогда он и Ли, возможно, одолеют этот проход и даже доберутся до самой горы. Если же власти, напротив, пойдут на все, чтобы перекрыть все ходы и выходы, то им остается только погибнуть...

Путь пересек горный поток шириной футов семь, покрытый тонкой коркой льда.

Почти не вызывало сомнений, что этот ручей струится по центру долины от одного ее конца до другого и, следовательно, должен указать им наикратчайший путь к проходу. Дэйвис отправился вдоль ручья с почти религиозным чувством, придерживаясь русла, за исключением одного участка, где вода круто устремлялась вниз среди небольших утесов, густо заросших колючим кустарником — его шипы давали себя знать даже теперь, когда зима наложила на них свою лапу.

Они уже наполовину преодолели спуск вдоль этого отвесного водопада, откуда им оставалось не больше часа ходьбы до прохода, когда Ли схватила его за руку и потянула, чтобы заставить остановиться. Когда Дэйвис обернулся, она поднесла палец к губам и шепнула:

— Послушай!

Сначала все, что он мог расслышать, — это только шум воздуха, со свистом вырывающегося из его легких во время дыхания, и стук крови в висках. Но затем эти звуки перекрыл гул сверху — от лопастей винтов вертолета. Он задрал голову, выискивая в небе источник этого шума, затем услышал его вновь, на этот раз ближе. Гул стремительно нарастал...

— Быстрее! — выдохнул он, подхватывая Ли и увлекая ее за собой обратно, прочь от голых берегов ручья к деревьям и кустарнику.

— Чемодан! — воскликнула она.

Дэйвис бросил чертов кофр там, где девушка остановила их, и совсем позабыл захватить его с собой в укрытие. Эта часть багажа осталась на открытом берегу и казалась гораздо больше, чем была на самом деле, — ни дать ни взять монумент его глупости.

Он с беспокойством взглянул на серое небо, на падающий снег и на тот трудный участок пути вдоль застывшего водопада, который предстояло преодолеть вновь. Самого вертолета пока еще не было видно, хотя гул от лопастей и рев моторов стали еще слышнее. Он вскочил, сделал шаг в сторону чемодана и тут увидел, как из-за верхушки деревьев показался вертолет на расстоянии каких-то пятисот ярдов от них.

Дэйвис упал, с хрустом ломая кустарник, с отчаянием пытаясь укрыться под его ветками. Он чувствовал, как колючки вонзаются ему в щеки и сквозь перчатки жалят руки. Лицо стало липким и теплым, и он понял, что это кровь. Но теперь это не

так его встревожило, как могло бы обеспокоить еще не так давно, до встречи с Ли. Сейчас он меньше всего думал о презентабельном имидже, который поддерживал в глазах своих почитателей — поклонников его исторических романов. Все его помыслы были устремлены лишь на то, чтобы выиграть эту жестокую схватку не на жизнь, а на смерть. И не столько ради себя, сколько, главным образом, ради нее. Его инстинкт на выживание неплохо срабатывал в интеллектуальном плане, когда речь шла о том, чтобы спасти рассудок от помешательства во время схваток с родителями еще тогда, когда Дэйвис был ребенком. Но ныне, в этот день, тот же самый инстинкт проявил себя и в чисто физическом аспекте, и он даже обрадовался, испытав чувство гордости за себя, когда вертолет Альянса проплыл над самой головой, так и не заметив ни его, ни чемодан.

— Ты в порядке? — забеспокоилась Ли.

Дэйвис встал на колени, вытащил колючку из губы, вытер лицо и посмотрел на выпачканную кровью руку.

— Могло быть и хуже! Просто повезло, что колючка не попала в глаз.

— Что они делают?

Он взглянул в сторону прохода и увидел, что вертолет Альянса занимает позицию над тропой у подножия гор. Точно над тем местом, где он завис, лента ручья круто уходила вниз по серым скалам.

— Они знают, что мы в долине, — ответил он. — Дожидаются, когда высунем нос наружу.

— А сами силами полицейских начнут ее прочесывать с другого конца.

Он оглянулся на путь, которым они пришли сюда, прислушался. Ему показалось, что различил гул второго вертолета выше по ручью.

— Давай, пошли!

— Куда?

— Через проход. Возможно, нам удастся найти способ ускользнуть незамеченными от вертолета.

— Но они могут выставить посты и на этом конце долины, разве не так?

— Вполне возможно. Но мы не можем просто сидеть здесь и ждать. И легче идти вперед, чем проделать обратный путь и попытаться проскользнуть сквозь шеренги поисковых групп. У них наверняка с собой приборы для слежки и сенсоры для улавливания теплового излучения, возможно и не

столь совершенные, как на сыщиках, но вполне пригодные для того, чтобы не дать нам проскользнуть незамеченными.

— Я пока схожу за чемоданом, — обронила Ли, протискиваясь мимо Дэйвиса через кусты и начиная спускаться, цепляясь за молодую поросль.

— А может, оставим его там?

— И позволим им найти его, чтобы сделать вывод, что мы в панике и где-то здесь поблизости?

— Им, должно быть, и так об этом уже известно.

— Как и то, что мы еще не покинули долину?

— Да, похоже, и на этот счет у них нет сомнений.

Вскоре она поднялась с чемоданом.

— В любом случае я его понесу, — заявила она. — Давай сойдем с тропы.

Он так и сделал и пустился дальше в путь, стараясь держаться под прикрытием деревьев, хотя и пытался приблизительно придерживаться направления вдоль ручья, чтобы избежать опасности заблудиться. Им повезло хотя бы в том, что, удалившись от места, где ручей обрывался вниз, удалось найти более пригодное место для спуска.

Дэйвис, следя за всем впереди, продолжал делать все возможное, чтобы их не заметили с вертолета, танцующего в воздухе возле конца долины, хотя время от времени они сами видели его, когда поневоле приходилось пересекать открытые участки, испытывая болезненное чувство своей незащищенности при одной мысли о том, что на чистом, свежевыпавшем снегу они видны как на ладони.

Небо начало медленно тускнеть, когда они добрались почти до самого конца долины. Последние полчаса местность начала повышаться, и чем дальше, тем круче, и их настроение также стало подниматься. Беглецов никто не преследовал, и если не считать самого ручья и его берегов, повсюду густо росли деревья, давая возможность укрыться при необходимости от преследователей или проскользнуть через их цепь. За тысячу футов от края долины, испытывая чувство временного облегчения от сознания того, что пока люди Альянса не висят у них на хвосте, Дэйвис объявил привал, чтобы набраться сил перед решающим броском и заодно разведать, так ли все просто на самом деле, как им кажется.

Увы и ах!

Покинув Ли, он преодолел едва ли треть пути, пробираясь вверх по склону перебежками от дерева к дереву, когда заметил дозорных, выставленных от края долины на расстоянии дюжины футов. Они сидели на корточках, чтобы их силуэты не слишком выделялись на фоне неба, и у каждого на коленях было ружье. Взоры их были устремлены вниз, и он понял, что, если бы в долине не было чуть темнее, чем на гребне горы, они бы заметили его без всякого труда. Дозорные располагались не далее пяти футов друг от друга. Если эти интервалы выдерживались по всей ширине прохода, тогда шеренга часовых должна была состоять из ста пятидесяти человек... Создавалось впечатление, будто вся гора усеяна солдатами Альянса. А это означало, что в операции были задействованы и другие вертолеты для доставки такого количества людей. Дэйвиса позабавило, что беглецов сочли столь важными персонами, что не поскупились на расходы для организации такой широкомасштабной операции. Но он тут же охладил свой пыл, прекрасно понимая, что тоталитарное правительство не будет считаться ни с чем, чтобы наказать любого и каждого, кто осмеливается нару-

шать их доктрины, так как если кто-то сумеет избежать его кары, то это может оказаться искрой, от которой вспыхнет пламя всеобщего мятежа.

Осторожно, стараясь не делать ни малейшего шума, чтобы не привлечь внимания дозорных и не выдать себя ни единым движением, он прокладывал себе путь обратно, сквозь кусты и через снег, прямо к Ли. Пока он крался, то заметил, что вновь поднимается ветер, хотя снег и перестал падать.

— Ну? — спросила она, когда Дэйвис вернулся.

— Нам не пробраться!

— И у меня плохие новости, — сообщила Ли.

— Что еще?

— Видишь вон ту прогалину в долине ниже на полмили?

Он кивнул.

— Секунду назад ее пересекла поисковая цепь, с интервалами между солдатами всего в несколько футов. Возможно, за ними следуют и другие. Каждый второй снабжен сенсором — улавливателем теплового излучения короткого радиуса действия — и водит им перед собой на манер миноискателя.

Он глянул на уже опустевшую прогалину, едва различимую в гаснущем свете дня.

— Они будут здесь через полчаса.

— Меньше. У них хороший ход.

Глава 9

Закончив выкапывать удобную пещерку в сугробе, Дэйвис сказал:

— Подай мне одеяло. — И когда Ли передала ему полотнище, он уложил его на заднюю стену из снега, оглядел свою работу еще раз и заметил, улыбаясь: — Все готово и выглядит так, словно нас здесь и не было. Через несколько минут ветер заметет все следы нашей работы.

— Протей, — напомнила она.

Дэйвис повернулся к находящемуся поблизости роботу-охраннику, преодолевая в себе неохоту пойти на последний шаг. Он уже так привык полагаться на своего кибер-телохранителя, что сейчас испытывал почти суеверный страх — своего рода нарушение табу — перед тем, как отключить его и лишиться, хотя бы временно, опеки робота. Но когда Дэйвис взглянул на склон и увидел огни солдат, которые в поисках

его и Ли прочесывали кустарник, — фонари они включили совсем недавно, не прошло еще и пяти минут, — он поспешил выбраться из пещерки, нашупал и нажал на штифт, открывающий панель, за которой находились кнопки и рычаги управления роботом, и быстро отключил одну за другой все системы функционирования, сделав Протея почти полностью неактивным, за исключением гравитационных тарелок, которые, прежде чем отключиться, мягко опустили робота на снег, чтобы не повредить его сферический корпус. Ни один из многочисленных сенсоров робота больше не мигал — впервые за последние три года Протей «заснул».

Дэйвис с трудом приподнял робота, втащил его через узкий лаз внутрь снежной пещеры и приткнул в дальнем конце небольшого убежища. Затем в лаз юркнула Ли и скрылась из виду, а он, выбравшись наружу, уничтожил все следы, бросив последний взгляд на приближающуюся медленно, но неотвратимо неровную линию огней. Забравшись внутрь, он лихорадочно принялся за работу, маскируя вход в пещерку, используя для этого специально заготовленную груду снега возле лаза. Дэйвис

знал, что завал сделан вспыхах и должен выделяться на гладкой поверхности остального сугроба, но ему не оставалось ничего другого, кроме как положиться на все усиливающийся ветер и поземку, которые должны были окончательно скрыть вход в лаз и замести все их следы.

Внутри похожего на эскимосское иглу сооружения воздух был относительно теплым, так как ветер сюда не проникал и то небольшое количество тепла, которое выделяли их тела, никуда не исчезало и сохранялось на небольшом пространстве под толщей снега в выкопанной им пещерке. Снег оказался таким хорошим изолятором, что он даже подумал, почему это не пришло ему в голову в ту, первую ночь — просто укрыться в сугробе, чем огородить, сооружая шаткий и ненадежный навес из пластика. Дэйвис пришел к выводу, что инстинкт выживания в нем еще не ожил в полную силу и продолжает давать осечки.

Они сидели тихо, плечом к плечу, не шевелясь и затаив дыхание; Протей лежал у их ног.

Им было слышно, как шумит ветер.
И больше никаких звуков.

Дэйвису казалось, что они похожи на мышей, притаившихся во мраке и ожидающих, когда же уйдут коты и оставят их в покое, чтобы дать возможность вернуться к нормальной для мышей жизни. И как и мыши в своей норке за стенкой, он вместе с надеждой испытывал и страх. Со всех сторон, кроме одной, их скрывал снег толщиной по меньшей мере в два, а то и в три фута. Такой покров или же не даст теплу, выделяемому их телами, просочиться наружу, или же, если это произойдет, остудит его до температуры окружающего воздуха. С одной же стороны, задней, снега не было вообще — стеной служило основание скалы, которое тем более должно было предотвратить попадание теплого излучения на датчики теплоискателей, которыми пользовались поисковые группы.

Если все пройдет согласно их замыслу, преследователи должны миновать их справа и наткнуться на дозорных, выставленных на гребне долины. Тогда им поневоле придется сделать вывод, что беглецы каким-то образом попали в проход из долины — то ли до того, как было выставлено оцепление, то ли же сразу в первые минуты, когда дозорные еще не успели как сле-

дует привыкнуть к местности и внимание солдат было несколько рассеянным. Начнут искать оправдания, полетят чьи-то головы, но они с Ли по крайней мере останутся целыми и невредимыми.

Он так надеялся.

— Если они пройдут и... — начала было девушка.

Дэйвис цыкнул — и она замолкла.

Снаружи послышался слабый шум шагов, тяжелое дыхание, неразборчивые команды, отдаваемые по цепи, — все это донеслось до них как слабое эхо, приглушенное снежными стенами и сводом их пещерки.

Дэйвис совсем притих и не решался даже пошевельнуться, словно малейшее движение могло заставить сугроб рассыпаться, и снежный свод над их головами рухнет под напором ветра, а они окажутся у всех на виду, беспомощные и беззащитные.

Голоса и звуки шагов заглохли, не было уже слышно и прерывистого дыхания...

Вместо всего этого теперь до них доносился лишь гул ветра.

— Думаю, у нас получилось, — прошептала она.

— Давай обождем, — ответил он.

Время тянулось так медленно, что он готов был закричать, лишь бы заставить минуты идти быстрее. Дэйвису припомнилось, как невероятно быстро шло время, когда он выкапывал пещерку в сугробе. Да, время подчас ведет себя как человек, не испытавший бед на своем веку и поэтому безучастный к страданиям остальных.

Затем вновь послышались звуки шагов.

Они были более медленными, более целенаправленными и сопровождались командами офицеров — искать между деревьев и по сторонам. Через каждые несколько шагов раздавался приказ остановиться, из-за чего Дэйвис сделал вывод, что каждый камень и каждый снежный ком подвергаются тщательному осмотру. Он беспокоился, достаточно ли тщательно ветер проделал свою часть работы, чтобы лаз в их убежище ускользнул от пристальных глаз ищеек.

Затем шаги замерли где-то совсем рядом — и вновь последовала команда искать.

Ли вцепилась ему в руку и прижалась еще плотнее.

Время шло.

Он размышлял над тем, сколько у него уйдет времени на то, чтобы «оживить» Про-

тая и заставить робота приступить к своим обязанностям, но затем вспомнил, что того нельзя заставить действовать против других людей, даже если они представляют для его хозяина смертельную опасность.

— Вперед! — скомандовал чей-то голос. Цепь сразу пришла в движение, миновала вход в их пещерку и остановилась для следующего осмотра уже ниже по склону. Они были спасены. Приказ вторично прочесать долину заставил усталых солдат еще тщательнее выполнить ту же самую изнурительную работу, которую они только что проделали. И оба раза их снежная нора подвергалась осмотрю и не вызвала ни малейших подозрений.

Он уже собрался было повернуться к Ли и сообщить, что, несмотря на победу, им все равно придется просидеть в этой наспех выкопанной норе в сугробе возле самой вершины горы, так как снаружи слишком холодно, но тут услышал ее легкое посапывание и убедился, что она заснула сразу же, как только цепь миновала их убежище. Он покачал головой и не смог удержаться от смешка, удивляясь тому, какие у девушки крепкие нервы, раз она смогла заснуть в такой момент, даже

если потребность во сне была им обоим крайне необходима.

Он осторожно расправил одеяло с термо-подогревом, укрыл себя и ее, активизировал термоэлементы и приготовился уснуть сидя. Было весьма вероятно, что люди Альянса с рассветом предпримут еще одну попытку прочесать местность при свете дня, прежде чем примирятся с мыслью, что беглецы ускользнули из их лап. Но если вход в лаз ночью еще присыпает снегом, то и утром они его не найдут. Завтра после полудня им уже можно будет выбраться наружу, отдохнуть, поесть и продолжить свое путешествие. Не исключалась опасность, что они могут нарваться на последнюю поисковую цепь, которая сейчас ушла далеко вперед и будет возвращаться, но пока они с Ли будут находиться на территории, уже подвергнувшейся осмотру поисковых групп Альянса, то им почти ничего не грозит. И тогда появится шанс...

Сон настиг его на середине мысли.

Это была ночь почти без снов, пока незадолго до пробуждения его не посетил кошмар — ему приснилось, будто его захватили

преследователи из Альянса, надели оковы и повели обратно, чтобы представить перед полпредом, который пообещал его уничтожить. В городе возле космодрома Дэйвиса отвели в застенок в подвале здания из серого камня — штаб-квартиры администрации — и приковали цепью к стене, где его раз за разом жестоко избивали всякого рода охранники. Затем сам полпред крепко-некрепко привязал его к койке и к Дэйвису применили старинную китайскую пытку водой. Капля за каплей вода капала ему на лоб и стекала по лицу и щекам. Шум от их падения превратился из еле различимого до громового, доводя до сумасшествия. И все это время его неотвязно преследовала мысль о том, насколько эффективна эта древняя и простая пытка в век, когда человек и наука достигли такого развития. Это казалось анахронизмом. Но тем не менее работало. Капля... за... каплей... гулко падала... ему на... голову... голову... голову... Он почувствовал, что теряет рассудок, — и пробудился от собственного крика.

Крик, показавшийся во сне таким громким, на самом деле еле вырвался из его горла и в яви димосианского утра прозвучал как хриплое карканье. Но часть ночно-

го кошмара осталась. Вода продолжала капать Дэйвису на голову. С белого потолка постоянно и со все ускоряющимся ритмом срывались капли и брызгами разбивались на его переносице. На мгновение он не мог сообразить — где он и что значит эта капающая вода. Затем ошметок снега с потолка величиной с ладонь сорвался прямо на лицо; холодная липкая масса сразу же привела его в чувство и полностью пробудила ото сна.

С ноющим чувством под ложечкой он сел так, словно его подбросило пружиной. Подтаявший участок над головой был не единственной угрозой их убежищу. За его плечом образовалась еще одна дыра, которую проделал наружу теплый воздух, и были еще четыре места в снежной стене настолько тонкие, что через них проникал дневной свет, падая на одеяло. Еще немного — и их укрытие перестанет существовать.

Беда казалась неминуемой. Они могли запросто замерзнуть без одеяла с термоангревом, несмотря на тепло их тел, сохраняемое в этой небольшой пещерке. Однако чрезмерно большое количество тепла, выделяемое одеялом, сослужило плохую службу — снег начал подтаивать. Ему бы

следовало додуматься до этого, принять меры предосторожности, например хотя бы проснуться ночью, выпустить избыточное тепло наружу и дать тем самым стенам из снега возможность охладить себя и внутренность пещерки до допустимой температуры. Он был слишком усталым и уступил желанию счастья удачу прошлой ночи за окончательную победу, хотя кому, как не ему, следовало знать, что одержан всего лишь временный успех. Альянс так просто не отступит.

Дэйвис так и сидел, ожидая услышать из уст солдат возгласы удивления при виде их укрытия и крики торжества. Но после того как прошло немало времени, а ничего не было слышно, он закатал рукав пальто, чтобы взглянуть на часы. Было уже за полдень. У солдат наверняка хватило времени, чтобы, начав на рассвете, успеть еще раз прочесать всю долину. Теперь-то они уж точно удалились.

Он щекотал нос Ли до тех пор, пока она не открыла глаза и не уставилась на него, видимо еще не решив спросонья — то ли поцеловать его, то ли устроить взбучку.

— Они ушли, — сообщил он.

Девушка села и зевнула.

- Надолго ли?
- Здесь пессимист только я, понятно?
- Выходит, я от тебя заразилась, — ответила она, слабо улыбнувшись.

Они устроили себе завтрак из витаминной пасты, шоколада и тушеники, запивая все это водой. Хотя такое меню не вполне соответствовало рациону, которым следовало набивать желудки перед тем, как начать нелегкий день, они оба согласились, что никогда пища не казалась им такой вкусной. Покончив с туалетом, сделали небольшую зарядку, чтобы размять усталые ноющие мышцы перед предстоящей им пыткой — вновь идти и карабкаться по горам, — после чего благополучно преодолели последнюю тысячу футов пути к гребню долины, который так зорко охранялся прошлой ночью, а сейчас выглядел таким покинутым и унылым.

Они оглянулись на путь, который прошли, начиная от горы, через которую перевалили вчера днем. Три вертолета кружились над верхушками лиственных деревьев ее склонов, и, судя по той поспешности, с которой они ныряли вниз и поднимались вверх, не вызывало сомнений, что там велся интенсивный поиск и что в операции

были задействованы большие наземные силы. Дэйвис при всем желании не мог бы добиться большего от Альянса. Но вопреки его мрачным ожиданиям удача им улыбнулась и враги остались с носом. Возможно, им даже удастся добраться до горы Зуб.

Они повернулись и стали спускаться по склону по другую сторону гребня вокруг долины, затем вышли из лесу на просеку длиной в триста ярдов, проложенную среди стоящих стеной деревьев. Небо было не сплошь закрыто облаками, и сквозь просветы в тучах на них падали солнечные лучи, согревая при ходьбе лица. Они шли быстрым шагом, хотя и знали, что враг находится далеко позади, но привыкшие к пересеченной местности и горам ноги словно несли их сами, оказавшись на ровной дороге да еще и при свете дня. Насчет того, чтобы не оставлять следов, тоже не приходилось беспокоиться, так как солдаты и вертолеты, которые садились и взлетали здесь не так давно, вытоптали и разнесли на колесах весь выпавший снег, не оставив нетронутым ни одного сугроба.

Пройдя просеку наполовину, Дэйвис заметил что-то странное, хотя и не смог сразу уяснить, в чем же дело. Он осторожно

осмотрел примыкающий лес, который разглядывал, когда его охватило чувство беспокойства, и наконец вновь заметил это в зарослях кустарника: солнечный блик на стекле или металле...

— Забирай влево, — скомандовал он.

Ли не стала тратить время на вопросы, а просто выполнила его приказ.

— Иди так быстро, как только можешь, но только не беги!

И как раз в тот момент, когда они ускорили шаг, с маленького одноместного вертолета — его оставили здесь в дозоре — упала камуфляжная сетка и машина, выпустив шасси, завертелась по просеке и пустилась вдогонку за ними; лопасти винтов со стрекотом вращались, вызывая гулкое эхо на небольшом открытом пространстве, лишенном деревьев.

— Бежим! — выкрикнул он, выхватывая из рук девушки чемодан. Он знал, что пилот немедленно сообщит по радио другим экипажам воздушных подразделений Альянса о том, что беглецы обнаружены, и арена поисков в считанные минуты переместится сюда. Он также предполагал с некоторым ужасом, что хотя Альянс предпочел бы взять их живыми, но, возможно, пилоту этого вертоле-

та отдадут приказ убить их, если окажется, что они доберутся до кромки леса до того, как успеют прибыть другие вертолеты. У тех, кто за ними охотился, не было ни малейшего понятия, как беглецам удалось скрыться от них на территории, которую дважды или трижды прочесывали, используя теплоискатели и другие приборы поиска, и они наверняка не захотят дать преследуемым еще один шанс сыграть с преследователями в кошки-мышки.

— Беги! Беги! — понукал он Ли, которая отстала от него на дюжину шагов.

А до леса казалось так далеко.

Из одноместного вертолета вырвался первый всплеск оружейного огня и взметнулся почву позади них в пятнадцати футах.

Глава 10

— Быстрее! — кричал Дэйвис.

Ли споткнулась и упала.

Вертолет пролетел почти у них над головами: его шасси с лыжами вместо колес промелькнуло над ними на высоте всего около пяти футов. Оглушающий стрекот лопастей винта проник до мозга костей Дэйвиса, за-

ставляя чувствовать себя огромной пушинкой, которую порывом сквозняка закружило вокруг стен.

Он подбежал к девушке, помог подняться, обхватил рукой и чуть ли не волоком потащил к деревьям в поисках спасения, пусть даже короткого, на время, пока не прибудут полевые группы и другие вертолеты.

Одноместная машина описала дугу и повернула обратно, снова направляясь к ним; солнце отражалось на матовом стекле кабины пилота, делая ее похожей по цвету и блеску на ртуть. Летчик, откинувшись на сиденье, взял на изготовку большой пулепет, установил его под нужным углом и дал по ним очередь.

Дэйвиса развернуло на месте, и он кубарем покатился по выпотаптанному снегу, все еще не выпуская Ли, которую прижимал к себе одной рукой. На краткий ужасный миг ему показалось, что он ранен в руку, так как та совсем онемела. Но он тут же заметил, что крови нет... А в следующий момент увидел, что если кто и пострадал, так это чемодан, в который и угодила очередь. Обивка была расположена прямо посередине, и все, что находилось внутри, вывалилось и было раскидано по снегу: полот-

нище из пластика, которое служило им навесом, одеяло с термоподогревом — единственное их спасение от лютого ночного холода...

— Он возвращается! — выкрикнула Ли, поднимаясь на ноги и пытаясь помочь встать и Дэйвису.

Оказавшись на ногах, он вновь подхватил девушку онемевшей рукой и побежал, с беспокойством думая о том, как они сумеют пережить следующую ночь без тепла, которым обеспечивало их одеяло, и размышая в отчаянии, не лучше ли будет для них обоих просто остановиться, дать пилоту однomes-tника без помех прицелиться и подставить себя под град смертельных пуль.

Вертолет пролетел, обдав почву чуть ли не у них под ногами фонтаном огненных брызг крупнокалиберной очереди.

Дэйвис словно споткнулся и бросился на снег в попытке избежать опасности оказаться в зоне обстрела. И пока он лежал, а затем вставал на ноги, он понял, что пилот безо всякого труда мог расстрелять их гораздо раньше, да и сейчас тоже, но не делает этого только потому, что старается не дать им добраться до леса до тех пор, пока не прибудет подкрепление, чтобы взять беглецов жи-

выми. А это должно было произойти очень скоро — через считанные минуты.

Дэйвис оставил попытки подняться, приказал Ли лежать и не шевелиться и нащупал в кобуре пистолет. Он положил оружие перед собой, делая вид, что слишком слаб, чтобы держать его в руке, и стал дожидаться возвращения вертолета. Он не знал, как ухитрится сделать то, что задумал, но, во всяком случае, должен был попытаться. Через секунду кабинка пилота, отражая на матовом стекле солнечные блики, нависла над ним, наклонившись так, чтобы летчику лучше их было видно. На лице пилота играла ухмылка, а палец лежал на гашетке пулемета.

Ошибся ли Дэйвис в своих рассуждениях? Играли ли с ними пилот как кот с мышью, позволяя сначала набегаться вволю, чтобы затем просто убить без всякого сожаления, когда прибудут полевые группы и другие вертолеты? У Дэйвиша не осталось ни малейших сомнений, что этот тип в пилотском кресле — отъявленный садист. Ни у одного нормального человека не могло быть такого выражения на лице, когда он держит палец на спуске смертоносного оружия.

Дэйвис перекатился, вскинул пистолет и, описав им круг, дважды выстрелил в стекло кабины, прямо в человека в пилотском кресле. Резкие хлопки выстреловозвучали как-то нереально, недоступно пониманию.

Машина взмыла вверх, пронеслась над ними, зависла и затем штопором рухнула вниз в сотне ярдов от них. Она врезалась в снег и взорвалась голубым и оранжевым пламенем, в языках которого оборвался пронзительный вопль пилота еще до того, как они с Ли успели достичь своей цели — деревьев.

— Одеяло! — вырвалось у девушки, когда они оказались в густой тени леса.

— Оно все раскурочено. Теперь от него никакого проку. От термоэлементов почти ничего не осталось, и они больше не будут работать, даже если бы была возможность вернуться. А у нас нет для этого времени.

В отдалении послышался гул приближающихся воздушных кораблей...

— Ну же! — прошипел он.

Ли последовала за ним в глушь леса по тропке, протоптанной местными копытными. Без чемодана спасаться бегством было намного легче и быстрее, так как на ров-

ном месте ей почти удавалось не отставать от Дэйвиса и выдерживать предложенный темп. Им удалось удалиться от просеки более чем на пятьсот ярдов, когда один из огромных вертолетов Альянса, предназначенный для транспортировки войск и грузов, накрыл их своей тенью, пролетая почти над самыми верхушками деревьев. Дэйвис глянул наверх, опасаясь увидеть парашютистов, но его опасения оказались напрасными. Он вновь опустил голову и сосредоточился на том, чтобы выиграть время. Оставалось надеяться, что вертолет не собирается выбросить впереди них десант, а если и собирается, то им удастся избежать встречи с солдатами.

Хотя его робот и не был предназначен для нападения на других людей, Дэйвис обрадовался, заметив Протея впереди себя футах в двадцати; его корпус сверкал, подпорченный в одном только месте вмятиной от пули, которая угодила в него, когда их обстреливал пилот вертолета. Пока Протей находился с ним рядом, Дэйвис не опасался за целость своего рассудка. Как дети, когда они прячутся под одеялом не потому, что оно может защитить их от опасности, а потому, что под ним они чувствуют

себя увереннее, так и он в присутствии робота-охранника, который пусть и не мог ничем ему помочь в той драке, в которую сейчас ввязался его хозяин, испытывал большую уверенность в этой битве не на жизнь, а на смерть.

Затем лес осветился алым пламенем...

Это был настоящий поток огня, словно река, разлившаяся им навстречу, охватывая окружающие деревья и Протея в том числе...

А затем раздался оглушающий гром...

Он потряс все до основания — словно хватили гигантским кулаком по почве, на которой они стояли, и их со страшной силой сбило с ног.

Альянс, расставшись с мыслью взять беглецов живьем, вознамерился покончить с ними любой ценой. Полпред, в чьи обязанности входило руководить гарнизоном Димоса, потерпел фиаско, решил больше не рисковать и пустился во все тяжкие. Беглецы уже оставили с носом поисковые группы, а теперь, после убийства пилота одноместного вертолета — явление доселе неслыханное, — Дэйвис стал особо опасным изгоем, против которого все средства хороши, вплоть до уничтожения.

Пламя, рожденное химией, так же быстро затухло, как и возникло, хотя некоторые из лиственных деревьев — вековые и раскидистые — в эпицентре разрыва гранаты с напалмом все еще были охвачены яростным огнем.

Дэйвис ринулся вперед, перепрыгнул через искореженную груду металла и уже начал помогать Ли перебраться через препятствие, когда понял, что это все, что осталось от Протея. Робот-охранник был накрыт вблизи от места взрыва и изломан до неузнаваемости. Больше охранника у Дэйвиша не было — и одной иллюзией стало меньше.

На какой-то момент он был парализован от страха, не мог даже пошевелиться. И все-таки, хоть и с явным опозданием, когда еще две зажигательные гранаты взорвались в опасной близости, едва не убив обоих, он вспомнил о том, что Ли полностью зависит от него, а поэтому надо двигаться, так как впереди их ожидает самый трудный остаток пути. Он думал когда-то, что не способен совершить насилие, и столько уже совершил, начиная с крысы, которую уничтожил тогда в убежище. Воображал, что не может обойтись без поклонения своих фанатов, и вот понял, что заблуждался. Думал, что ему

не выстоять против других людей, более крутых, чем он сам, что ему не по плечу гримасы матушки-природы — а вот поди ж ты! Во всяком случае, пока... Короче, он открыл в себе совсем другого Стэффера Дэйвиса, о существовании которого и не подозревал. И все из-за нее, этой хрупкой девушки с крыльями, и он не вправе дать втотпать ее в грязь, не должен обмануть доверие, которое она к нему испытывает.

Теперь пылало уже гораздо больше деревьев.

Снег таял, собираясь в потоки бурлящей воды, и в некоторых местах почва уже превратилась в грязь.

— Сюда! — крикнул он, пытаясь перекрыть треск горящих деревьев, рев огня и стрекот винтов вертолета, который занимался облетом места, где их хотели сжечь заживо.

Ли схватила его за руку и поспешила за ним по узкому коридору кустов и деревьев, еще не охваченных пламенем. Пока они пробирались, где-то позади разорвалась еще одна граната, и этот коридор также заполыхал. Им следовало не теряя ни секунды выбираться из этой огненной западни.

Но летчики Альянса, видимо, все-таки смогли их разглядеть, так как они со всех сторон блокировали место, где пробирались беглецы, и начали и слева, и справа забрасывать их химическими гранатами. Стены огня с треском вырастали повсюду, и не тронутый пламенем коридор чрезвычайно сузился. Далеко впереди еще один вертолет начал щедро засеивать взрывчаткой лежавший под ним участок леса. Казалось, никого не волнует, что ради того, чтобы уничтожить двух беглецов, будут выжжены дотла целые мили лесов.

Дэйвис был вынужден прикрыть глаза от нещадного жара, те слезились, и он плохо различал дорогу. Окружающий мир превратился в сплошную огненную феерию, где стена пламени, возникнув в одном месте, тут же перескакивала на другое. Снег таял, впитываясь в отогретую почву, превращая ее в грязь, в которой вязла обувь, пока они отчаянно пытались проложить себе путь по все сужающемуся коридору не тронутых огнем деревьев. Ли было очень трудно идти — ее изящные ножки никак не были приспособлены к ходьбе, требующей стольких усилий, да еще по такой вязкой земле. Он шагал ря-

дом, помогая девушке как мог, чуть ли не нес ее.

Дэйвису захотелось остановиться и сбросить с себя одежду, под грузом которой он обливался потом. Его лицо, как он чувствовал, уже получило ожог третьей степени, шелушилось и покрывалось волдырями. Лицо Ли, в отличие от своего, он мог видеть — оно тоже покраснело, и по ее словно высеченным резцом скульптора чертам струились струйки пота.

Рев пожара достиг такой степени, что в нем утонули звуки летающих в небе вертолетов. Дэйвис уже не сомневался, хотя и гнал изо всех сил эту мысль, что они с Ли обречены...

Но когда они достигли конца тропы и обнаружили, что со всех сторон окружены пламенем, он увидел слева от них скалу. Под пеленой страха, заволакивающей все мысли, рассудок Дэйвиса продолжал работать, возможно, даже быстрее, чем обычно, пришпориваемый — а так оно и было — отчаянием. Скала могла оказаться хоть временным, но спасением. Почему так — об этом он не задумывался, ему просто показалось, что она могла предложить им хоть какое-то убежище, пусть на короткое время, — все лучше,

чем поджариваться там, где они сейчас стояли. Он притянул Ли к себе и напряженно всмотрелся в камни, пытаясь разглядеть хоть маленькую щель, в которой они могли бы спрятаться. Но колебания нагретого воздуха и вздывающиеся ввысь языки оранжевого пламени делали какой-либо осмотр невозможным делом.

Ли упиралась в него и, извиваясь, пыталась вырваться. Ее пальто загорелось. Маленькие быстрые язычки пламени заплясали на подоле длинного одеяния. Он силой подавил попытки вырваться, отнес девушку туда, где не было огня, повалил ее на липкую грязь и навалился сверху, пытаясь затушить огонь своей одеждой и весом собственного тела. Дэйвис прокричал ей в самое ухо, что собирается сделать, но рев лесного пожара перекричать было невозможно и она никак не могла разобрать его слова, даже когда его губы были вплотную прижаты к ее уху.

Он вскочил на ноги, поднял и Ли, и когда убедился, что она поняла, что не должна сопротивляться тому, что он будет делать, заставляя себя напрячь все остатки сил, ринулся сквозь полосу огня шириной в добрые шесть футов к той стороне скалы,

которую успел заметить раньше. Как только они выскочили из пламени, он упал и перекатился под нависающую часть скалы, где еще оставалось немного снега, а в лужах было достаточно воды, чтобы затушить их затлевшую одежду.

Выемка под нависающей частью скалы была глубиной около семи футов, и небольшого одеяла, растянутого между ее стен, вполне хватило, чтобы устроиться там и отгородиться от огня. Жар и здесь донимал их, но уже не был до такой степени нестерпимым, как снаружи. Воспользовавшись передышкой, они осмотрели свои раны. У Ли все лицо обгорело, как после сильного загара, и плюс к этому еще была вывихнута лодыжка. Дэйвис также пострадал от ожогов средней степени тяжести, но в дополнение к ним получил еще и сувенир на память о недавней стычке, который грозил им гораздо большими неприятностями и мог оказаться на успехе их бегства. На бедре, чуть выше правой коленки, Дэйвис обнаружил металлические осколки одной из разорвавшихся зажигательных гранат. Острый стальной кусок впился глубоко в мякоть бедра, и вокруг осколка сочилась кровь.

— Мы должны его извлечь, — заявила девушка.

— Как?

— Должно же что-то найтись в нашей аптечке, ну... — Она оборвала фразу, и на лице ее отразился ужас.

— Точно, — подтвердил он ее худшие опасения. — Аптечка была в чемодане, который разнесло пулями.

— Но ты можешь получить заражение крови!

— Как еще далеко до горы Зуб?

— Полдня пути.

— Тогда будем надеяться, что крепость действительно там, в противном случае мне конец. В сооружении подобного рода должны быть запасы лекарств и медицинские инструменты.

— Но сможешь ли ты идти с такой ногой?

— Придется, раз ничего другого не остается.

В следующие полчаса пилоты Альянса немилосердно забрасывали гранатами и без того разбушевавшийся лесной пожар, пока внизу не воцарился ад кромешный, где ничто живое не могло уцелеть в безжалостных языках всюду проникающего пламени. Беглецам пришлось скинуть с себя почти всю

верхнюю одежду к задней стене своего убежища, обливаясь талой водой, которой здесь вполне хватало. Часто воздух нагревался до такой степени, что затруднял дыхание, и Дэйвис порадовался тому, что раскаленный воздух образовал восходящий поток, который гнал дым и гарь наружу, к верхушкам деревьев, обеспечивая тем самым циркуляцию воздуха. Если бы не это, они бы в считанные минуты задохнулись в дыму. Представитель Альянса сделал все, чтобы не дать им ни малейшего шанса уцелеть.

Наконец, когда солдаты прекратили обстреливать обуглившийся и дымящийся лес, а пожар начал затихать, Дэйвис решил, что настало время пуститься дальше в путь. Хотя все еще было довольно жарко, они снова облачились во все свои пальто и свитера, так как нести в руках громоздкую одежду было бы гораздо труднее, чем тащить ее, надев на себя. Снаружи, среди пепла и обгоревших черных скелетов деревьев, все еще вздымался дым и чад, который висел над их головами такой плотной пеленой, что небо различить было совершенно невозможно, скрывая их тем самым от глаз полиции, и даже когда они выбрались из выгоревшего участка леса и стали

пробираться среди живых деревьев и кустарника, не пострадавшего от огня, завеса смога по-прежнему надежно укрывала их от опасности быть обнаруженными сверху.

Дэйвис почти не ощущал кусок шрапнели в бедре, когда они приступили к началу своего долгого последнего остатка пути.

Затем началось покалывание.

Потом рана начала гореть.

Через час у него появилось ощущение, что рана начинена напалмом, и что мякоть бедра выгорает дотла от маленьких язычков пламени, возникавших внутри, и что вскоре от мяса ничего не останется, кроме золы и костей, прикрытых снаружи оболочкой кожи. С каждым шагом боль все усиливалась.

Плюс ко всему рана сильно кровоточила. Уже почти вся брючина насквозь пропиталась кровью.

Он почувствовал, что его лихорадит.

Первые три часа пути Дэйвис превозмогал себя как мог, но все равно периодически приходилось делать остановку, чтобы дать ему передохнуть. Скорость их передвижения значительно замедлилась, но Альянс, по-видимому, пребывал в уверенности, что беглецы погибли во время лес-

ного пожара, и это заблуждение властей позволило им хоть и медленно, но продвигаться к намеченной цели.

Иногда, сидя на бревне или камне, чтобы дать отдых поврежденной ноге, Дэйвис яростно негодовал на свое тело, словно боль в ноге была злонамеренным деянием его плоти, не желающей внимать доводам разума. Пройдя через столько испытаний, он не мог примириться с мыслью, что его неспособность пройти оставшуюся пару миль может стать причиной их гибели. Но вскоре он понял, что ненависть к себе или отвращение к собственной слабости только усиливают в нем чувство депрессии и затрудняют возможность продолжать путь. С другой стороны, если он обратит всю свою ненависть вместо себя на Альянс в целом, на коротышку полпреда лично и на каждого солдата, участвовавшего в погоне за ними, в частности, то гнев придаст ему силы, побудит его к успешному завершению того, что до сих пор казалось невозможным. Когда праведный гнев отвлечет его мысли, то Дэйвис, возможно, будет испытывать меньшую боль, наступая на раненую ногу, хотя бы первые несколько шагов.

Вот почему в дальнейшем, когда Ли поддерживала его, если он спотыкался, лицо Дэйвиса вспыхивало от ярости на всех тех, по чьей вине они оказались в таких обстоятельствах, вынудивших их решиться на этот безумный побег, лишив его возможности общаться с нормальными людьми, объявив вне закона. При написании стольких исторических романов он поневоле глубоко вникал в каждую эпоху, пройденную человечеством в прошлом. Его всегда поражало, как радикально менялись запреты от одного определенного исторического момента до другого, от одной культуры к другой — пусть даже эти культуры существовали в небольших странах, расположенных бок о бок, или же относились к большему числу людей, целой нации. Это была одна из тех идей, которые он всегда пытался довести до сознания своих читателей. Структуризация запретов не имеет ничего общего со здоровьем нации, она просто устанавливает глупую и вредную практику вмешательства в права другого человека. Зачем указывать другому, что он должен надевать или с кем заниматься любовью и на каких условиях? Через сотню лет над этим будут только смеяться, как над узостью мышления. Дэйвис

размышлял по этому поводу, пока они шли, и даже заставлял себя вникать в подобные мысли еще глубже, чем когда-либо, чтобы попытаться отвлечься от донимающей его боли.

И постепенно он пришел к пониманию главного в людях, которые составляли верхушку Альянса, обладавших властью над массами. Им никогда не дано открыть для себя концепцию «мы». Более того, они даже отрицают концепцию «я» в угоду более варварскому отождествлению себя с обезличенным понятием «это». Каждый человек в Альянсе — частица этой концепции, включая правительство, огромный механизм по поддержанию существующего порядка с помощью законов и тюрем, всевозможных организаций. Каждый человек — не больше чем шестеренка в этом всеобъемлющем механизме, обезличенный и лишенный индивидуальности. Такое видение мира, концепция так называемого «это» представляет собой наиболее опасную философию, подсознательно принятую большей частью человечества, так как эта теория позволяет ее приверженцам — бюрократам, солдатам и политиканам — совершать самые жестокие акты физичес-

кого и морального насилия против всех инакомыслящих. Любой член иерархии Альянса, убивший «предателя» или иного врага государства, никогда не считет лично себя за это ответственным. Если кого-то и обвинят, то только собирательное и обезличенное понятие «это», то есть все мы. Солдат, который убивает на войне, генерал, который отдает ему приказы убивать, президент, который объявляет войну, — никто из них лично ни в чем не виноват (по крайней мере, так они считают сами), потому что действуют они от имени правительства, представляя себя как маленькую — да пусть даже и большую, размер здесь не играет роли — шестеренку (это самая популярная отговорка) в механизме всеобъемлющего и за все отвечающего «это». И даже правительство — верхний уровень иерархии в «это» — полностью защищено от обвинений в свой адрес, так как всегда может сослаться на расхожую фразу: «Правительство получает власть от народа» — очередной призыв к людям-шестеренкам голосовать за тех же самых мегаманьяков, когда на следующих выборах они пойдут к избирательным урнам.

Дэйвис был резко выведен из своих запутанных размышлений, когда они вышли из леса и взобрались на покрытое кустами подножие холма у основания одной из самых больших гор, когда-либо виденных им, — гигантский пик по форме своей отдаленно напоминал зуб мудрости. Они шли и отдыхали, затем снова шли и отдыхали, и так все время, словно в состоянии какого-то гипноза, вот уже около девяти часов с тех пор, как выбрались из сожженного леса. Именно эта остановка, не связанная с тем, чтобы сесть и дать передышку ноге, прервала цепь его размышлений и заставила обратить внимание на окружающее.

— Гора Зуб, — произнесла Ли, подлезая под его руку, чтобы помочь удержаться в вертикальном положении. — Если я правильно поняла деда, то вход в крепость должен быть где-то недалеко.

Он кивнул, ощущая раздражение из-за того, что она вывела его из транса, в котором он пребывал, так как боль, испытываемая им тогда, была намного меньше той, которую он испытывал сейчас, снова окунувшись в реальный окружающий мир.

— Пошли, — позвала она, потянув его за руку.

Нога вся горела, вдобавок он ощутил странное покалывание, пронизывающее тело снизу доверху. Когда же взглянул на ногу, то пожалел, что сделал это, так как вид был далеко не из приятных. Края раны разошлись, и осколок чуть-чуть вылез наружу. В результате артерия запульсировала более свободно и уже залила его брюки изрядным количеством крови. С усилием Дэйвис оглянулся и увидел позади себя обильный кровавый след, который тянулся за ним на протяжении последних полудюжины шагов. В лунном свете след казался черным, а не красным.

— Поспешим! — вырвалось у Ли.

— Кровоточит... слишком сильно, — возразил он в ответ.

— Наложим жгут, — предложила она, пытаясь усадить его на снег.

— Нет времени. Только в аптечке... Кровотечение слишком сильное. Рана... очень большая... Я как сонный.

— Не спи! — взмолилась она. — Борись со сном!

Чернота, возникшая где-то внутри, пронизала все тело, осязаемая, как бархат, мягкая и приятная на ощупь. Он почувствовал, как слабеет пульс по мере того,

как голова наливается свинцовой тяжестью и начинает кружиться.

Про себя он вскрикнул...

Молча...

Гора Зуб была так близко — и одновременно так далеко.

Дэйвис заплетающимися ногами сделал несколько шагов, прежде чем упал навзничь. Холод снега так восхитительно освежил кровоточащую рану, что он внезапно ощутил уверенность, что оправится и ему будет хорошо, если напихать немного снега внутрь, туда, откуда кровь... Так он и лежал, чувствуя себя хорошо, погружаясь в забытье и воспринимая липкий холодный снег как преддверие мирной и безболезненной смерти...

Глава 11

Не просто тишина — а гораздо тише.

И не просто темнота — а полный мрак.

И не просто полное отсутствие запахов, а нечто стерильное — некий колодец, созданный с непонятной целью или вообще без цели, подземелье без стен, потолка и пола, лишенное воздуха и малейшего дуновения

ветерка, а также всего того, что можно определить с помощью органов чувств, — какая-то уходящая в бесконечность внешняя оболочка из ничего, абсолютный нуль...

...и возник свет.

Сначала мрак кромешный превратился просто во мрак. Затем непроницаемая темнота стала черной как деготь. Потом — просто чернотой. Наконец — просто темнотой. Свет возникал постепенно, по чуть-чуть, пока не достиг яркости лунного света, хотя откуда он исходил, понять было невозможно.

Затем он начал различать звуки.

Пощелкиванье...

Жужжание...

Звуки, похожие на работу магнитных лент, когда они наматываются или разматываются на бобинах...

Все шумы, характерные для работы сложной машины, когда она занимается тем, к чему ее предназначили создатели. После того как у него в мозгу осмыслилось слово «машина» как первое конкретное понятие во всем его значении, возникшее на стадии медленного пробуждения, то на ум пришли и другие содержательные мысли и стали возникать вопросы.

Где он? Мысль плясала вокруг этого вопроса, отдавая себе отчет, что человек, у которого нет ни малейшего понятия, где он находится, либо пьяный, либо не в своем уме или же был умышленно накачан наркотиками. Да-да, весь набор расхожих фраз из его исторических романов возник в его мозгу. Но по мере того, как он их осмысливал, сразу отвергал одну за другой, пока не пришел к выводу, что избитые штампы здесь неприменимы. Так где же он, черт побери?!

Он чувствовал стул под собой. Нет, не совсем стул, а что? Это больше походило на бархатную кушетку, автоматически меняющую свою форму, — сейчас она сложилась и приобрела очертания кресла, чтобы он мог принять сидячее положение. Штуковина была так хорошо отрегулирована, что хотя сначала он и испытывал некоторые неудобства, то сейчас ощущал себя вполне комфортабельно.

Почему бы ему не открыть глаза?

«Еще нет», — прошептал прямо в нервные окончания, предназначенные в мозгу для восприятия звуков, шелестящий голос с магнитной ленты. Слова были беззвучными и воспринимались, а не слыша-

лись, и он знал, что прямо в его голове раскручивается какая-то лента.

«Где я?» — мысленно спросил он машину.

«Нет еще».

Он подчинился, пытаясь проникнуть в то, что еще могло скрываться в окружающем его странном мире, сотканном из сего света, мягким, как мышиная шерстка, и напрочь лишенном каких-либо форм. Он мог ощущать некую ткань, из которой был сделан ремень, закрепленный у него на поясе, аналогичные пути притягивали его руки к краям кушетки. Пошевелив ладонью, он ощутил нечто странное, доселе незнакомое, и испытал страх, доныне ему незнакомый. Ощущение было таким, словно он заставляет двигаться свою руку, а это рука чужая, но тем не менее повинуется ему как собственная.

«Расслабься», — настаивал бестелесный голос с ленты.

Он вновь шевельнул пальцами. Сжал, разжал и потер ими один об другой. Реакция была быстрой и приятной — доподлинная плоть и кровь. Проблема, однако, осталась — у него вновь возникло чувство страха: пальцы двигались слишком быстро

и казались излишне нежными. Это ощущалось скорее как преувеличенные, нереальные, однако осязаемые эффекты в сенсорном фильме в специально оборудованном зале, где все воспринимается лучше, чем в жизни, и гораздо ощутимее (и вовсе не потому, что сам кинотеатр предназначен именно для этого, а из-за того, пожалуй, что никто из людей не в состоянии точно оценить, какими же на самом деле должны быть эмоции и восприятия, и посетители охотнее платят за сверхощущения, чем за то, что чувства, внушаемые им с экрана, адекватны по воздействию их собственным).

Он попытался заговорить.

И не смог.

Его лицо напряглось не больше, чем обычно для того, чтобы произнести нужные слова, но выражение лица получилось совсем другим. Словно лицо было не его, а чье-то еще.

Ему захотелось закричать.

«В чьем я теле?» — беззвучно спросил он машину.

«В твоем».

«Нет!»

«В твоем».

«Пожалуйста! В чьем я теле?»

«Это твое тело».

«Скажи мне, почему?»

«Нет еще».

«Когда?»

«Жди».

Он попытался разгадать загадку места своего пребывания, вдыхая и пробуя воздух на вкус. Но атмосфера была полностью стерильной — легкий привкус антисептиков и больше ничего. Что это — больница?

«Сейчас проведем тест», — произнес голос.

«Что ты имеешь в виду?»

«Говори!»

«Я не могу говорить».

«Говори!»

— Проклятие! Я не могу говорить! — взревел он и тут же понял, что слова, сформированные в мозгу, активизировали голосовые связки и сорвались с языка и губ. Это показалось почти что чудом.

«Вполне достаточно», — произнес голос.

— Где я? Что со мной сделали? — У него это вырвалось таким тихим напряженным шепотом, что могло показаться, будто слова произнесены скорее мысленно, чем вновь обретенным голосом.

Голос?..

— Это не мой голос, — заявил он. Тон был слишком высоким и не совсем походил на низкий мужской баритон, какой он привык у себя слышать.

«Это твой голос».

— Но я...

«Подожди. Если это не твой голос, то кто же тогда ты и как должен звучать твой голос?»

Он с ужасом осознал, что не только не знает, кто или что захватило его и где он теперь находится, но и то, что даже не представляет, кто же он на самом деле.

— Кто я? — робко поинтересовался он.

«Вскоре я восстановлю твою память полностью. Нервные окончания ее клеток были временно отсоединены. Терпение! Жди!»

— Но...

«Сначала пройдут тесты. После них ты все узнаешь».

Он выполнял все требования — пошевелить ногами, ладонями, руками. Его ноги и руки освободили от пут, но не сразу, а одну за другой, так, чтобы он не мог выпрыгнуть и убежать. «Вряд ли я на это отважился бы, — подумал он. — Очутиться в мире, который не знаю, почти слепым и лишенным

чувств». Затем нервы, связанные с обонянием, протестировали на множество запахов, которые он зачастую не узнавал — не потому, что не чуял их, а потому, что они не относились к запахам, привычным обитателям... чего же? Он забыл.

«Теперь короткий сон», — распорядился голос с ленты.

— Моя память! — воскликнул он.

Но тут же погрузился в сон...

Желтое...

«Какой это цвет?» — спросили у него.

— Желтый.

«А этот?»

Перед его глазами ничего не было, кроме мерцающего голубого, — таким бывает цвет неба над Землей. Он назвал оттенок машине.

«Теперь этот?»

— Пурпурный.

«В данный момент голубой ближе к тому, что ты назвал пурпурным, чем голубой к тому цвету, что ты видел перед этим».

Он подвергался этой процедуре целых пять минут и стал уже испытывать нетерпение. Но он боялся возражать из-за стра-

ха, что его в наказание вновь уложат спать, прежде чем он добьется ответа на вопросы, которые не давали ему покоя. Когда с тестом было покончено, кушетка приняла горизонтальное положение и дюжины инструментов, судя по всему хирургических, замелькали над головой. Он чувствовал время от времени, как они скребут его кожу, хотя не мог понять зачем, и совсем не ощущал боли. Затем вдруг внезапно вспомнил, кто он и кем был в последние моменты перед тем, как очнуться здесь, и как лежал, умирая, у подножия горы Зуб. Он тогда умирал. Отчетливо помнил, как переходил из темноты полузабытья за грань мрака, той самой недвижной и вечной ночи, которая лежит за пределами человеческого восприятия и недоступна никакому описанию. Он попытался присесть — не давали ремни.

«Жди!»

И он ждал. Теперь хоть у него появилась вполне отчетливая идея — где он находится. Наконец-то в крепости. А Ли доставила его сюда. И раз он не умер до тех пор, пока она не водрузила его на приемный стол крупногабаритного робота-врача, то оставался шанс, что машина

оказалась в состоянии накачать его адреналином, чтобы заставить биться сердце, пока через капельницы в вены вводится плазма крови.

Однако это не объясняло некоторые странные ощущения, которые он сейчас испытывал. Например, то, что он не вполне ощущал себя Стэффером Дэйвисом, словно это он и кто-то еще.

Затем снова последовал сон.

А когда он проснулся, то обнаружил, что сидит на изменяющей свою форму кушетке, все еще прикрепленный к ней ремнями, и смотрит прямо в глаза мужчины-димосианина, хотя такового ни в коем случае не могло быть, даже здесь. Все мужчины планеты Димос больше не существовали, будучи уничтоженными во время войны и в результате применения стерилизационного газа. Осталась только горстка женщин, как объяснила ему тогда экономка Солсбери, когда он наводил справки о муже Ли.

Он открыл было рот, чтобы спросить, как здесь оказался димосианин, но ротaborигена открылся одновременно с его. И тут Дэйвис понял, что смотрит в зеркало, находящееся прямо напротив, и что этот легкий симпатичный димосианин с крыльями, ак-

куратно сложенными за спиной, — не кто иной, как он сам.

Зеркало взмыло к потолку — и за ним оказалась Ли, стоявшая на платформе робота-хирурга и встревоженно глядевшая на него. Как только ремни позволили ему встать, она спросила:

— Правильно ли я все сделала и верно ли поступила?

Но он был слишком ошеломлен, не в состоянии понять, что же произошло с ним.

— Ты был мертв. Умер сразу после того, как я нашла вход и втащила тебя внутрь крепости. Через полчаса после твоей смерти мне удалось поместить тебя в машину. Тогда я не думала, что можно успеть что-то сделать. Но клетки мозга еще были живы, и машине-врачу удалось тебя воссоздать.

— Выходит, я больше не человек? — озадаченно спросил Дэйвис.

— Ты димосианин, да. Наши генетические камеры предоставили экземпляр полноценной особи мужского пола димосианского происхождения для имплантации твоих собственных мозговых клеток. В этом и заключалась проблема создания в искусственной матке: она могла воспроизвести

любую особь зрелого возраста мужского или женского пола, но с мозгами, неспособными научиться заботиться хотя бы о себе. Тогда в проекте предусмотрели, в случае если не удастся решить эту проблему, использовать эти тела для имплантации в них мозговых клеток наших собственных людей — после того, как те будут убиты завоевателями, — создавая тем самым постоянно одних и тех же воинов. Предусматривалась также возможность изъять мозги у пленного захватчика, очистить их и затем имплантировать в димосианское тело. Получившийся в результате гибрид будет своего рода... зомби, слуга для выполнения отдельных задач, чтобы высвободить занятых на них димосиан для боев. Чтобы спасти тебя, мне ничего не оставалось, как снабдить твои мозги телом димосианина.

— Но димосианская машина-врач... ваша машина... она же говорила со мной на английском.

— Она была запрограммирована на все языки, доминирующие в Альянсе, как и на все димосианские, на случай, если придется общаться с пленным захватчиком, чтобы вытянуть из него представляющую ценность

информацию, прежде чем приступить к промывке мозгов.

— Как долго я здесь?

— Три недели.

Его как током ударило.

— Было так одиноко, — призналась она.

— Никто?..

— На розыски махнули рукой. Крепость дает возможность прослушивать средства массовой информации противника, так что я в курсе всего до малейших подробностей. Мы были убиты, как они объявили, при обстреле леса зажигательными гранатами.

Он разразился смехом и понял, что Ли пребывает в еще большем напряжении, чем он, когда она улыбнулась ему робкой улыбкой. Дэйвис сорвался с места, схватил и привлек ее к себе. Она больше уже не казалась такой крошечной, похожей на эльфа. Но воспринимая Ли теперь с точки зрения димосианина, так как изменился весь его внешний вид и, соответственно, произошла адаптация органов чувств, он находил ее в сотни раз привлекательнее, чем она казалась ему прежде. Он понимал, что это произошло просто потому, что нервные центры восприятия окружающего в димосианском теле были намного чувстви-

тельнее и утонченнее, чем в более мощном в физическом отношении, но и более грубом человеческом теле. Но ему также доставляло удовольствие думать, что радость, которой она лучилась, проис текала и из того, что теперь различий между ними стало гораздо меньше, и телесная схожесть будет способствовать более глубокой эмоциональной и физической близости, сделав их интимные отношения насыщенными и ничем не омраченными.

— Значит, ты не злишься и не сходишь с ума от отчаяния? — спросила она.

— Конечно нет.

— Я так рада! Все эти дни я не находила себе места от беспокойства, пока машина воссоздавала тебя в новом облике.

— Теперь, — заявил он, чувствуя, как радость жизни бурлит в нем и рвется наружу, — мы не только свободны и за нами никто не охотится, но у нас еще есть и крепость, в которой мы будем работать и составлять планы на будущее, и нам не грозит превратиться в дикарей, живущих без удобств и лишних надежды. Предстоит так много изучить и столько всего освоить, что даже не знаешь, с чего начать.

— Как насчет того, чтобы полетать со мной для начала? — поинтересовалась Ли.

Ему потребовалось целое мгновение, чтобы понять, что под словом «полетать» она вовсе не подразумевает «заняться любовью». Он застыл, раскрыв рот и оглядывая себя снизу доверху: ступни, казавшиеся такими маленькими, сильные, но тонкие ноги, тело, приспособленное для путешествий по воздуху. Затем осторожно раскрыл за спиной свои большие голубые крылья...

Глава 12

Дэйвис сидел в легком, с мягкой набивкой кресле за затейливым столом, который по сравнению с его нынешней комплекцией казался весьма солидным и массивным, но по человеческим меркам выглядел совсем небольшим, чтобы за ним можно было заниматься серьезными делами. Прошло чуть больше двух недель с тех пор, как он, пробудившись под рукой киберхирурга в генетических камерах в цоколе расположенной глубоко в горе Димоса крепости, обнаружил, что больше не обладает телом землянина, и все это время не уставал

сравнивать вновь испытываемые ощущения и новые мысли с теми, которые у него были, когда он пребывал в теле, в котором родился на свет. Гораздо чаще подобные сравнения говорили в пользу димосианского тела, чем против него, так как оно было более компактным, более жилистым, если иметь под этим в виду синхронную работу мышц, и обладало более быстрой реакцией, чем грузное массивное тулowiще прежнего Стэффера Дэйвиса.

Он обнаружил, что в отличие от землянина димосианин двигается в плавной кошачьей манере, причем настолько непринужденно, что даже подсознательно не ощущает своего тела. Так, например, он еще ни разу не зацепился ни за одну трещину в полу. Ни разу, нагнувшись за тем, чтобы что-нибудь поднять, он не почувствовал, что ему мешает живот. Никогда не стукался головой о дверной проем или задевал за него бедрами и с первого раза крепко удерживал в пальцах то, за чем нагибался. Теперь он оказался в новой окружающей его обстановке уже в другом качестве, что облегчало ему восприятие и подсознательно откладывалось в мозгу, помогая глубже осмыслить все то, чему он научился за прошедшие несколько дней.

Дэйвис выключил рекодер на столе, откинулся на спинку кресла и, закрыв глаза, дал волю своим мыслям. На ленте содержались записи, объясняющие работу искусственных маток, и теории, пытающиеся объяснить их неспособность воспроизводить существа с мозгами, способными нормально функционировать в головах этих искусственных созданий. Он все еще не понимал две трети научной терминологии, на которой все это излагалось, но усиленно учился с помощью обучающего во сне устройства, которое вводило данные в его память со скоростью, в сотни раз превышающей ту, которую могли бы обеспечить ему обычные классные занятия. Теория, которая сейчас интересовала его больше всего прочего, была разработана доктором Ми'Нелла — ныне мертвым, вернее, убитым безжалостными карателями Альянса во время захвата Димоса. Ми'Нелла верил, что проблема неспособности мыслить искусственно созданных людей кроется не в генетическом моделировании, а во временном факторе, когда в генетическую камеру помещаются зародыши и за десять дней выращиваются до размеров взрослых двадцатилетних особей. Таким образом, дока-

зывал Ми'Нелла, воспроизводятся недоумки с телами двадцатилетних и мозгами младенцев, только что появившихся на свет, а чувственные восприятия и потребности сформировавшегося в сексуальном отношении тела наносят сокрушительный удар по едва вышедшему из зародышевого состояния неокрепшему мозгу младенца, доводя его до невменяемости уже в первые моменты жизни вне стенок генетической камеры. Ми'Нелла хотел перепрограммировать сам процесс на главном компьютере крепости-Два, чтобы убедиться, стоит ли и впредь выращивать зомби в генетических камерах или же предпочтительнее ограничиться созданием младенцев, которые смогут участвовать в боях не раньше, чем через дюжину лет.

Война закончилась раньше, чем Ми'Нелла предоставился такой шанс.

Но сама теория и — пусть даже слабая — возможность заставить работать искусственную матку в полную силу привела Дэйвиса в восторг и обнадежила. Он пришел к убеждению после первых двух дней торжества по поводу завершившегося успехом побега и своего перевоплощения, что было бы преступлением провести остаток их жизни в

поисках удовольствий в просторной и полностью оснащенной крепости, вместо того чтобы посвятить их тому, чтобы использовать все достижения культуры, науки и техники, причем в доступной форме, оказавшиеся здесь у них в распоряжении, с пользой для себя и, возможно, для других. Библиотека была чрезвычайно обширной; устройства, обучающие во сне, могли сделать из них экспертов по любой области знаний буквально за ночь. Или по крайней мере за месяц. Компьютеры, которые творили форменные чудеса, начиная от генетических преобразований и кончая поддержанием функционирования всех систем обеспечения жизнедеятельности в крепости, подчинялись устным командам или же командам, вводимым с клавиатуры на любом из существовавших димосианских наречий (основной язык Дэйвис выучил уже за первую неделю с помощью обучения во сне). Ему казалось, что многое из того, что здесь находится, может быть пущено в ход, хотя он пока и не знал, что именно. Мысль, промелькнувшая в голове, заключалась в том, что ему с Ли следовало бы как-то отомстить Альянсу — и не только за все свои муки, но и как возмездие за уничтожение миллионов

крылатых людей, ставших жертвой откровенного геноцида.

Самое простое, как ему представлялось, — это им с Ли завести детей, чтобы те впоследствии организовали партизанскую войну против правящего режима Альянса, а так как Ли была стерильной, то оставалось только прибегнуть к помощи искусственных маток для создания потомства химическим путем.

Дверь в студию открылась — толстый кусок сплошного дерева с жужжанием откатился на роликах, приведенных в движение электричеством, — и вошла Ли с коробочкой с лентами в руках. Она занималась в библиотеке, выискивая для него ленты по тем предметам, о которых ему хотелось узнать побольше, и оказалась на поверху самой толковой и изобретательной по части поисков помощницей, о которой любой писатель мог только мечтать, так как никогда не приносила ему ничего, напрямую не связанного с тем предметом, который он изучал, — а в подобном случае можно было только приветствовать то, что приходится затрачивать дополнительные усилия.

— Успешно, как вижу?

— Пожалуй, да. Как я тебе и говорила, есть и еще три другие крепости. Все найдешь здесь, в этой коробке. А та крепость-Два, о которой ты встретил упоминание... ну, о которой говорил Ми'Нелла в связи с компьютером, — самая большая из всех четырех. По сравнению с ней наша покажется кротовьей норой. Там сорок восемь уровней, каждый длиной четыреста пятьдесят футов и шириной шестьсот футов. На последних десяти ярусах располагается главный компьютер и вспомогательный, в функции которого входит экстраполировать научные данные, полученные в генетических камерах, и предлагать возможные направления дальнейших исследований, включая и те, которые не могли бы прийти в голову человеку.

— Нам бы не помешала такая машинка — прелесть, да и только!

— Мы можем туда добраться, — ответила она.

— Тебе удалось определить ее местонахождение?

— Она находится в восьмидесяти шести милях отсюда, дальше к северу, третья гора от конца гряды. Две другие крепости спря-

таны на расстоянии свыше тысячи двухсот миль отсюда. Нам повезло, что мы оказались не в одной из них.

— Всего восемьдесят шесть миль? Ну, пожалуй, мы сможем использовать тот компьютер, если та стандартная модель, которая находится здесь, не сможет нам помочь. А дополнительный компьютер, который способен экстраполировать данные, и вовсе может оказаться решающим фактором. Но я хочу сначала изучить все то, что находится здесь, прежде чем опять тронемся в путь.

— Темнеет, — заметила Ли, беря его за руку.

У них вошло в привычку вместе летать, когда в небе еще горел последний отблеск дня и мир казался столь же привлекательным, как полураздетая женщина. Он и в этот вечер не нарушил обычай и присоединился к ней в кабине лифта, похожей на колбу, которая плавно подняла их на верхушку горы, где был устроен скрытый пункт наблюдения, используемый ими как старовая площадка для своих полетов.

В тот первый вечер, когда Дэйвис поднялся с кушетки киберхирурга, испытывая шок от того, что обнаружил себя в теле инопланетянина, и узнав, что его собствен-

ные бренные останки покоятся в могиле, ему было не до полетов. Крылья-то он расправил и сделал все, как Ли ему говорила, но не смог оторваться от площадки даже на фут. Это лишь добавило огорчений в довершение к тем, что он уже испытывал, так как стал терзаться мыслями о своем будущем, когда, обладая телом, идеально приспособленным для полетов, из-за психики рожденного ходить по земле и приобретенных в силу этого привычек он так никогда и не сможет использовать свои крылья по назначению.

Но на следующий вечер она настояла, чтобы он попробовал снова, приведя ему кучу аргументов, и среди них тот, что димосианские дети тоже не летают со дня рождения. Тогда почему, хотела она знать, он должен быть исключением? Конечно, у него тело взрослого димосианина, но он все еще ребенок в том смысле, что ему предстоит учиться и учиться тому, как правильно координировать движения в новом облике. С явной неохотой, как непослушный ребенок, он последовал за ней.

Стоял ясный вечер с розово-желтым закатом, протянувшим свои пальцы-лучи от горизонта до середины неба.

Дэйвис скрепя сердце прошел через процедуру обучения для начинающих: принял позу такую же, как она, выслушал наставления — какие мышцы надо использовать, — внял ее советам и вновь потерпел фиаско. Это был самый неприятный эксперимент в его жизни, в основном из-за того, что у нее полет выходил легко и непринужденно, а ему только и оставалось толтаться, глупо ухмыляясь, и хлопать крыльями, как простыня на бельевой веревке во время сильного ветра. Он даже дал себе зарок — плюнуть на это занятие в дальнейшем, но тогда ему оставалось только торчать на вершине, раз уж он сюда пришел. Она обещала полчаса, а прошло всего пять минут — и вдруг когда он правильно взмахнул крыльями, то почувствовал, как их наполняет ветер, отрывая его от площадки наблюдательного пункта. Он поспешно сложил мембранны, чтобы не оказаться в воздухе на высоте нескольких тысяч футов над поверхностью Димоса и опасаясь, что не сможет и во второй раз правильно взмахнуть крыльями.

Но теперь он упрямо взмахивал ими снова и снова, пока наконец не отважился

на последний шаг — рискнул и взмыл над горным склоном, затем целую секунду камнем падал вниз, но тут его крылья наполнились воздухом, и Дэйвис воспарил в небе так же уверенно, как и Ли.

И сейчас, две недели спустя, он все еще смотрел на возможность летать удивленными глазами ребенка, оказавшегося в зоопарке. Всегда находилось что-то новое, еще неизведанное, а в мозгу не до конца была изжита боязнь, что в любой момент — сказывалась психология землянина — крылья могут его подвести. Его терзали сомнения — не надоест ли ему со временем и небо, и крылья, и он припишет это тому, что якобы устал от Ли, хотя последнее было наименее вероятным. Возможно, будь он рожден с крыльями, то само собой постепенно стал бы воспринимать их как неотъемлемую часть своего тела, так же, как рожденный на Земле начинает смотреть на ноги как на обыденную вещь уже после первых нескольких недель, когда прошла радость от того, что научился ходить. Но обрести крылья в зрелом возрасте, после того как полжизни отшагал на своих двоих, — совсем другое дело, и с этим нельзя было не считаться.

Но не проблемы, связанные с полетом, беспокоили его в первую очередь, а причина, по которой он ощущал себя таким счастливым и довольным, обретя новое тело, и почему с такой легкостью примирился с потерей старого. Сначала его тревожила мысль, что он обманывает себя, закрывает глаза на тот страх, который, несомненно, испытывает, утратив облик прежнего Стэффера Дэйвиса, и что просто подавляет чувства ужаса и отчаяния, загоняя их в уголки подсознания, где они наверняка пустят ростки и со временем дадут себя знать. «Недалек тот день, — думал он, — когда наступит расплата за самообман». Но дни шли, и он утверждался в сознании, что не лгал себе, когда говорил, что чувствует себя намного счастливее в новом теле, нежели в старом, и что сожалеет лишь о том, что не умер много лет назад, чтобы возродиться в облике димосианина. И он не мог не испытывать глубокого удовлетворения в душе, что освободился от прежней оболочки, унаследованной им от отца и матери и от родства с ними, — обстоятельство, которое его всегда так тяготило. Отныне он не их ребенок. Они даже не смогли бы — если бы были бы даже живы — узнать его, окажись

на Димосе. Он мог бы разгуливать возле них, не опасаясь быть узнанным. Облик, манеры поведения, тик левой щеки — все, что он унаследовал от них, кануло в вечность, осталась только его сущность, образ мыслей, из которых он годами безжалостно выскребал ту ненависть, которая ему досталась от родителей и от которой окончательно помогла ему избавиться Ли за последние несколько месяцев, проведенных на Димосе. Ему не придется больше, глядя в зеркало, видеть длинный тонкий патрицианский нос, всегда напоминавший ему о матери, или квадратную массивную челюсть — явно наследие отца. Да, уже в одном этом крылись ростки буйно расцветающей в нем радости: сознание того, что оборвались все связи между ним и теми людьми, которых он презирал, этой парочкой с сердцами, переполненными ненавистью, которые вопреки своим желаниям произвели его на свет.

Колба подъемника остановилась, и Ли прикосновением пальцев заставила двери открыться. Маскировка из камней отъехала назад, и они прошли в нишу наблюдательного пункта, устроенного на самой вершине горы Зуб. Леса и горные пики

Димоса раскинулись перед ними во всем своем величии, окрашенные в разные цвета лучами заходящего солнца.

Раскинув руки и расправив за спиной крылья, Дэйвис шагнул к краю ниши, прыгнул в бездну и едва успел наполнить мембранны воздухом, чтобы вовремя избежать столкновения с длинным антигравитационным автобусом, который при помощи тарелок забирался вверх по склону горы, подбираясь к вершине, чтобы повернуть в ужас от высоты находящихся в нем пассажиров. На боку салона красовалась надпись: «Туристическая группа охотников на горных волков». Находящиеся внутри мужчины и женщины, одетые в камуфляжные охотничьи костюмы, с напитками в руках, уставились на Дэйвиша широко раскрытыми от удивления глазами, не понимая, откуда он мог взяться, словно тот возник из ничего. Он увидел, как их взоры устремились выше, на Ли, все еще стоявшую в нише, и сразу понял, что их передышке от преследования властей пришел конец, в ту самую короткую секунду, когда он совершил непоправимую глупость — не огляделся как следует, прежде чем взмыть в воздух.

Глава 13

Дэйвис стоял возле панели с клавиатурой компьютера, установленного в крепости, и набирал обозначения каждого раздела, который, по его мнению, мог иметь какое-то отношение к местоположению трех остальных крепостей или указать, что те существуют в природе. Бобины с лентами в устрашающем количестве выскальзывали из щели устройства вывода, и он в темпе бросал их в специально подготовленный для этой цели мешок. В перерывах, когда он не мог сообразить, где еще могут находиться ключевые данные, связанные с другими форпостами, Дэйвис начинал вводить названия источников информации, относящейся к работе искусственных маток, надеясь, что ему хватит времени, чтобы оставить Альянс в неведении также и по этому важному аспекту.

— Вот, — запыхавшись, произнесла Ли, входя в комнату и вываливая в мешок стопку лент. — Те самые, что я отдала тебе этим вечером. Они так и лежали на столе в студии.

— Спасибо, — кивнул он. — Как насчет провизии?

— Вся уже упакована.

— Вода?

Он ввел с клавиатуры еще раздел; из отверстия выводного устройства на поддон градом посыпались ленты.

— И вода тоже, — заверила она.

— Два одеяла с подогревом?

— Взяла, и еще электрофакелы. И хотя крепость-Два наверняка в избытке снабжена оружием, нам оно может понадобиться, пока будем добираться туда. Поэтому я упаковала четыре пистолета.

— Проклятие! — выругался он, стукнув кулаком по панели с клавиатурой.

— Что такое?

— Не вижу, каким образом мы выкроим время, чтобы выбрать все данные из библиотеки. И даже если нам удастся это, то все равно не сможем забрать с собой такую кучу материала. И все на несгораемой пленке. Можно, конечно, всю ее изрезать, да только они все равно смогут ее склеить по кускам.

— А как насчет кислоты? — осведомилась Ли. — В лабораториях каких только видов нет. Можно подобрать такую, что может уничтожить все без остатка, не так ли?

Он послал ей воздушный поцелуй:

— Блестяще! — Затем покопался в мешке и вручил ей несколько лент. — Спустись вниз и испробуй на них все, что только можно. Я останусь здесь и буду выводить из банка данных то, что еще осталось, а потом присоединюсь к тебе.

Девушка подхватила бобины с лентами и опрометью кинулась к двери, а оттуда через холл к лифту, чтобы спуститься к лабораториям.

По какой-то странной причине Дэйвис, оставшись один и продолжая набирать на клавиатуре названия различных разделов по тематике, подлежащей выводу, внезапно ощутил себя голландским мальчиком из легенды, который пытался пальчиком заткнуть течь в дамбе. Только вместо воды, текущей ему на башмаки, здесь были ленты с данными, десятки и сотни бобин. Наконец, когда уже больше не мог вспомнить ни одного названия раздела, связанного с интересующим его предметом, он набил лентами мешок доверху. Дэйвис уже достаточно хорошо был знаком с библиотекой, чтобы понимать, что там остались еще тысячи лент по всевозможным областям знаний, но у него не было больше времени, чтобы даже думать об этом, не говоря уже

о том, чтобы тревожиться по этому поводу.

Когда он добрался до первой лаборатории, то чуть не столкнулся с Ли, спешившей к лифту.

— В чем дело? — спросил он.

— Идея с кислотой не проходит. Во всяком случае, если ты не успел совсем недавно вырубить химические формулы хотя бы некоторых из них. Я имею в виду, для кислот.

— Хм-м?

— Здесь их больше не содержат по столам и шкафам в бутылочках. Похоже на то, что в каждой лаборатории есть свой искусственный «фармацевт», который соединен с центральным складом химикатов. Выглядит так, что набираешь нужную тебе формулу и получаешь заказ. Но я не знаю никаких формул.

— Набери что-нибудь наобум.

— Уже пробовала. Четыре раза. Ничего не получается.

Мысли замелькали в мозгу с такой скоростью, что исключали возможность обдумать хоть одну из них. Но прежде чем ему удалось сбить темп до приемлемого, замигали тревожные огни и взвыли сирены по

всему укрытыму в горе комплексу. Кто-то взламывал маскировку из камней, закрывавшую вход на наблюдательный пункт. Люди Альянса с минуты на минуту должны были проникнуть в крепость.

— Быстрее! — закричал он. — Надо успеть, пока они не остановили лифты!

Он потащил ее назад в похожую на колбу кабинку и нажал кнопку подвала. Лифт пошел вниз с такой скоростью, что у них свело спазмами желудки, и уже через секунду двери шахты распахнулись в самой сердцевине сооружения.

— Вот и сани, — показала Ли на оборудованный гравитационными тарелками снегоход, поджидавший их у дальней стены. Сани были легкими, с большой плоской поверхностью для сидения — и больше никаких удобств для комфорта пассажиров, кроме ремней, чтобы пристегнуться к жесткому металлу. Они были предназначены для поездок на короткие расстояния в штормовую погоду и уж никак не для путешествий на восемьдесят шесть миль. Но было похоже, что одолеют и такую дистанцию.

На металлический стержень, предназначенный для крепления багажа, повесили два рюкзака, фонари и оружие приладили

к поручню по обеим сторонам саней для равновесия. Снегоход выглядел достаточно устойчивым, чтобы не перевернуться на бездорожье, и, вне всякого сомнения, обладал хорошей скоростью. Но Дэйвис не удовлетворился беглым осмотром и открыл капот, чтобы взглянуть на мотор.

Они облачились в тяжелые пальто, застегнули их сверху донизу, опустили капюшоны и натянули толстые перчатки. Дэйвис ощутил странное покалывание в спине, там, где находились сложенные крылья. Ощущение было не из приятных, и ему захотелось скинуть пальто. Но им предстояла долгая поездка. Димосиане исчисляли восемьдесят шесть миль пути до крепости-Два прямиком по воздуху и исходя из скорости полета определяли время путешествия. Но им предстояло попасть в конечный пункт низом, а не поверху, а такой маршрут мог занять вдвое больше времени.

Двери лифта захлопнулись, и он взмыл вверх, с тем чтобы вскоре доставить вниз людей Альянса.

— Вот здесь управление, — затараторила Ли, быстро определившая назначение каждой педали и кнопки на штурвале. — Эта вот — чтобы открыть потайную дверь

и выпустить нас отсюда. Эта — чтобы закрыть ее сразу же, как только мы выедем.

— Садимся! — распорядился Дэйвис.

Они уселись на плоскую поверхность саней и пристегнулись ремнями. Ли обхватила Дэйвиса сзади за пояс, прижалась лицом к его плечу так, чтобы немного видеть то, что впереди.

— Поехали, — отзвалась она.

Дверь в стене из камней скользнула в сторону.

Он поднял сани в воздух и стремительно направил их вперед через тоннель в горе, в снежный мир, наружу. Затем нажал кнопку закрытия двери, в тот же момент, как выскочили из горы, и они, отныне и навсегда, оказались отрезанными от крепости, наедине с темнотой и ветром.

Наверху, возле вершины, вертолеты Альянса молотили лопастями винтов воздух, высаживая штурмовые группы на площадку наблюдательного пункта, где был взломан вход в цитадель. Дэйвис терялся в догадках, знают ли власти, что те двое крылатых людей, которых обнаружили здесь, — те самые, кого объявили мертвыми раньше, ведь тогда летать мог только один из них. Если верить тому, что удалось подслушать Ли по

монитору из города возле космопорта, то фотографии их обоих были переданы по всем каналам связи и средствам массовой информации, дополненные «содержательными» пояснениями о том, что бывает с теми, кто сбивается с пути истинного, преддается пороку и нарушает законы Альянса и директивы партии Превосходства Человека. И хотя его внешние черты даже отдаленно не напоминали те, что были показаны широкой телевизионной аудитории, однако Ли осталась той же самой. И никто, в этом он был уверен, не смог бы забыть ее лицо, увидев его хотя бы однажды. Так что, весьма вероятно, а скорее всего так оно и есть, властям уже доподлинно известно, что девушка — это Ли. Если же у них есть сомнения насчет его идентификации, то они отпадут, когда будут обнаружены искусственные матки и спецы разберутся, для чего те предназначены.

Дэйвис сосредоточился на управлении легким быстрым экипажем, направляя его поверх снежного покрова. Создаваемое им гравитационное поле было настолько мощным, что снегоход удерживал себя на тонкой кромке наста, даже не потревожив его и не оставляя почти никаких следов. Един-

ственный шум, производимый им в димо-сианском воздухе, напоминал довольноное урчание кота, который после долгой охоты наконец настиг свою добычу.

В этот раз по дороге у них не было никаких затруднений и почти ничего такого, что могло бы заставить затаить дыхание и думать, что настал последний миг их жизни, если не считать единственного случая, когда бы колось с рогами, которые, казалось, были опутаны паутиной (на самом деле это были своего рода антенны), неуклюже выскочил прямо перед санями. Им удалось избежать столкновения, прокочив мимо животного буквально в нескольких дюймах, и оно в ярости бросилось за ними, раскачивая над мордой паутиной антенн, но его быстрота не шла ни в какое сравнение с той, с которой неслись сани.

Они добрались до второй крепости за пять часов; за все это время их скорость не превысила пятидесяти и не снизилась ниже тридцати миль в час. Пришлось лавировать между деревьями, обезжать ущелья, иногда по самому краю, взлетать на самые умопомрачительные снежные наносы, какие они когда-либо видели, и нырять с них.

Еще не светало, когда они нашли гору, где скрывалось их убежище, и разыскали вход в него в самом подножии горы, который вел в гараж для саней, такой же в точности, как и тот, который они покинули несколькими часами раньше. Крепость была сооружена почти так же, как и первая, только намного превосходила первую по размерам. Осмотрев наскоро небольшую часть ее, они решили с полным осмотром обождать до утра.

— Знаешь... — вымученно начал он, когда они забрались в постель.

— Что еще? — сонным голосом спросила она.

— Мы не сможем оставаться здесь больше одного или двух дней.

— Это еще почему? — Ли даже приподнялась на кровати.

— Да потому, любимая, что, хотя я и пытался уничтожить в библиотеке все, что может навести на след остальных крепостей, все равно упоминания о цитаделях и их координаты должны остаться на тысячах оставшихся лент. И можешь чертовски быть уверена, что эти ребята чуть ли не под микроскопом просмотрят все, что там осталось, особенно когда обнаружат, что мы

пытались уничтожить, да и уничтожили целые разделы по различным областям науки и техники. Сразу станет ясно, что есть и другое место, такое же, как и первая крепость, и они ничего не пожалеют, лишь бы его найти. Много времени у них на поиски не уйдет. Они даже могут упростить себе жизнь, заставив компьютер крепости-Один просканировать всю библиотеку, и сберегут тем самым тысячи человеко-часов кропотливой работы.

— А нам что остается делать?

— Нам остается только одна вещь, — ответил он. Зевнул и отвернулся.

— Повремени со сном, хотя бы минуту! — взорвалась Ли и попыталась повернуть его на спину. — Что это за вещь?

— Слишком долго объяснять. К тому же это потребует от тебя принятия эмоционального и важного решения. Подождем, когда ты почувствуешь себя немного лучше после того, как отдохнешь.

— Нет, сейчас, — настаивала она.

Дэйвис пожал плечами и сел, почесывая в затылке.

— Сейчас, эхм? Ну, тебе, возможно, это не понравится. А то и вовсе возненавидишь меня за такое предложение. Приятного в

нем мало, да и усилий от нас обоих потребуется порядком — не стоит заблуждаться на этот счет. Так ты все еще желаешь услышать все прямо сейчас?

— Выкладывай! — незамедлительно отозвалась она.

И он начал...

Глава 14

Генерал сидел в пассажирском кресле своего личного вертолета, пока пилот совершал облет Иглы, горы, где находилась крепость-Два. На его коленях лежала книга по античной мифологии — предмет, изучением которого он с интересом занимался всегда, когда это позволяли его прямые командирские обязанности. Сейчас он заложил пальцем страницу книги в кожаном переплете, наблюдая, как группа вертолетов занимает позиции согласно его приказу. Вот первый коснулся поверхности у самого подножия горы Игла, блокируя выход из потайной двери санного гаража. Грубая ошибка, допущенная из-за халатности при взятии первой цитадели, ни в коем случае не должна была повтор-

риться здесь. Два других оседлали вершину горы, где находился наблюдательный пункт — искусно замаскированная площадка, так что внешне все выглядело как часть горы.

Генерал поднес к губам микрофон:

— Подрывники, вперед!

Группа из трех одетых в голубую форму солдат Альянса выпрыгнула из боковой двери грузового отсека одного из вертолетов на выступ горы, находящийся тремя футами ниже. Им были опущены два ящика со взрывчаткой, и вся троица приступила к работе.

Генерал подумал, сидя в кабине, где ночная темнота была менее плотной, чем внизу, и наблюдая в свете прожекторов, установленных на вертолете, за драмой, разыгрываемой под ним, о том, что он и сам почти что Бог. Эта мысль доставила ему немалое удовольствие. Он вновь поднес микрофон ко рту и отдал распоряжение на борт вертолета, высадившего подрывников:

— Прикажите им поторопиться!

Три человека секундой позже отреагировали на этот приказ, повторенный им невидимым командиром, находящимся в грузо-

вом отсеке вертолета, — они лихорадочно засуетились. Через две минуты солдаты отступили от выглядевшей так естественно части горной вершины, посмотрели на часы и замерли в напряжении за секунду до того, как прогремел взрыв и осколки камня полетели внутрь и в сторону от них, открыв вход в крепость-Два.

Генерал совсем уже было собрался отдать приказ воздержаться от проникновения в глубь цитадели, пока он сам не высадится, чтобы лично возглавить группу, когда тяжелоовооруженный робот-охранник — судя по всему, одно из звеньев в цепи защиты крепости — открыл огонь через взорванную дверь.

Тroe взрывников упали, покатились в агонии, рухнули вниз с уступа с высоты семи тысяч футов и летели до следующего выступа, который с холодной жестокостью принял их на свои острые камни.

Стекла в иллюминаторах первого грузового вертолета разлетелись вдребезги, и пилот, находящийся внутри, завопил так громко, что генерал даже смог услышать его через свои наушники. Сам же вертолет штопором устремился вниз, врезался в горный склон, взорвался и, охваченный огнем, по-

катился по снегу, корежа деревья и поджигая их.

Не было необходимости отдавать приказ к отступлению. Все и так это сделали еще в тот момент, когда первые трое приняли на себя огонь.

— Гранату! — приказал генерал пилоту другого вертолета. Его личный геликоптер имел на борту минимум вооружения, и под рукой не было ничего такого, чтобы выполнить эту задачу самому.

Первый пилот повиновался.

Секунду спустя зев пролома вспыхнул слепящим глаза пламенем, и находившийся там робот-защитник рассыпался на части от жара и сотрясения. Вспыхнувшее яркое пламя тут же угасло, так как, кроме камня и металла, на пути огня ничего не оказалось.

— Пехоту вперед! — приказал генерал.

Другой вертолет, державшийся до сих пор на почтительном расстоянии от горы, тотчас же полетел к площадке, набирая скорость. Через десять минут группа из двадцати солдат Альянса, одетых в бронекостюмы, выстроилась перед обгоревшим входом в крепость-Два.

— На штурм! — распорядился генерал. Солдаты вошли в проход.

Капитан авангарда пехотинцев следовал позади двух своих самых опытных солдат, облаченных в бронекостюмы, похожие на доспехи. Его всегда изумляла, когда он участвовал в операциях, покорность своих бойцов, их манера, с которой они с готовностью соглашались ринуться вперед даже тогда, когда это им наверняка грозило гибелью. Он покачал головой внутри просторного боевого шлема и ухмыльнулся. «Тупые зеленые щенки, пусть даже в возрасте тридцати лет и старше».

Справа внезапно дала о себе знать цепкая батарея тяжелых пневматическихружей — и один из шедших впереди солдат рухнул капитану под ноги, с полудюжиной стальных стрел, вонзившихся в него, несмотря на плотную сталь костюма. Второй оказался проворнее, он резко повернулся и влепил разрывную ракету в обнаружившую себя батарею, разнеся ее вдребезги, прежде чем прицелы успели взять на мушку его или кого-то другого.

— Трое вперед! — рявкнул капитан.

И трое послушно выступили вперед, чтобы занять место убитого.

Капитан подивился слаженности их движений. Да, Альянс знал, как обучать своих людей.

«Заставьте их считать себя винтиками, — вспомнилось ему. — Это то, что удержит их в строю. Если начнут думать или иметь свое мнение — сапогом под зад и долой эту сволочь из армии».

— Первый этаж сверху очищен, — доложил он по радио генералу несколько минут спустя. — Потери — один убитый.

Генерал задумался: кто же мог погибнуть и был ли это один из тех, кого он мог знать? В последнем он сильно сомневался. Самое лучшее — не замечать рядовых, так как они всего лишь винтики в сложном механизме армии. Этот капитан достаточно приятный парень — но, судя по всему, полный идиот. Сплошь и рядом генерал изумлялся покорности, с которой такие люди, как капитан, повиновались его приказам, даже зная, что это им ничего не сулит, кроме смерти. У большинства из них просто не было мозгов.

Он высадился из своего личного вертолета и вошел в крепость-Два, настороженно обследуя уже безопасный с военной точки зрения верхний ярус, предпочитая здесь дожидаться сообщения о том, что и

следующий этаж очищен и признан безопасным.

В руке он держал книгу по мифологии.

Затем остановился перед телом мертвого солдата в бронекостюме, пронзенного стрелами из батареи пневматических ружей. Попинал ногой шлем, пока не показалось лицо убитого.

Оно не принадлежало к числу тех, что были ему известны.

Он подумал, что бы сделал, если бы это оказался один из его знакомых?

Да ничего.

Человек должен быть полным идиотом, чтобы согласиться занять место в авангарде пехоты.

А как можно всерьез огорчаться из-за смерти идиота?

Димосиане, как понял капитан, не ожидали, что их крепости будут обнаружены и подвергнуты штурму, так как, судя по всему, не слишком изошьрялись, располагая свои защитные линии. В большинстве случаев легко можно было предугадать и вычислить, что они из себя представляют и где находятся. Конечно, были и неожидан-

ности, как, например, на восемнадцатом уровне, считая от верхнего, когда оружие оказалось — впервые за все время — скрытым в потолке, и четверых недосчитались, пока все поспешили покидать зону огня. Но, во всяком случае пока, это было единственным серьезным уроном, если не считать убитого на верхнем ярусе.

Тем не менее он предпочитал держаться в стороне от основной группы и позади двух солдат, облаченных в бронекостюмы, находясь под их прикрытием. Капитан оглянулся назад на строй, чтобы убедиться, что самые последние, находящиеся в арьергарде пехотинцы не отстают и держатся начеку. Он никак не мог понять, какими же дебилами надо быть, чтобы согласиться идти последними, впрочем, в его сознании также не укладывалось — кем же надо быть, чтобы с готовностью занять место впереди остальных и стать мишенью для первых же выстрелов из засады. Оба этих места в строю были самыми опасными.

А рядовые в арьергарде с интересом наблюдали за капитаном все время, пока штурмовой отряд продвигался сверху вниз

через крепость-Два. Если бы не военные доспехи на них, они бы не преминули шепотом отпустить на его счет немало шуточек.

В конце концов, кем же надо быть, чтобы отказаться идти в середине строя, когда тебя со всех сторон прикрывают своими телами другие?

Генерал стоял на лестничной площадке, готовый спуститься вниз, как только получит соответствующие донесения; пока же он читал главу из своей книги, очередной абзац, посвященный богу войны Марсу. Главе предшествовал рисунок скорее супермужчины, чем бога. Генералу понравились очертания массивной челюсти и почти безумное выражение глаз, которые, в его понимании, говорили о наличии смекалки.

Марс?

Да, он тоже Марс в какой-то степени. А то как же — один из высших военных чинов в целом соцветии миров. Он мог нести мир или гибель по своему усмотрению. Он как раз посмеивался над тем мифологическим рангом, который Марс, как полагали древние, занимал среди своих

собратьев-богов, когда пол под его ногами вздыбился, затем прогнулся, заставив его поползти на четвереньках. Оглушающий рев донесся из нижних коридоров, охватил всю крепость и вырвался наружу, во мглу димосианской ночи.

Он схватил прикрепленный к лацкану кителя микрофон:

— Что, дьявол подери, происходит там внизу?

Ответа не было.

— Занят ли ярус? — потребовал он ответа.

— Сэр? — донесся с другого конца слабый голос.

— С кем я говорю? — допытывался генерал.

— Рядовой арьергарда номер три, — доложил пехотинец.

— Где ваш капитан?

— Мертв, сэр.

— Убит?

— Мы достигли самого конца оборонительной системы димосиан. Пол оказался заминирован, а капитан по неосторожности наступил на детонирующее устройство, и оно сработало под тяжестью его тела. Только пятеро из нас остались в живых, причем

двоем нуждаются в срочной медицинской помощи, генерал. Прошу прощения, сэр.

— Вы говорили о системе обороны. Откуда у вас такая уверенность, что это последняя линия?

— Должна быть, сэр! Не могут же они рисковать, минируя и самые нижние ярусы, чтобы потом похоронить себя под обломками? По всему чувствуется, что это последнее препятствие подобного рода. В дальнейшем, возможно, ими будетущено в ход ручное оружие.

— Приготовьтесь сопровождать меня в последние казематы, рядовой! Вы и двое остальных в состоянии вести бой?

— Да, сэр!

— Они здесь, сэр! — доложил рядовой, выходя из последнего помещения крепости. — Вместе со всем генетическим оборудованием.

— Ну тогда доставьте их сюда! — приказал генерал.

— Но они уже... словом, доставлять особенно нечего, сэр.

Генерал нахмурился и захлопнул книгу по мифологии.

— Как это?

— Покончили с собой. Подожгли помещение, затем выстрелили себе в головы из двух сверхмощных пистолетов. Сплошная каша!

Генерал побледнел:

— Вы уверены, что это они?

— Абсолютно! Крылатые парень и девушка. — Тут он сделал паузу. — Та часть ее лица, которая уцелела, говорит о том, что это именно та красотка, за которой мы охотились.

Генерал вернулся в холл, не сочтя нужным лично убедиться в точности доклада рядового. Он связался через микрофон с пилотом своего личного вертолета:

— Соедините меня с полпредом!

— Слушаюсь, сэр!

Генерал прислонился к стене и продолжил читать о Зевсе. Как здорово обладать всей полнотой власти и быть более могущественным, чем генерал (хотя и генерал — это тоже немало). Куда приятнее дергать за ниточки и приводить в движение целые нации, чем одну или несколько дивизий. Он закрыл книгу и задумался над тем, что в последнее время занимало его мысли все больше и больше: почему

бы не стать претендентом на политический пост? Разве вот этот полпред не был в прошлом военным человеком? А теперь он обладает властью, где... Нет, это плохая мысль. То, чем занимается полпред, — овчинка, не стоящая выделки! Будучи полпредом, ты просто спица в колеснице: передаешь приказы тех, кто наверху, а отнюдь не свои собственные. Нет, единственное место для тех, кто не хочет быть пешкой в чужих руках, — это армия.

— Полпред, сэр! — доложил пилот, прервав нить его рассуждений.

— Генерал?!

— Они мертвы!

— Вы уверены в этом? Однажды вы уже докладывали, что им не выжить...

— У меня их тела. Вернее, то, что осталось от тел. Устроили пожар в помещении, а затем пустили пули себе в головы.

— В самом деле? Они действительно сделали это? Как то, так и другое?

— Да, — кратко ответил генерал.

— У них было четыре дня, — не унимался полпред. — Целых четыре дня до того, как мы определили местонахождение крепости-Два. Они наверняка должны были ожидать нашего прихода. Меня беспокоит,

почему они не использовали это время, чтобы спастись бегством?

— Возможно, они устали постоянно находиться в бегах. Решили для разнообразия испробовать что-то новенькое.

— Действительно, — согласился пол-пред. — Человек с таким прошлым за плечами, как Стэффер Дэйвис, не мог не убедиться в конце концов в бессмысленности борьбы с нами. Скорее всего, и ее убедил в этом. Отсюда и такой финал, генерал! Доброй ночи!

Генерал пожелал и ему того же, отцепил от лацкана кителя микрофон, открыл свою книгу и стал поджидать лифт, который сейчас уже заработал, после того как техники устранили все повреждения, причиненные ему саботажем последних обитателей крепости.

«Зевс. Да, это было бы чуду подобно. Но как добраться до самого верха, не утратив своей индивидуальности и прочего? Возможно ли такое?» Он продолжал читать до тех пор, пока за ним не спустился лифт.

До тех пор, пока последний вертолет не поднялся от разрушенной крепости и не взял курс на базу, исчезая в темноте, две

птицы, укрывшиеся в ветвях большого дерева, росшего посреди одного из склонов горы Игла, пристально вглядывались вверх, в подбрюшья летающих над ними огромных транспортных воздушных кораблей. Птицы были большими, каждая ростом с шестилетнего ребенка, и покрыты толстыми пушистыми перьями под цвет листвы дерева, на котором сидели, — желтыми и очень красивыми. Их головы казались похожими на лица, на удивление нежные и милые. На концах длинных крыльев можно было увидеть зачатки рук с четырьмя пальцами и пятым, большим, угадываемым под перьями.

— Они действительно ушли? — спросила она.

— Да, и больше не вернутся. Даже если и подозревают какой-нибудь трюк, то все равно не знают, какой именно.

— Как ты себя чувствуешь?

— Все еще в шоке, — признался он. — Не мешало бы иметь больше времени до того, как они сюда пожаловали, чтобы успеть получше привыкнуть к тому, кем мы отныне стали. Но теперь в нашем распоряжении целые годы на то, чтобы освоиться.

Какое-то время она молчала, затем спросила:

— А сможем ли мы и на самом деле создать и других по своему образу и подобию?

— За первые два дня я до деталей изучил все, что связано с работой искусственных маток. А потом у меня ушло более двух дней на создание наших тел, потому что я хотел быть предельно осторожным и уверенным, тогда как мог бы создать их за несколько часов. Мы можем иметь детей. Это будут здоровые и полноценные дети, совсем как мы — человеко-птицы. И они будут умными. Ваши люди ушли дальше, чем сами полагали, в покорении тайн генетики. Если бы они не были так поглощены единственной задачей — созданием солдат, — то смогли бы творить поистине чудеса. Даже могли бы найти вариант, подобный нашему, чтобы спасти себя от уничтожения в последних сражениях с Альянсом.

— И сколько уйдет на это времени? Я о детях.

— Думаю... месяцев пять. У тебя они появятся на свет самым естественным путем, конечно, не через яйца.

— Когда? — спросила она.

— Хочешь сейчас? — спросил он вместо ответа.

Было бы здорово — зачать своего первого ребенка прямо в эту ночь, первую ночь их пребывания в новых телах, ночь, когда Альянс счел их мертвыми и всеми забытыми.

— Боюсь, что буду выглядеть глуповато, занимаясь любовью на птичий манер, — произнесла она со смущением в голосе.

— Нет-нет! — запротестовал он. — Ты прекрасна. И дети твои будут такими же!

И этой ночью во мраке лесов был зачат первый ребенок из серии тайных, невидимых, невероятных воинов, — воинов, которые в один прекрасный день провозгласят свои права на землю отцов и предков, право на Димос для людей, которым покорился воздух... А сегодня ночью была любовь и попытки преодолеть смущение от того, что они не совсем как люди. Сегодня ночью — праздник. Завтра — подготовка к восстанию...

Кунц Дин

K91 Путь из ада: Роман / Пер. с англ.
П.В. Рубцова. — М.: ЗАО Изд-во Центр-
полиграф, 2003. — 253 с.

ISBN 5-227-01370-5

Волна межпланетной агрессии накрыла Вселенную. Безграничная власть оказалась сосредоточена в руках представителей Коалиции Превосходства Человека. Возомнив себя высшими существами, они принялись безжалостно уничтожать чужие расы.

Немногочисленные обитатели планеты Димос, уцелевшие после кровавой бойни, стали для людей подопытными кроликами. Прибыв на Димос с официальной миссией, писатель Дэйвис совершил страшное преступление против Коалиции: влюбился в местную женщину Ли и осудил геноцид. Чтобы спастись от правительственныйых агентов, Дэйвис и Ли решаются на смертельно опасное путешествие к заброшенной крепости Зуб — древнему убежищу народа Димоса...

**УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)**

Литературно-художественное издание

Дин Кунц

ПУТЬ ИЗ АДА

Роман

Ответственный редактор *В.И. Мельник*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.04.2003
Формат 70x90 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 7,93
Доп. тираж 9 000 экз. Заказ № 1413

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ДИД

Путь из ада

Волна межпланетной агрессии накрыла Вселенную. Безгранична власть оказалась сосредоточена в руках представителей Коалиции Превосходства Человека. Возомнив себя высшими существами, они принялись безжалостно уничтожать чуждые расы.

Немногочисленные обитатели планеты Димос, уцелевшие после кровавой бойни, стали для людей подопытными кроликами. Прибыв на Димос с официальной миссией, писатель Дэйвис совершил страшное преступление против Коалиции: влюбился в местную женщину Ли и осудил геноцид. Чтобы спастись от правительственные агентов, Дэйвис и Ли решаются на смертельно опасное путешествие к заброшенной крепости Зуб — древнему убежищу народа Димоса...

ISBN 5-227-01370-5

9 785227 013705

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®